

Russkaya Starina

Issued since 2010

E-ISSN 2409-2118

2025. 16(1). Issued once a year

EDITORIAL STAFF

Krinko Evgeny – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

Larionova Marina – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Grevtsova Tatyana – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dobrovolskaya Varvara – V.D. Polenov State Russian House of Folk Arts, Moscow, Russian Federation

Shadrina Alla – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Borkovski Andrzej – University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dimitrov Lyudmil – Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Goretity József – University of Debrecen, Debrecen, Hungary

Zubarev Vera – University of Pennsylvania, Philadelphia, United States of America

Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Tyumentsev Igor – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1717 N Street NW, Suite 1,
Washington, District of Columbia, USA
20036

Release date 22.06.2025
Format 21 × 29,7.

Website: <https://rs.cherkasgu.press>
E-mail: krinko@mail.ru

Typeface Georgia.

Founder and Editor: Cherkas Global
University

Order № 36

Russkaya Starina

2025

Is. 1

Русская старина

Издается с 2010 г.

Е-ISSN 2409-2118
2025. 16(1). Выходит 1 раз в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Ларионова Марина – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Гревцова Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Добровольская Варвара – Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, Москва, Российская Федерация
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Борковски Анджей – Университет естественных и гуманитарных наук, Седльце, Польша
Горетить Йожеф – Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Димитров Людмил – Софийский университет имени святого Климента Охридского, София, Болгария
Джанжугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Зубарева Вера – Пенсильванский университет, Филадельфия, Соединенные Штаты Америки
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (США), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 1717 N Street NW, Suite 1,
Вашингтон, округ Колумбия, США 20036

Дата выпуска 22.06.2025
Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <https://rs.cherkasgu.press>
E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Cherkas Global
University

Заказ № 36

© Русская старина, 2025

Русская старина

2025

Is. 1

C O N T E N T S

On the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War

The Contribution of Kazakhstan to the Great Victory T.S. Sadykov	4
Representation of the Soviet-Finnish War of 1939–1940 in the Russian Information Space D.D. Sugak	11
The War of Stories. The Role and Significance of the Battle of Kursk in National and Foreign Historiography A.A. Osinniy	19

Articles and Statements

The Images of Soviet Past in the Contemporary Georgian Historiography E.F. Krinko	29
Formation of the Old-Faith Population of Rudny Altai in the XVII–XIX centuries Ye.K. Jiyenaliev, Z.O. Ibadullayeva, Zh.O. Khassenova, G.B. Imangalieva	45
Population Dynamics in Multinational Russia in the 1920s S.A. Kropachev	58
From the History of One Operation of the Sochi District Police to Combat Illegal Alcohol Production in 1923 S.N. Gonta, M.N. Plyakic	70
System Analysis in the Reconstruction of Rotaprint Images of Typewritten Text: Using the Example of Orders for the Distribution of the Fleet of the Kamlesosplav Trust, 1939–1948 N.W. Mitiukov, Yu.L. Kim	76

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2025. 16(1): 4-10

DOI: 10.13187/rs.2025.1.4

<https://rs.cherkasgu.press>

On the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War

The Contribution of Kazakhstan to the Great Victory

Tlegen S. Sadykov ^{a, *}

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the contribution of the Republic of Kazakhstan to the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. The study highlights the main areas of Kazakhstan's involvement in combat operations, the role of national military units, and the individual feats of soldiers who were awarded high state honors. Special attention is given to the role of the home front, including the relocation of industrial enterprises and cultural institutions to Kazakhstan's territory. The article discusses the war's demographic impact on the republic and addresses controversial aspects of historical memory, such as the fate of Kazakh prisoners of war and members of the Turkestan Legion. The author emphasizes that Kazakhstan's contribution extended far beyond military operations and included crucial logistical, industrial, and ideological efforts that helped shape national identity. The paper argues that the memory of the war has become a central component of Kazakhstan's historical narrative and patriotic education. The analysis is based on archival sources, official statistics, war memoirs, and contemporary academic research, reflecting the multifaceted role Kazakhstan played in securing victory.

Keywords: Kazakhstan, Great Patriotic War, memory, heroism, victory, military history, war industry, Soviet Union, historical consciousness, identity.

1. Введение

Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. стала одним из ключевых событий XX в., оказавших глубокое воздействие на историческую судьбу всех народов, входивших в состав Советского Союза. Для Казахской ССР, как и для других союзных республик, война не была лишь эпизодом общегосударственной истории, а стала личной и коллективной трагедией, вызовом и подвигом. Несмотря на отсутствие непосредственных боевых действий на территории республики, ее вклад в общую Победу оказался исключительно значимым – как на фронте, так и в тылу.

Современные подходы к осмыслению истории Второй мировой войны в постсоветских государствах в значительной степени связаны с процессами формирования национальной идентичности, развития исторической политики и реконструкции памяти о прошлом. В этом контексте Казахстан представляет собой интересный пример сочетания официальной государственной позиции и народной культурной памяти о войне. В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост интереса к изучению вклада Казахстана в Победу, что связано

* Corresponding author

E-mail addresses: sadykov_ts@enu.kz (T.S. Sadykov)

как с расширением источниковой базы, так и с актуализацией темы на фоне юбилейных дат и общественных дискуссий.

Цель настоящей статьи – проанализировать ключевые аспекты участия Казахской ССР в Великой Отечественной войне, включая мобилизационные ресурсы, формирование воинских соединений, подвиги казахстанцев на фронтах, работу тыла, демографические последствия, а также роль войны в формировании современной исторической памяти. Внимание уделяется также переосмыслению спорных эпизодов Великой Отечественной войны, таких, как участие казахов в Туркестанском легионе и судьбы военнопленных. Таким образом, статья представляет собой попытку комплексного осмысления вклада Казахстана в Победу с учетом современных научных подходов.

2. Материалы и методы

В основу настоящего исследования положен комплексный подход, сочетающий элементы источниковедческого анализа, историко-сравнительного метода и элементов исторической реконструкции. Архивные документы и современные научные работы позволили реконструировать участие казахстанцев не только в составе регулярных частей Красной армии, но и в партизанском движении.

Методологически работа опирается на сочетание макро- и микроподхода: с одной стороны, рассматриваются глобальные масштабы участия Казахской ССР в Великой Отечественной войне (мобилизация, тыл, экономика), с другой – акцент сделан на индивидуальных судьбах, а также памяти и символах. Это позволяет оценить как общий вклад республики в Победу, так и ее роль в формировании коллективной памяти на постсоветском пространстве.

3. Обсуждение и результаты

Военный вклад. С начала Великой Отечественной войны население Казахской ССР активно включилось в мобилизационные процессы ([Козыбаев, 1970](#)). Из 6,5 млн человек, населявших республику в 1941 г., 1 366 124 человек были мобилизованы в Красную армию. Это составляет свыше 20 % от всего населения, что является одним из самых высоких показателей среди союзных республик. Для сравнения, в Германии доля мобилизованных составляла около 12 % населения ([Казахстан..., 2000](#)). Данный факт демонстрирует исключительный уровень вовлеченности населения Казахской ССР. Из них 601 011 человек погибли на фронтах, что составляет почти половину мобилизованных и 11,2 % от общего населения. Косвенные потери составили еще 592 038 человек, включая погибших в тылу, репрессированных, умерших от болезней и голода. Общие людские потери приблизились к 1,2 млн человек ([Абуов, Айтмухамбетов, 2005: 21](#)). Эта цифра уступает только потерям западных союзных республик, краев и областей РСФСР, на территории которых шли непосредственно боевые действия.

Приводимые данные показывают уровень вовлеченности человеческих ресурсов, учитывая демографическое состояние республики после массового голода и репрессий в 1930-х гг. Несмотря на сложную демографическую ситуацию перед войной казахстанцы активно включились в формирования воинских частей для фронта. В годы войны в республике были сформированы 12 стрелковых, 4 кавалерийских дивизий, 7 бригад, 50 полков ([Абуов, Айтмухамбетов, 2005: 20](#)).

Многие советские вооруженные формирования в годы Великой Отечественной войны создавались на национальной основе ([Народы..., 2022](#)). В работе С.А. Асановой по поводу создания национальных воинских частей говорится: «Все вопросы формирования и комплектования национальных воинских подразделений находились в полной компетенции соответствующих республик. Это было серьезное важное правительственное задание в чрезвычайных условиях военного времени. Поэтому местные республиканские, областные, городские и районные комиссии, возглавляемые первым секретарем соответствующего партийного комитета (заместитель – председатель исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся) со всей ответственностью проводили работу по отбору личного состава, обеспечению формировавшихся частей и соединений необходимым продовольствием, фуражом, обмундированием, снаряжением, транспортными средствами» ([Асанова, 2020: 372](#)).

Автор данной статьи сделала важный акцент на том, что вопросы формирования национальных частей находились в ведении самих союзных республик. Это свидетельствует о высоком уровне доверия и ответственности, возложенной на местные органы власти. В условиях войны, когда требовалась оперативность и эффективность, делегирование таких полномочий республиканским структурам означало признание их потенциала и способности мобилизовать местные ресурсы.

В партийных отчетах отмечается, что призыв в национальные формирования во многих местах проходил «исключительно на добровольных началах». Так, в справке-отчете Алматинского горкома ВКП(б) говорилось: «Призывники были полны страстного желания вступить в национальную кавалерийскую дивизию или стрелковую бригаду». При подведении итогов работы по формированию национальных кавалерийских дивизий и стрелковых бригад в докладной записке ЦК КП(б) Казахстана был отмечен большой патриотический подъем, который проявился осенью 1941 г. «в массовой подаче заявлений с просьбой о добровольном зачислении в эти национальные формирования» (Асанова, 2020: 372-373).

Особое внимание заслуживает упоминание во многих документах о добровольных началах призыва. Несмотря на военное положение и наличие общей мобилизации, акцент на добровольность говорит о высоком уровне патриотизма, проявленном населением. Примеры из отчетов, в том числе Алматинского горкома партии, указывают на эмоциональную вовлеченность призывников, их стремление попасть именно в национальные части – это говорит о том, что этническая идентичность и чувство национального долга гармонично сочетались с общесоветским патриотизмом.

В истории Великой Отечественной войны есть и «потерянная» 106-я кавалерийская дивизия, сформированная в городе Акмолинске за счет мобилизации военнообязанных из шести областей Казахской ССР: Акмолинской, Кустанайской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Северо-Казахстанской и Павлодарской. Она включала 3 кавалерийских полка, конно-артиллерийский дивизион, полуэскадрон связи и другие подразделения. Дивизия отправилась весной 1942 г. на Юго-Западный фронт, на харьковское направление, не получив полностью вооружения. Как отмечает А.С. Жанбосинова: на 4091 военнотруженика приходилось всего 102 винтовки и 3,5 тысячи сабель. Поисковики до сих пор ищут под Харьковом останки казахов, с саблями в руках сражавшихся с немецкими танками: «...и только в последние десятилетия возвращаются их имена к детям и внукам» (Жанбосинова, 2022: 138).

На различных участках фронта отличились в боевых действиях 310-я, 312-я, 316-я (8-я гвардейская имени Панфилова), 387-я, 459-я (затем 29-я, 72-я гвардейская) стрелковые дивизии и другие воинские формирования. Панфиловская дивизия вошла в легенду благодаря героическому сражению у разъезда Дубосеково, описанному Александром Беком в повести «Волоколамское шоссе». Герои этой дивизии, в том числе казахстанцы Бауржан Момышулы и Талгат Бегельдинов, стали символами национальной гордости.

Всего в годы Великой Отечественной войны 528 казахстанцев были удостоены звания Героя Советского Союза, 110 тыс. человек награждены орденами Славы. Четверо стали дважды Героями Советского Союза: Талгат Бегельдинов, Иван Павлов, Леонид Беда, Сергей Луганский. Это не только выдающиеся воины, но и национальные герои, имена которых в центре коллективной памяти народа.

Не менее значим вклад женщин Казахстана в Победу. Около 330 тыс. жительниц Казахской ССР участвовали в военных действиях. Алия Молдагулова и Маншук Маметова – в числе самых известных казахских женщин-фронтовиков, удостоенные звания Героя Советского Союза (Канафина, 2015). Их подвиг стал основой многочисленных литературных, кинематографических и образовательных проектов.

С.А. Асанова отмечает, что создание национальных соединений сыграло свою роль в стимулировании мотивации казахских юношей к службе в Красной армии: «Эта служба рассматривалась казахской молодежью как реальная возможность личностного и социального роста. Стоит отметить, что аналогичная ситуация имела место в годы Первой мировой войны, когда в 1916 г. казахов призвали в армию, но не дали оружия и статуса полноценного солдата. Это вызвало волну возмущения и явилось одной из основных причин, приведших к восстанию 1916 г. Кроме того, здесь необходимо также отметить традиционно высокий статус ратного труда, 375 воинской службы для казахского

менталитета. Отношение к войне базировалось на сохранении элементов кочевнического сознания, которые, хотя и во фрагментарных формах, еще сохранялись в национальном менталитете. Военная служба всегда рассматривалась кочевниками в качестве достойного занятия при условии, что государство дает воину оружие, обмундирование и доставляет к месту боевых действий. Для молодых людей военная служба выступала в качестве реального социального лифта, предоставляла возможность быстрого общественного роста» (Асанова, 2020: 375–376). Приводимые аргументы подчеркивают значимость этнокультурной идентичности как основы для мобилизационного потенциала в военные годы. Когда армия представляет собой не безликую массу, а включает родственные по культуре и языку подразделения, это способствует эмоциональному вовлечению и формированию чувства принадлежности у военнослужащих.

Экономический, тыловой, культурный вклад. В годы войны Казахская ССР стала не просто источником людских ресурсов, но и стратегическим экономическим регионом. Республика обеспечивала более 85 % общесоюзного производства свинца, 60 % молибдена, 35 % меди. Только Карагандинский угольный бассейн дал около трети топлива, использованного советской промышленностью в годы войны. С территории западных регионов СССР в Казахстан было эвакуировано более 220 крупных промышленных предприятий, которые в кратчайшие сроки начали производство. Одновременно с этим в республике построили около 460 новых заводов. В последние годы тема работы на эвакуированных предприятиях совместно разрабатывается казахстанскими и российскими учеными на основе новой источниковой базы, что позволяет раскрыть ее различные аспекты (Производственная повседневность..., 2023).

Казахстан стал арсеналом фронта: металлургические комбинаты, машиностроительные заводы, военные цеха работали круглосуточно. 70 % рабочих на предприятиях составляли женщины и подростки. Сельское хозяйство также внесло весомый вклад: несмотря на тяжелые условия, республика увеличила производство зерна, мяса и другой сельхозпродукции. Свыше 4,7 млрд рублей было собрано в Фонд обороны, на фронт отправлено 1600 вагонов с гуманитарной и технической помощью. Это свидетельствует о высокой степени консолидации населения в условиях войны (Казахстан в Великой, 2005).

Женщины также трудились в тылу, на заводах, фермах, в госпиталях – на их долю пришлась большая часть производственного и социального бремени военных лет. Казахстан сыграл важную роль и в сохранении культурного наследия СССР. В Алма-Ату были эвакуированы студии «Мосфильм», «Ленфильм», Союз кинематографистов, Союз композиторов, а также многие деятели культуры, включая Сергея Эйзенштейна, Всеволода Пудовкина, братьев Васильевых. В годы войны в Казахстане были сняты десятки фильмов, поставлены театральные постановки, организованы фронтовые бригады (Жанбосинова, 2022). Этот культурный феномен свидетельствует о том, что Казахстан не только обеспечивал экономический тыл, но и сохранял духовный фронт, способствуя укреплению морального духа как фронтовиков, так и населения.

Политика памяти и постсоветская идентичность. Одним из важных вопросов Великой Отечественной войны, требующим дальнейшего всестороннего изучения, является ее катастрофическое начало, поражения Красной армии и огромное количество советских военнопленных. Более углубленное изучение данного вопроса проводится в последнее десятилетие XXI в. В исторической памяти Великой Отечественной войны ранее отсутствовала информация о казахских военнопленных и участниках Туркестанского легиона. Жаркие дискуссии в казахстанском обществе вызывал вопрос реабилитации участников Туркестанского легиона: одни полагают, что среди них были пособники фашистов, другие – что они жертвы военных поражений. Архивные источники стали безмолвными свидетелями культурной травмы военнопленных легионеров, при первой же возможности переходивших на сторону Красной армии или в партизанские отряды, действовавшие в европейских странах, таких, как Франция, Норвегия, Чехословакия и др. Попытка легитимизации Туркестанского легиона и его участников вызвала неоднозначную реакцию в информационном пространстве Российской Федерации. Следует отметить, что официальная государственная политика Казахстана по формированию исторической памяти в Великой Отечественной войне имеет свои параметры и не противоречит содержанию коллективной памяти. Содержание последней имеет общие тренды с государственной исторической политикой в России, Белоруссии, пересекаясь с

государствами Центральной Азии. Историческая память о войне в постсоветском пространстве прошла этап забвения, исторической травмы, преодоления. Текущая ситуация – этап конструирования исторической памяти и формирования на ее основе собственной идентичности (Мендикулова, 2021).

4. Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о значимости вклада Казахской ССР в достижение Победы в Великой Отечественной войне, как на военном, так и на тыловом фронтах. Казахстанцы проявили беспримерную стойкость, самоотверженность и патриотизм, внося неопределимый вклад в общую победу над фашизмом. Война стала мощным фактором консолидации многонационального населения республики, закалив нацию и оказав долговременное влияние на формирование казахстанской исторической идентичности. Современная политика памяти и историческая наука Казахстана стремятся сохранить эту память, подчеркнув ценность подвига каждого участника войны. Актуальность темы сохраняется и сегодня, поскольку в условиях глобальных изменений и политических трансформаций на постсоветском пространстве вопросы исторической памяти приобретают особое значение. Казахстан демонстрирует пример бережного отношения к прошлому, подчеркивая общность героического наследия с другими народами бывшего СССР. В этом контексте важно продолжать научные исследования, направленные на объективное и многослойное осмысление вклада республики в Великую Победу. Одной из причин высокой активности казахов в Великой Отечественной войне была традиция воинской доблести, уходящая корнями в эпоху Казахского ханства. Легенды о батырстве, стойкости и чести казахских воинов нашли свое отражение в поведении солдат на поле боя. Преемственность этих традиций позволила казахским бойцам проявить героизм, который до сих пор вызывает уважение. К тому же, в годы войны, все без исключения народы Советского Союза были сплочены общей целью – защитой от фашизма. Поэтому каждый подвиг казахстанцев, будь то солдат на фронте или рабочий на заводах, стал важным вкладом в общую Победу.

Война оставила глубокий след в судьбе казахстанского народа. Важно не только помнить о тех событиях, но и передавать эти знания будущим поколениям, чтобы сохранить и укрепить дух патриотизма, национального единства и гордости за свою Родину.

Литература

Абуов, Айтмухамбетов, 2005 – Абуов К.К., Айтмухамбетов А.А. Вклад народов Казахстана в победу в Великой Отечественной войне (на примере Северного Казахстана) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2005. № 4. С. 20-23.

Асанова, 2020 – Асанова С.А. Специфика поведенческой мотивации воинов казахских национальных формирований в годы Великой Отечественной войны / Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. А.А. Николаев и др. Новосибирск: Издательство «Параллель», 2020. С. 369-380.

Вологодская и др., 2015 – Вологодская Г., Нурлыбаева А., Канафина Ж., Колоколова О. Трагедии и победы казахстанских дивизий Великой Отечественной. 15.02.2015. // Nomad. Кочевник. [Электронный ресурс]. URL: <https://nomad.su/?a=15-201505180029&ysclid=mdh0by8oef226014576> (дата обращения: 06.06.2025).

Жанбосинова, 2022 – Жанбосинова А.С. Историческая память в Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана // Исторический курьер. 2022. №1. С. 133-144.

Казахстан..., 2000 – Казахстан в Великой Отечественной войне: сборник материалов конференции, посвященной 55-летию Победы. Алматы: Министерство обороны Республики Казахстан, 2000. 48 с.

Козыбаев, 1970 – Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта. Алма-Ата: Казахстан, 1970. 475 с.

Мендикулова, 2021 – Мендикулова Г.М. Казахи в европейском движении Сопротивления: новые документы из зарубежных архивов // Исторический курьер. 2021. №3. С. 76-94.

Народы..., 2022 – Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Кринко. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. 428 с.

Производственная повседневность..., 2023 – Производственная повседневность на оборонных предприятиях Казахстана и Урало-Поволжского региона России в военные годы (1941–1945 гг.) / под ред. Р.С. Жаркынбаевой, М.Н. Потемкиной. Алматы: Қазақ Университеті, 2023. 379 с.

References

Abuov, Ajtmuhambetov, 2005 – Abuov, K.K., Ajtmuhambetov, A.A. (2005) Vklad narodov Kazakhstana v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne (na primere Severnogo Kazakhstana) [The contribution of the Peoples of Kazakhstan to the victory in the Great Patriotic War (on the example of Northern Kazakhstan)]. *Vestnik RUDN. Serija "Istorija Rossii"*. 4: 20-23. [in Russian]

Asanova, 2020 – Asanova, S.A. (2020). Spetsifika povedencheskoj motivacii voinov kazahskih nacional'nyh formirovanij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Specifics of the behavioral motivation of soldiers of Kazakh national formations during the Great Patriotic War] *Velikaja Otechestvennaja vojna v istoricheskoj pamjati naroda: izuchenie, interpretacija, uroki proshlogo: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Otv. red. A.A. Nikolaev i dr. Otv. red. A.A. Nikolaev i dr.* Novosibirsk: Izdatel'stvo «Parallel'». Pp. 369-380. [in Russian]

Kazakhstan..., 2000 – Kazakhstan v Velikoj Otechestvennoj vojne (2000): sbornik materialov konferencii, posvjashhennoj 55-letiju Pobedy [Kazakhstan v Great Patriotic war: collection of materials from the conference dedicated to the 55th anniversary of Victory]. *Almaty: Ministerstvo oborony Respubliki Kazakhstan*, 48 p. [in Russian]

Kozybaev, 1970 – Kozybaev, M.K. (1970). Kazakhstan – arsenal fronta [Kazakhstan – arsenal of the front]. *Alma-Ata: Kazakhstan*, 475 p. [in Russian]

Mendikulova, 2021 – Mendikulova, G.M. (2021). Kazahi v evropejskom dvizhenii Soprotivlenija: novye dokumenty iz zarubezhnyh arhivov [Kazakhs in the European Resistance Movement: new documents from foreign archives] *Istoricheskij kur'er*. 3: 76-94. [in Russian]

Narody..., 2022 – Narody SSSR na frontakh Velikoi Otechestvennoi vojny: statisticheskoe i voenno-antropologicheskoe issledovanie [The peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic war: statistical and military-anthropological research]. Otv. red. E.F. Krinko. *Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuNTs RAN*, 428 p. [in Russian]

Proizvodstvennaya povsednevnost'..., 2023 – Proizvodstvennaya povsednevnost' na oboronnykh predpriyatiyakh Kazakhstana i Uralo-Povolzhskogo regiona Rossii v voennye gody (1941–1945 gg.) [Everyday production at defense enterprises in Kazakhstan and the Ural-Volga region of Russia during the war years (1941–1945)]. Pod red. R.S. Zharkynbaevoi, M.N. Potemkinoi. *Almaty: Kazak Universiteti*, 379 p. [in Russian]

Vologodskaja i dr., 2015 – Vologodskaja, G., Nurlybaeva, A., Kanafina, Zh., Kolokolova, O. (2015). Tragedii i pobedy kazahstanskih divizij Velikoj Otechestvennoj. 15.02.2015 [Tragedies and victories of the Kazakh divisions of the Great Patriotic War. 02/15/2015]. *Nomad. Kochevnik*. [Electronic resource]. URL: <https://nomad.su/?a=15-201505180029&ysclid=mdho6y8oef226014576> (date of access: 06.06.2025). [in Russian]

Zhanbosinova, 2022 – Zhanbosinova, A.S. (2022) Istoricheskaja pamjat' v Velikoj Otechestvennoj vojne v prostranstve Kazakhstana [Historical memory in the Great Patriotic War in the space of Kazakhstan]. *Istoricheskij kur'er*. 1: 133-144. [in Russian]

Вклад Казахстана в Великую Победу

Тлеген С. Садыков^{a,*}

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sadykov_ts@enu.kz (Т.С. Садыков)

Аннотация. В статье рассматривается вклад Казахстана в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. В исследовании освещаются основные направления участия Казахстана в боевых действиях, роль национальных воинских частей и подвиги отдельных воинов, удостоенных высоких государственных наград. Особое внимание уделяется роли тыла, включая передислокацию промышленных предприятий и учреждений культуры на территорию Казахстана. В статье рассматривается демографическое влияние войны на республику и затрагиваются спорные аспекты исторической памяти, такие как судьба казахских военнопленных и военнослужащих Туркестанского легиона. Автор подчеркивает, что вклад Казахстана не ограничивался военными операциями и включал в себя важнейшие логистические, промышленные и идеологические усилия, способствовавшие формированию национальной идентичности. В статье утверждается, что память о войне стала центральным компонентом исторического нарратива и патриотического воспитания Казахстана. Анализ основан на архивных источниках, официальной статистике, военных мемуарах и современных научных исследованиях, отражающих многогранную роль Казахстана в достижении Победы.

Ключевые слова: Казахстан, Великая Отечественная война, память, героизм, победа, военная история, военная промышленность, Советский Союз, историческое сознание, идентичность.

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2025. 16(1): 11-18

DOI: 10.13187/rs.2025.1.11

<https://rs.cherkasgu.press>

Representation of the Soviet-Finnish War of 1939–1940 in the Russian Information Space

Danil D. Sugak ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

In this article, we explore the representation of the Soviet-Finnish war of 1939–1940 in the Russian information space. We analyze the evolution of historiographical approaches to conflict, from early Soviet apologetics through a radical revision of the 1990s to a modern synthetic stage critically integrating Russian and Finnish studies. At the same time, special attention is paid to non-academic forms of representation: the role of memoir literature, mass media, literary texts (especially popular genres like combat fiction), cinematography, memorial practices and Internet content (including YouTube), which significantly influence the mass perception of the “Winter War”. We come to the conclusion that the image of war is fragmented and ideologically dependent in the non-academic sphere, its marginalization in the national narrative against the background of the dominance of the theme of the Great Patriotic War, the regionalization of memory in border areas and the tendency towards humanization, which underlines the incompleteness of integrating this event into the Russian mental landscape.

Keywords: Finland, USSR, war, Mainila, historiography, Soviet-Finnish war 1939–1940, “Winter War”, historical memory.

1. Введение

Советско-финляндская война – военный конфликт, продлившийся с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. Это третий по счету вооруженный конфликт между Финляндией и РСФСР/СССР, получивший сначала в финской историографии обозначение как «Зимняя война». Сейчас же данный термин становится общеупотребимым и в России. Данная война долгое время считалась «неизвестной» в отечественной историографии, вплоть до 1989 г. В данной связи представляет интерес рассмотреть ее репрезентации в российском информационном пространстве.

2. Материалы и методы

Стоит начать с историографических источников по проблеме Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., которые позволяют выявить динамику ее оценок представителями профессионального сообщества. Историографию дополняют источники второго порядка, такие, как тематические интернет-сайты. Их популярность у массового зрителя обусловлена доступностью, однако информация на них зачастую формируется непрофессионалами и существенно влияет на общественные представления. Значительное воздействие оказывает и мемуарная литература, ценная свидетельствами очевидцев, но страдающая от крайней субъективности и временной дистанции, что требует критического подхода. Средства

* Corresponding author

E-mail addresses: dsugak@sfedu.ru (D.D. Sugak)

массовой информации (далее – СМИ), как в советское, так и в настоящее время, периодически обращаются к теме войны, хотя ее актуальность, судя по количеству материалов, невысока. Тема войны глубоко проникла в культурное пространство. Художественная литература, начиная с советских произведений и заканчивая постсоветской прозой, активно использовала ее сюжеты. Именно через литературу, по нашему мнению, в отечественный контекст вошло обозначение «Зимняя война». Память о войне материализована в мемориалах и памятниках, а также в экспозициях музеев, сайты которых составили еще одну ценную группу источников исследования. Анализ подачи в них информации весьма важен для понимания современной репрезентации конфликта. Киноискусство также отразило войну, преимущественно в советских фильмах 1941–1943 гг. Эпоха интернета породила новый ключевой источник – видеоматериалы на платформах типа YouTube, где независимые блогеры активно обсуждают сюжеты войны, формируя представления молодого поколения.

Данная работа построена на принципах объективности, детерминизма и историзма. Мы используем общенаучные методы анализа и синтеза, позволяющие рассмотреть репрезентацию войны как целостное явление, выделив ее компоненты (историография, культурные тексты, музеи, интернет-ресурсы) и сопоставив их. Метод классификации помогает систематизировать подходы и источники, историко-генетический метод – выявить эволюцию представлений о войне от раннесоветского периода до современности. Для интерпретации культурных текстов применяется культурно-исторический анализ, раскрывающий символическое значение войны в национальной памяти.

3. Обсуждение и результаты

Стоит начать с письменных источников. Данный тип источников крайне многообразен, и по проблемам Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. написано и опубликовано к настоящему времени немало. Историография играет важную роль в репрезентации любых исторических событий, и ее можно рассматривать даже как первичный источник формирования культурного восприятия того или иного исторического факта или процесса.

В развитии историографии проблемы можно выделить четыре основных этапа. Первый из них – ранний советский. К нему относится относительно небольшое количество работ 1940–1941 гг. (*Бои в Финляндии 1, 1941; Бои в Финляндии 2, 1941*), посвященных данному конфликту. Советско-финляндская война рассматривалась нечасто и в позднесталинский период (*Фальсификаторы истории, 1948*). Для работ данного этапа характерен однозначно положительный просоветский взгляд на конфликт. Общая оценка конфликту давалась как вынужденному, спровоцированному финской стороной, а итоги конфликта указывались как полное и успешное достижение целей СССР в данной войне. В качестве источников такие работы крайне интересны, так как они были написаны хронологически близко к описываемым событиям. При этом приходится учитывать, что многое для авторов было неизвестно по причинам засекреченности значительной части документации по конфликту. Хотя безусловно требуется критическое восприятие указанных работ, чтобы выявить в них влияние идеологических конструкторов эпохи.

Следующий этап можно обозначать, как поздний советский или ортодоксальный. После прошедшего в 1956 г. XX съезда КПСС отечественная историография весьма радикально поменяла оценки по многим событиям и процессам прошлого, включая и интерпретацию событий Советско-финляндской войны. Шла переоценка советских потерь в конфликте, война в историографии стала терять ареол быстрой и безусловной победы над слабым противником. При этом все же сохранялась оценка войны как вынужденной и победной (*История..., 1960–1965, История..., 1973–1982, Барышников, 1980*). Хотя заметно, что проблемы Советско-финляндской войны, как с точки зрения историографии, так и с позиций политических, поднимали в эти годы не так часто.

Последующий этап мы обозначим как ревизионистский. С 1987 г. и до начала 2000-х гг. в историографии возобладали противоположная тенденция. Политика «перестройки» и гласности в последний период существования СССР, последующие преобразования российского руководства после распада СССР дали возможность исследователям радикально пересмотреть старые взгляды на военный конфликт 1939–1940 гг. (*Орлов, 1989, Григорьев, 1989, Семиряга, 1989*). К тому же после 1991 г. были рассекречены многие источники по

проблеме. В то же время появился политический и социальный заказ на радикальный пересмотр хода и результатов всех военных конфликтов, в которых принимал участие СССР, в том числе и «Зимней войны». Появились оценки войны, как агрессивной, спровоцированной советской стороной, затянувшейся, кровавой и неудачной. Данный этап был крайне продуктивным и во многом заложил ту базу, что имеет вся современная отечественная историография по проблеме Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Как представляется, именно историография этого периода заложила основы представлений о «Зимней войне» в современном отечественном информационном пространстве.

Заключительный этап, современниками которого мы являемся, может быть обозначен, как синтетический. Для данного этапа характерно критическое восприятие информации, приводимой во всех предшествующих этапах развития историографии. Современные отечественные авторы склонны внимательно относиться также и к информации, которая приводится в финляндской историографии проблемы. Авторы на данном этапе отошли от создания крупных обобщающих работ о войне, так как ее основные черты и события уже достаточно подробно изучены на прошлых этапах развития историографии (Барышников, 2023; Тиркельтауб, Степаков, 2000; Петров, 2005; Иринчеев, 2013). Современные авторы с большим интересом обращаются к изучению проблем участия в войне отдельных родов войск, а также к микросюжетам и локальным событиям данного военного конфликта.

Безусловно, на формирование представлений людей о событиях очень сильно влияет мемуарная литература (Мерецков, 1968; Хренов, 1982). Очевидный плюс данного вида источников – очевидец событий рассказывает о том, что сам лично наблюдал. Но из этого плюса происходит и закономерный минус – это крайняя субъективность изложения исторических фактов в мемуарах. Каждый человек воспринимал события войны со своей точки зрения и с высоты своего социального положения. Помимо прочего сказывается обычно и тот факт, что мемуары пишутся людьми на определенном временном отдалении от событий, и это обстоятельство также сильно влияет на достоверность информации. Как интересный пример подобных мемуаров можно привести книгу известного артиста цирка и киноактера Юрия Владимировича Никулина «Семь долгих лет» (Никулин, 2018). Необходимо критическое восприятие информации, которую приводят в мемуарах авторы.

Значительное влияние на процесс репрезентации исторических событий в культуре оказывают средства массовой информации. В современных СМИ тема войны периодически поднимается. Например, отечественное информационное агентство «РИА Новости» за последние 5 лет опубликовало 6 статей, касавшихся событий Советско-финляндской войны (Советско-финская война..., 2024). Однако это количество свидетельствует в то же время, что для СМИ данная тема не особо актуальна и интересна.

Безусловно, не могла тема Советско-финляндской войны не быть затронутой художественной литературой. Еще в советское время выходили работы, которые описывали в художественном стиле события войны. Среди них вышедшая еще в 1941 г. книга Александра Молчанова «На Карельском перешейке» (Молчанов, 1941), повести и рассказы Михаила Дудина «Где наша не пропадала» (Дудин, 1972). Эти работы предназначались для чтения советских детям и подросткам.

В постсоветский период авторы также обращались к теме «Зимней войны». В 1990–2000-е гг. в отечественной литературе набирают популярность такие жанры, как боевая фантастика, альтернативная история и «попаданческая литература». Представители данного жанра активно помещали героев своих произведений в военные конфликты прошлого, в том числе и на поля Советско-финляндской войны. Примером могут служить произведения Александра Тамоникова «Зимняя война. Дороги чужого севера» (Тамоников, 2019) и Дмитрия Светлова «Охотник на кукушек» (Светлов, 2019). Известно, что художественная литература в угоду стилю и сюжету сильно искажает исторические факты, но именно она во многом формировала и формирует образ событий у масс. Поэтому современная литература очень интересна как источник по проблеме репрезентации Советско-финляндской войны, как в рамках творческого процесса авторов, так и в восприятии читателей. Характерным элементом данной литературы на современный момент является некоторый реваншизм. Авторам хочется продемонстрировать сюжеты с успешными действиями советских бойцов, их победами над финскими противниками и в целом куда более успешную военную кампанию Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., нежели в известной нам исторической действительности.

Также в нашей стране имеется определенное количество мемориалов и памятников, посвященных данной войне. Первым в истории Российской Федерации был установлен в 2000 г. в Урочище Питкякангас Республика Карелия мемориал «Крест скорби». Помимо самого креста, мемориал включает в себя еще мемориальную доску и «Поляну скорби». Название и образ мемориала показывает, что в рамках государственной политики 2000-х гг. события на Карельском перешейке 1939–1940 гг. воспринимались и отображались как трагические и скорбные. В 2003 г. был установлен памятник павшим в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг., представляющий из себя гранитную глыбу высотой 2,5 метра и надписью: «Вечная память павшим на советско-финляндской войне. 1939–1940» ([Памятник павшим...](#)). Данный памятник имеет не настолько ярко выраженный эмоциональный, а скорее более нейтральный характер.

В Российской Федерации существуют музеи, либо посвященные Советско-Финляндской войне, либо организующие отдельные выставки, касающиеся проблем данного конфликта. Наиболее известным является Военный музей Карельского перешейка в городе Выборг ([Военный музей...](#)), выросший в полноценный музей из личной коллекции отечественного поисковика и историка Баира Иринчеева. Также существует музей «На Кексгольмском направлении» ([Музей...](#)) на территории Загородного клуба «Дача» в Приозерском районе Ленинградской области. Анализ экспозиций и подачи информации на экскурсиях в этих и подобных музеях может предоставить интересную информацию о том, как представляются события Советско-финляндской войны.

Ну и последними, но не по важности и информативности, надо выделить видео- и кинодокументы. В отечественном кинематографе снято не так мало кинокартин, как можно было бы предположить, посвященных этой войне. Преимущественно это фильмы 1941–1943 гг. выпуска: «Боевые подруги» (1941), «В тылу врага» (1941), «Машенька» (1942). Но также есть и современные кинофильмы о проблемах Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Среди них «Придел ангела» (2008) и фильм о Василии Маргелове «Десантный Батя» (2008). Также в 2012 г. был выпущен целый отечественный сериал «Военная разведка. Северный фронт».

Эпоха Интернета предоставила нам новый источник – это видеоматериалы на онлайн видеохостингах, в частности, на сайте видеохолдинга YouTube. Многие независимые каналы и блогеры стали активно в XXI столетии выпускать видео с рассмотрением сюжетов и проблем Советско-финляндской войны. Приведем несколько примеров: документальная передача «Как Финская война стала неизбежной» с участием историка Владимир Барышников и журналиста Егора Яковлева ([Как Финская война..., 2023](#)) с YouTube-канала «Цифровая история»; документальные фильмы «Как искажаются факты Советско-Финской войны. Причины, ход и итоги Зимней войны 1939–1940 гг.» ([Как искажаются факты..., 2022](#)) с YouTube-канала «Трибун» и «Вторая мировая война. Зимняя война» ([Вторая мировая война, 2024](#)) с YouTube-канала «History Lab». Данный тип источника популярен у потребителей информации в современную нам эпоху и активно влияет на восприятие событий той войны русскоговорящих пользователей сети Интернет.

Можно сказать, что источники по проблеме репрезентации Советско-финляндской войны в отечественном культурном пространстве крайне разнообразны, а отдельные их виды достаточно многочисленные. Образ Советско-финляндской войны за почти 85 лет с момента ее окончания в отечественной культуре менялся, причем в отдельные исторические моменты данный образ менялся принципиально. Тем не менее, стоит отметить достаточно правомерное выражение, что для нашей культуры Советско-финляндская война остается во многом войной забытой, недостаточно актуальной. Наши соотечественники обращаются к памяти о ней и к ее образу очень редко.

4. Заключение

Проведенное исследование репрезентации Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. выявило сложную динамику формирования исторической памяти, отражающую взаимосвязь науки, культурных практик и социополитических контекстов. Историография эволюционировала от идеологически детерминированных советских трактовок через радикальный пересмотр 1990-х – начала 2000-х гг. к современному синтетическому этапу. Последний характеризуется преодолением поляризации, междисциплинарным анализом, интеграцией архивов и вниманием к «человеческому измерению», позволяя рассматривать

конфликт как результат переплетения геополитики, взаимных страхов и логики надвигающейся мировой войны.

Вне науки репрезентация адаптируется к общественным запросам. Мемуары фиксируют разрыв между официальным нарративом и опытом участников. Художественные тексты и кинематограф мифологизируют события, популяризовав термин «Зимняя война», часто искажая реальность. Музейные и мемориальные комплексы эволюционировали от умолчания к сакрализации памяти, став центрами локальной памяти, особенно в приграничных регионах. Интернет-пространство, ключевой канал формирования исторического сознания в XXI в., отражает поляриность оценок и совмещает образовательный контент с мифологизирующими интерпретациями.

Формирование памяти определяется тремя тенденциями: маргинализацией в общенациональном нарративе на фоне доминирования темы Великой Отечественной войны; регионализацией коммеморативных практик в Республике Карелия и в Ленинградской области; гуманизацией подхода, проявившейся в признании страданий мирных жителей, внимание к судьбам солдат.

Таким образом, репрезентация войны вне академической сферы остается фрагментарной и идеологически зависимой. Образ «незнаменитой» войны служит индикатором отношения российского общества к сложному прошлому, сохраняя актуальность для понимания механизмов конструирования исторической памяти, и подчеркивает незавершенность ее интеграции в отечественный ментальный ландшафт.

Литература

Барышников, 1980 – Барышников Н.И. Проблема обеспечения безопасности и защиты Ленинграда с севера в годы второй мировой войны: автореф. дис... д-ра ист. наук. Л. 1980. 53 с.

Барышников, 2023 – Барышников В.Н. Финская война. М.: Издательство «Кучково поле», 2023. 448 с.

Бои в Финляндии 1, 1941 – Бои в Финляндии: Воспоминания участников. Ч. 1. 2-е изд. М.: Воениздат, 1941. 400 с.

Бои в Финляндии 2, 1941 – Бои в Финляндии: Воспоминания участников. Ч. 2. 2-е изд. М.: Воениздат, 1941. 540 с.

Военный музей... – Военный музей Карельского перешейка. [Электронный ресурс]. URL: <https://war-museum.ru/?lang=ru> (дата обращения: 27.12.2024).

Вторая мировая война, 2019 – Вторая мировая война. Фильм 9. Зимняя война. Документальный фильм. По заказу АО «ЦТВ». Производство: Студия Град (History Lab). 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Kmf3f_bzPXg (дата обращения: 29.12.2024).

Григорьев, 1989 – Григорьев А. Советско-финская война // *Эхо планеты*. 1989. № 47. С. 26-33.

Дудин, 1972 – Дудин М.А. Где наша не пропадала: Повесть и рассказы. М.: Детская литература, 1972. 165 с.

Иринчеев, 2013 – Иринчеев Б.К. Танки в Зимней войне. М.: Тактикал Пресс, 2013. 248 с.

История..., 1960–1965 – История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. М.: Воениздат, 1960–1965.

История второй мировой, 1973–1982 – История второй мировой войны, 1939–1945: в 12 т. М.: Воениздат, 1973–1982.

Как искажаются факты..., 2022 – Как искажаются факты Советско-финской войны. Причины, ход и итоги Зимней войны 1939–1940 гг. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RMz9GGrmcR8> (дата обращения: 28.12.2024).

Как Финская война..., 2023 – Как Финская война стала неизбежной / Владимир Барышников и Егор Яковлев. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g-YwuxtwT3s> (дата обращения: 28.12.2024).

Мерецков, 1968 – Мерецков К.А. На службе народу. М.: Политиздат, 1968. 447 с.

Молчанов, 1941 – Молчанов А. На Карельском перешейке: Эпизоды боев с белофиннами в 1939–1940 годах, по рассказам и воспоминаниям участников боев. Ленинград: Детгиз, 1941. 126 с.

- Музей...** – Музей советско-финляндской войны. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dacha-ozero.ru/exclusive/museum/> (дата обращения: 28.12.2024).
- Никулин, 2018** – Никулин Ю.В. Семь долгих лет. М.: АСТ, 2018. 128 с.
- Орлов, 1989** – Орлов А.С. Можно ли было избежать конфликта? // *Родина*. 1989. № 8. С. 25–26.
- Памятник павшим...** – Памятник павшим в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://petersburg-sculpture.spbu.ru/monuments/pamatnik-pavsim-v-sovetsko-finlandskoj-vojne-1939-1940-gg> (дата обращения: 27.12.2024).
- Петров, 2005** – Петров П.В. Балтийский флот. Финский гамбит. М.: Яуза, 2005. 432 с.
- Светлов, 2019** – Светлов Д. Охотник на кукушек. М.: Яуза, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://mybook.ru/author/dmitrij-svetlov/ohotnik-na-kukushek-2/> (дата обращения: 26.12.2024).
- Семиряга, 1989** – Семиряга М.И. «Незнаменитая война» // *Огонек*. 1989. № 22. С. 28–30.
- Советско-финская война..., 2024** – Советско-финская война (1939–1940). РИА Новости. 30.11.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/event_Sovetsko-finljandskaja_vojjna/ (дата обращения: 25.12.2024).
- Тамоников, 2019** – Тамоников А. Зимняя война. Дороги чужого севера. М.: Эксмо, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://mybook.ru/author/aleksandr-tamonikov/zimnyaya-vojna-dorogi-chuzhogo-severa/> (дата обращения: 25.12.2024).
- Тиркельтауб, Степаков, 2000** – Тиркельтауб С.В., Степаков В.Н. Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов. СПб.: Б&К, 2000. 68 с.
- Фальсификаторы истории, 1948** – Фальсификаторы истории. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1948. 79 с.
- Хренов, 1982** – Хренов А.Ф. Мосты к победе. М: Воениздат, 1982. 349 с.

References

- Baryshnikov, 1980** – Baryshnikov, N.I. (1980) Problema obespechenija bezopasnosti i zashhity Leningrada s severa v gody vtoroj mirovoj vojny [The problem of ensuring the security and defense of Leningrad from the north during the Second World war: author's abstract]: avtoref. dis... d-ra ist. nauk. Leningrad, 53 p. [in Russian]
- Baryshnikov, 2023** – Baryshnikov, V.N. (2013) Finskaja vojna [Finnish war]. М.: Izdatel'stvo «Kuchkovo pole», 448 p. [in Russian]
- Boi v Finljandii 1, 1941** – Boi v Finljandii (1941): Vospominaniya uchastnikov [Battles in Finland: Memories of Participants]. Ch. 1. 2-e izd. М.: Voenizdat, 400 p. [in Russian]
- Boi v Finljandii 2, 1941** – Boi v Finljandii (1941): Vospominaniya uchastnikov [Battles in Finland: Memories of Participants]. Ch. 2. 2-e izd. М.: Voenizdat, 540 p. [in Russian]
- Dudin, 1972** – Dudin, M.A. (1972). Gde nasha ne propadala: Povest' i rasskazy [Where hasn't ours been: Novella and short stories]. М.: Detskaya literatura, 165 p. [in Russian]
- Fal'sifikatory istorii, 1948** – Fal'sifikatory istorii (1948) [Falsifiers of history]. М.: OGIZ, Gospolitizdat, 79 p. [in Russian]
- Grigor'ev, 1989** – Grigor'ev, A. (1989). Sovetsko-finskaya voina [The Soviet-Finnish War]. *Ekho planety*. 47: 26–33. [in Russian]
- Irincheev, 2013** – Irincheev, B.K. (2013). Tanki v Zimnei voine [Tanks in the Winter War]. М.: Taktikal Press, 248 p. [in Russian]
- Istoriya vtoroi mirovoi, 1973–1982** – Istoriya vtoroi mirovoi voiny, 1939–1945 (1973–1982) [History of the Second World War, 1939–1945]: v 12 t. М.: Voenizdat. [in Russian]
- Istoriya..., 1961–1965** – Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 (1961–1965) [The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]: v 6 t. М.: Voenizdat. [in Russian]
- Kak Finskaya voina..., 2023** – Kak Finskaya voina stala neizbezhnoi / Vladimir Baryshnikov i Egor Yakovlev (2023) [How the Finnish War became Inevitable / Vladimir Baryshnikov and Egor Yakovlev]. 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g-YwuxtWt3s> (date of access: 28.12.2024). [in Russian]
- Kak iskazhayutsya fakty..., 2022** – Kak iskazhayutsya fakty Sovetsko-finskoi voiny. Prichiny, khod i itogi Zimnei voiny 1939–1940 gg. (2022) [How the facts of the Soviet-Finnish War are

- distorted. Causes, course and results of the Winter War of 1939–1940]. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RMz9GGrmcR8> (date of access: 28.12.2024). [in Russian]
- Khrenov, 1982** – *Khrenov A.F.* (1982) *Mosty k pobede* [Bridges to victory]. M.: Voenizdat, 349 p. [in Russian]
- Meretskov, 1968** – *Meretskov, K.A.* (1968). *Na sluzhbe narodu* [In the service of the people]. M.: Politizdat, 447 p. [in Russian]
- Molchanov, 1941** – *Molchanov A.* (1941) *Na Karel'skom peresheike: Epizody boev s belofinnami v 1939–1940 godakh, po rasskazam i vospominaniyam uchastnikov boev* [On the Karelian Isthmus: Episodes of battles with the White Finns in 1939–1940, based on the stories and memoirs of participants in the battles]. Leningrad: Detgiz, 126 p. [in Russian]
- Muzei sovetsko-finlyandskoi** – *Muzei sovetsko-finlyandskoi voiny* [Museum of the Soviet-Finnish War]. [Electronic resource]. URL: <https://www.dacha-ozero.ru/exclusive/museum/> (date of access: 28.12.2024).
- Nikulin, 2018** – *Nikulin, Yu.V.* (2018). *Sem' dolgikh let* [Seven long years]. Moskva: AST, 128 p. [in Russian]
- Orlov, 1989** – *Orlov, A.S.* (1989). *Mozhno li bylo izbezhat' konflikta?* [Could the conflict have been avoided?]. *Rodina*. 8: 25–26. [in Russian]
- Pamyatnik pavshim...** – *Pamyatnik pavshim v sovetsko-finlyandskoi voine 1939–1940 gg.* [Monument to the fallen in the Soviet-Finnish war of 1939–1940]. [Electronic resource]. URL: <https://petersburg-sculpture.spbu.ru/monuments/pamatnik-pavsim-v-sovetsko-finlandskoj-vojne-1939-1940-gg> (date of access: 27.12.2024). [in Russian]
- Petrov, 2005** – *Petrov, P.V.* (2005) *Baltiiskii flot. Finskii gambit* [The Baltic Fleet. The Finnish Gambit]. M.: Yauza, 432 p. [in Russian]
- Semiryaga, 1989** – *Semiryaga, M.I.* (1989). “*Neznamenitaya voina*” [The “Unmarked War”]. *Ogonek*. 22: 28–30. [in Russian]
- Sovetsko-finskaya voina..., 2024** – *Sovetsko-finskaya voina (1939–1940)* [The Soviet-Finnish war (1939–1940)]. *RIA Novosti*. 30.11.2024 [Electronic resource]. URL: https://ria.ru/event_Sovetsko-finljandskaja_vojna/ (date of access: 25.12.2024). [in Russian]
- Svetlov, 2019** – *Svetlov, D.* (2019). *Okhotnik na kukushek* [The Cuckoo Hunter]. M.: Yauza [Electronic resource]. URL: <https://mybook.ru/author/dmitrij-svetlov/ohotnik-na-kukushek-2/> (date of access: 26.12.2024). [in Russian]
- Tamonikov, 2019** – *Tamonikov, A.* (2019). *Zimnyaya voina. Dorogi chuzhogo severa* [The Winter War. Roads of the foreign north]. M.: Eksmo [Electronic resource]. URL: <https://mybook.ru/author/aleksandr-tamonikov/zimnyaya-vojna-dorogi-chuzhogo-severa/> (date of access: 25.12.2024). [in Russian]
- Tirkel'taub, Stepakov, 2000** – *Tirkel'taub, S.V., Stepakov, V.N.* (2000). *Protiv Finlyandii. Sovetskaya morskaya aviatsiya na Baltike v voine 1939–1940 godov* [Against Finland. Soviet naval aviation in the Baltic during the 1939–1940 war]. SPb: B&K, 68 p. [in Russian]
- Voennyj muzej Karel'skogo** – *Voennyj muzej Karel'skogo pereshejka* [Military Museum of the Karelian Isthmus]. [Electronic resource]. URL: <https://war-museum.ru/?lang=ru> (date of access: 27.12.2024).
- Vtoraya mirovaya voina, 2019** – *Vtoraya mirovaya voina. Fil'm 9. Zimnyaya voina. Dokumental'nyi fil'm. Po zakazu AO “TsTV”. Proizvodstvo: Studiia Grad (History Lab)* [The Second World war. Film 9. The Winter War. A documentary film. By order of JSC “TSTV”. Production: Studio Grad (History Lab)]. 2019. [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Kmf3f_bzPXg (date of access: 12.2024). [in Russian]

Репрезентация Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в российском информационном пространстве

Данил Дмитриевич Сугак^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dsugak@sfedu.ru (Д.Д. Сугак)

Аннотация. В настоящей статье мы исследуем репрезентацию Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в российском информационном пространстве. Мы анализируем эволюцию историографических подходов к конфликту – от раннесоветской апологетики через радикальный пересмотр 1990-х гг. к современному синтетическому этапу, критически интегрирующему отечественные и финляндские исследования. При этом особое внимание уделяется внеакадемическим формам репрезентации: роли мемуарной литературы, СМИ, художественных текстов (особенно популярных жанров вроде боевой фантастики), кинематографа, мемориальных практик и интернет-контента (включая YouTube), которые существенно влияют на массовое восприятие «Зимней войны». Мы приходим к выводу о фрагментарности и идеологической зависимости образа войны во внеакадемической сфере, его маргинализации в общенациональном нарративе на фоне доминирования темы Великой Отечественной войны, регионализации памяти в приграничных областях и тенденции к гуманизации, что подчеркивает незавершенность интеграции этого события в российский ментальный ландшафт.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, война, Майнила, историография, Советско-финляндская война 1939–1940 гг., «Зимняя война», историческая память.

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2025. 16(1): 19-28

DOI: 10.13187/rs.2025.1.19

<https://rs.cherkasgu.press>

The War of Stories. The Role and Significance of the Battle of Kursk in National and Foreign Historiography

Alexander A. Osinniy ^{a, *}

^a Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State Economic University (RINH), Russian Federation

Abstract

The Battle of Kursk has always caused disputes among historians. Since the end of the war, a huge number of research have been published among Russian and foreign authors. This article analyzes the existing assessments of the Battle of Kursk, and similarities and differences are identified. Particular attention is paid to the problem of distortion and falsification of the events of the battle of Western experts, and the history of the origin of these trends is considered, the works of Soviet and Russian historians are analyzed.

Domestic historiography traditionally emphasizes the important role of the Battle of Kursk, in the history of the Great Patriotic War and the Second World War as a whole. The authors focus on the heroism of soldiers and commanders, the superiority of Soviet military science, the most important results and the consequences of the battle. In foreign literature, one can often find information about overstated Soviet losses, doubts about the effectiveness of decisions of the top leadership of the USSR and the Soviet accusations of unjustified victims among personnel. In addition, Western historians, referring to the memoirs of German generals, believe that the landing of allied troops in Sicily played the most important role in the victory of the Red Army. Among the Western authors there are also those who objectively evaluate the events of the Battle of Kursk, but this did not affect the general trend aimed at distorting the events of the war.

Keywords: Battle of Kursk, Great Patriotic War, historiography, falsification, myths.

1. Введение

В настоящее время существуют различные точки зрения о событиях Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. Отечественные и зарубежные историки могут спорить о статистике, деталях и значении тех или иных битв и сражений. Но существует и проблема фальсификации истории, приводящей к созданию искаженной картины событий войны, в том числе и Курской битвы. В прошлом и настоящем ученые делали и делают попытки противостоять данному процессу (Гришин, 2013; Ливцов, Пожидаев, 2017; Ливцов и др., 2017; Хисамутдинова, 2019; Перевознова, 2020 и др.). Это можно назвать «войной историй».

Курская битва длилась 50 суток, во время которых военнослужащие Красной армии в тяжелых боях остановили немецкие войска, а после провели успешные наступательные операции и освободили Орел, Белгород и Харьков. Победа в битве ознаменовала завершение коренного перелома в Великой Отечественной войне, а Германия навсегда теряла стратегическую инициативу на Восточном фронте.

* Corresponding author

E-mail addresses: osinniy2020@mail.ru (A.A. Osinniy)

Курская битва стала одной из крупнейших в годы Великой Отечественной войны. С обеих сторон в ней участвовало более 4 млн человек. В августе 1943 г., когда еще гремели бои, президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль в своих посланиях к И.В. Сталину поздравляли народ и армию Советского Союза с победами и указывали на важность происходивших событий. Рузвельт отмечал героизм, мужество и самоотверженность советских солдат, а контрнаступательные операции, с его слов, имели «далеко идущие последствия» (Переписка..., 1958, 2: 76). Черчилль давал схожую оценку и указал, что «поражение германской армии на этом фронте являются вехами на пути к нашей окончательной победе» (Переписка..., 1958, 1: 142).

Но это было в военные годы. С окончанием Второй мировой войны и началом холодной войны взаимоотношения СССР и Запада становились напряженными. Начиналось противостояние длиною в 40 лет, что не могло не повлиять на историографию. А.А. Падерин пишет о том, что «правда о решающем вкладе Советского Союза и его Вооруженных сил в победу над фашизмом уже не устраивала бывших союзников», а их «правительства, политики и идеологи делали все для того, чтобы сформировать в сознании народов убеждение в решающей роли своих армий в разгроме вермахта» (Падерин, 2013: 93).

Проблема фальсификации является актуальной в исторической науке. Фальсификации выражались в умышленном искажении фактов, их сокрытии и игнорировании, формировании ложных концепций войны. Причины искажений во многих случаях носили политический характер. Г.М. Ипполитов пишет: «Для субъектов фальсификаторского процесса главными оказывается в конечном итоге далеко не научные цели, а “промывание мозгов”, итогом которого должно стать внушение людям – объектам фальсификации – каких-либо идеологических или политических клише... чем и разрушается (а иногда даже и уничтожается) историческая память» (Ипполитов, 2018: 434).

Формирование представлений о событиях Второй мировой войны в западной историографии связано с деятельностью Военно-исторической службы США, которая использовала немецкие архивы, знания и воспоминания немецких генералов, а также других военных деятелей. Среди них были такие известные генералы, как Э. Манштейн и Х. Гудериан. К 1960-м гг. были созданы тысячи разработок, в том числе и о событиях на Восточном фронте, которые стали использовать в своей работе западные историки: «Они стали фундаментом, на котором формировались представления большинства зарубежных историков о событиях на советско-германском фронте» (Падерин, 2013: 93).

Мемуары немецких генералов, на которые ссылаются западные историки, не могут являться источником объективной информации, хотя они признают масштаб своего поражения под Курском летом 1943 г. Э. Манштейн пишет о том, что наступательная операция «Цитадель» была последней попыткой сохранить инициативу на Востоке, а ее провал привел к обратному результату (Манштейн, 2010: 444). Х. Гудериан вспоминал, что Германия потерпела решительное поражение. Бронетанковые войска понесли большие потери, многие части были выведены из строя. По его словам, больше «на Восточном фронте не было спокойных дней». (Гудериан, 2012: 368). Ф. Меллентин считает, что летом 1943 г. «погибли лучшие части германской армии» (Меллентин, 1957: 202). В то же время Манштейн связывает поражение в операции «Цитадель» со стратегическим влиянием других театров военных действий. Он указывает на Сицилийскую операцию или операцию «Хаски», проведенную союзными войсками 10 июля 1943 г., в самый разгар Курской битвы (Манштейн, 2010: 473). Меллентин, в свою очередь, говорит о том, что в операции «Цитадель» с тактической точки зрения ни одной из сторон не удалось достигнуть успеха. По его словам, потери Советского Союза быстро восполнялись с помощью англичан и американцев. Кроме этого, Меллентин считает, что Гитлер согласился на крупное отступление 9-й армии из-за угрозы в Италии. Гитлер «хотел вывести из России как можно больше войск с тем, чтобы восстановить положение на юге Европы» (Меллентин, 1957: 202).

После распада Советского Союза искажение истории не прекратилось. Продолжают создаваться мифы о Великой Отечественной войне. Это можно связать со сложной внешнеполитической обстановкой, с напряженными отношениями между Россией и западными странами. Не только в западной, но и в отечественной историографии, особенно в 1990-е гг., стали занижать роль Курской битвы, а на первый план выходили победы союзных войск.

2. Материалы и методы

Основу проведенного исследования составили историографические источники – коллективные обобщающие труды и специальные работы отечественных и зарубежных историков. Также использовалось небольшое число исторических источников, в основном мемуары. Автор, изучая и анализируя отечественную и зарубежную литературу, опирался на принцип историзма, стремясь рассматривать появление тех или иных концепций и оценок в контексте определенных политических событий и в динамике. При этом использовался сравнительно-исторический метод и методы логического анализа.

3. Обсуждение и результаты

Западная историография. Начнем анализ западной историографии с работы английского историка М. Говарда «Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943». Основной упор автор делает на изучение действий союзных войск. Роли Советского Союза уделяется не так много внимания. Об операции «Цитадель» Говард пишет кратко, крайне обобщенно говорит о ее причинах, ходе и итогах. Стоит обратить внимание на причины провала немецкого наступления. Здесь автор ссылается на мемуары Манштейна и связывает прекращение наступления с обстановкой на Сицилии и необходимостью переброски туда крупных немецких сил (Говард, 1980: 330). Подобная точка зрения встречается у Э. Земке – американского историка и начальника отдела военно-исторической службы США (Земке, 2009: 161). Э. Земке не забывает упомянуть об угрозе для немецких войск на Орловском выступе, где вскоре началось советское наступление, но акцент сделал на Сицилийской операции, которая, по его словам, больше всего волновала Гитлера (Земке, 2009: 161). Эту причину, по словам А. А. Падерина, можно встретить в работах Р. Пейна, Л. Грухмана, М. Блюменсона и других западных историков (Падерин, 2013: 94).

Между тем, к 10 июля 1943 г. наступление вермахта стало замедляться благодаря действиям советских войск и хорошо выстроенной обороне, а с началом операции «Кутузов» и «Полководец Румянцев» немцы не имели возможности направить на другие театры военных действий большое число дивизий. Важнейшей задачей вермахта стало сдерживание Красной армии, чтобы не дать ей возможность окружить немецкие войска на орловском выступе, занять Белгород и Харьков на юге от курского выступа, которые открывали путь на Украину. «Высадка союзников в Сицилии... ухудшила стратегические позиции Германии, но она не оказала сколько-нибудь заметного влияния на ход сражения под Курском» – считает Г.Н. Крайнов (Крайнов, 2024: 92). В Италию немцы отправили силы, но только одну дивизию СС «Лейбштандарт», при этом все ее танки и САУ передавались дивизии «Райх» (Крайнов, 2024: 92).

Немецкий историк Р. Теппель в своей работе «Курск 1943: Величайшая битва Второй мировой войны» пытается дать объективную оценку событиям лета 1943 г. В частности, Теппель критикует утверждения о том, что высадка в Сицилии повлияла на ход боев под Курском: «Легендой, которая до сегодняшнего дня наиболее упорно держится в немецких представлениях о Курской битве, является утверждение, что Гитлер “подарил” противнику победу под Курском, поскольку наступление было прервано “ошибочным решением” – и прежде всего из-за высадки англо-американцев в Сицилии» (Теппель, 2019: 252).

В то же время Теппель не рассматривает Курскую битву в стратегическом смысле решающим сражением, определившим ход войны. Он считает, что были другие события, которые в большей степени изменили ход Второй мировой войны. Среди них историк выделяет вступление в войну США, сражение у Мидуэя и поражения Германии на Восточном фронте в 1941 и 1942 гг. С последним можно согласиться, но провал операции «Барбаросса», наступления на Сталинград и Кавказ не подорвали возможности вермахта в полной мере. В 1943 г. немецкая армия все еще представляла из себя серьезную силу, которая имела возможность нанести мощный удар, что она и попыталась сделать в ходе операции «Цитадель». Советское командование понимало это и поэтому тщательно готовилось к боям под Курском. И именно победа Красной армии летом 1943 г. окончательно подорвала наступательные возможности противника. Это является итогом и значением Курской битвы.

Среди российских историков есть те, кто критикует Р. Теппеля за недостоверную информацию и даже мифы, которые он приводит в своей работе. Например, Г.Н. Крайнов подвергает критике миф о «сезонности», который гласит, что советские войска успешно

могут наступать и побеждать только зимой, как это было в битве за Москву и Сталинград. При этом российский историк не отрицает того, что Теппель пытается опровергать мифы о Курской битве, созданные другими историками и авторами мемуаров, но отмечает, что «молодое поколение современных немецких историков» не может полностью «отказаться от ложных взглядов и оценок» (Крайнов, 2024: 95). Ю.Н. Лещенко также подвергает критике данные Теппеля о советских потерях в ходе Курской битвы, которые он указывает, ссылаясь на Б.В. Соколова. По его словам, Теппель заявляет, что потери Красной армии занижены, а на самом деле они были гораздо больше, чем у Германии (Лещенко, 2024: 72).

Следующая работа, на которую стоит обратить внимание – это книга британского историка Р. Эванса «Третий рейх. Дни войны. 1939–1945». Во-первых, здесь вновь встречается утверждение о том, что провал операции «Цитадель» связан с обстановкой в Средиземном море и приказом Гитлера о переброске основных сил с Востока, особенно танковых дивизий. Провал летнего наступления, по словам автора, связан не в последнюю очередь с тем, что Германия воевала на два фронта. Во-вторых, Эванс заявляет, что советские войска имели серьезное численное преимущество над вермахтом, но при этом наступали широким фронтом и тем самым несли ужасные потери как в людях, так и в технике: «От безразличия, с каким Сталин и его генералы относились к жизни своих солдат, перехватывало дух» (Эванс, 2011: 532). Миф о том, что советские войска достигали побед только за счет численного перевеса и больших потерь, а генералы были неопытны и безразличны к своим солдатам, опровергает Ю.Н. Лещенко, который в отношении Красной армии говорит следующее: «Она сумела извлечь уроки из жестоких поражений начального периода войны и к июлю 1943 года превратилась в силу, превосходящую вермахт как по боевому мастерству рядовых солдат, так и по военному искусству полководцев» (Лещенко, 2024: 74). В-третьих, Эванс не подводит итогов, кроме потерь, и не говорит в чем заключается значение Курской битвы. Может сложиться впечатление, что она не является одной из ключевых битв войны, которая повлияла на дальнейший ход боевых действий.

Нельзя не сказать о том, что среди западных историков есть и те, кто объективно изучает события Курской битвы, ее итоги и последствия. Рассмотрим несколько таких авторов. И первый из них – это английский историк Н. Корниш и его работа «Курская битва. Величайшее в истории танковое сражение. Июль 1943». Историк, описывая ход боевых действий, говорит о том, что ситуация в Италии волновала Гитлера, но в тот район смогли отправить только одну потрепанную дивизию СС «Лейбштандарт», а остальные оставались на Восточном фронте. Другой пример касается советского командования. Описывая операцию «Полководец Румянцев», историк говорит, что командование Красной армии имело боевую технику и, самое главное, опыт для реализации широкомасштабного наступления, а отсрочка операции положительно отразилась на ее проведении. Эта точка зрения кардинально отличается от высказываний Эванса (Корниш, 2008: 206).

В качестве второго примера рассмотрим работу американского историка М. Кайдина «“Тигры” горят! Разгром танковой элиты Гитлера». Сразу отметим, что автор описывает как победы, так и неудачи советских войск, тем самым пытаясь объективно оценить ход боевых действий. В отличие от Эванса, который говорит о больших потерях при наступлении только широким фронтом, Кайдин не забывает указать, что тактика наступления советских войск менялась. В конце историк делает важный вывод и считает, что значение имеют только финальные результаты и за пятьдесят дней Курской битвы Красная армия одержала победу и отдельные поражения, и потери не могут этого отменить (Кайдин, 2011: 282).

Помимо Н. Корниша и М. Кайдина, есть и другие историки, старающиеся объективно оценить итоги и значения Курской битвы. К таковым относят, например, Д. Гланца и Д. Хауса, однако российские исследователи считают, что не стоит преувеличивать эту тенденцию: «Общая направленность западной литературы о Великой Отечественной войне во многом еще сохраняет прежние тенденции, в том числе имеющие своей целью принизить значение победы Советского Союза над фашизмом» (Падерин, 2013: 95).

Итак, рассмотрев работы западных авторов, которые искажали историю Курской битвы и Великой Отечественной войны, мы можем сказать, что в них встречается ряд мифов (Федоров, Голядкин, 2020 и др.). Первый из них связан с высадкой союзников в Сицилии и преувеличением ее влияния на ход боев на Восточном фронте летом 1943 г. Второй миф связан с преуменьшением роли Курской битвы, ее значением и влиянием на ход войны.

В третьем мифе утверждается, что советские войска понесли большие потери, а военное руководство допускало множество ошибок.

Отечественная историография. Среди советской историографии выделим многотомный труд «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945». Третий том был посвящен коренному перелому в войне. Сразу отметим, что работы советских историков испытывали идеологическое влияние и недостаток исторических источников, в связи с отсутствием доступа ко многим из них, поэтому не всегда в их трудах можно встретить объективные высказывания. Но в отношении значения и итогов Курской битвы, на наш взгляд, здесь представлена достоверная информация. По словам историков, Курская битва стала одним из важнейших и решающих событий Великой Отечественной войны. Успехи советских войск показали окончательный крах наступательных возможностей врага: «Победа Красной армии в битве под Курском открыла новые величественные перспективы борьбы с немецким фашизмом и освобождению временно захваченных врагом советских земель. Эта победа показала обреченность фашистской Германии» (История Великой..., 1961: 304). Помимо этого, авторы отмечают, что успехи на Восточном фронте благоприятно повлияли на операции союзных войск в Италии, а Германии пришлось перебросить со средиземноморского региона крупные силы авиации, что тоже повлияло на успешные действия союзников.

Другая работа, которую необходимо рассмотреть – это книга Г.А. Колтунова и Б.Г. Соловьева «Курская битва». Опустим некоторые высказывания, повторяющие вышесказанное, и рассмотрим ряд других. Во-первых, опыт Курской битвы оказал большое влияние на ведение оборонительных и наступательных операций в последующих событиях войны и оставался долгие годы актуальным после ее завершения (Колтунов, Соловьев, 1970: 370). Во-вторых, победа Советского Союза и поражение Германии подрывали авторитет военно-политического руководства последней, а также повлияли на формирование пессимистических настроений у офицерского и солдатского состава, негативно отразившись на моральном состоянии населения, хотя в мемуарах Меллентина утверждается обратное (Колтунов, Соловьев, 1970: 376). В-третьих, победа под Курском, по словам авторов, оказала глубокое влияние на ход Тегеранской конференции и принятии решения об открытии второго фронта в 1944 г. (Колтунов, Соловьев, 1970: 380).

Современные отечественные историки получили доступ к большому объему исторических документов, что позволило им написать крупные и важные работы по истории Курской битвы. В качестве примера выделим таких историков, как А.В. Исаев и В.Н. Замулин. Оба автора на основе советских и немецких источников дали подробное и объективное описание боев под Курском. Они изучили наиболее спорные темы в рамках Курской битвы, выделили ряд проблем Красной армии при оборонительном и наступательном этапах битвы, но оба историка считают победу летом 1943 г. важнейшим событием, которое повлияло на дальнейший ход боевых действий и не принижают его значение (Замулин, 2008; Исаев, 2013).

Работа Р.Р. Хисамутдиновой «Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945)» представляет собой краткий военно-исторический очерк, не предполагающий подробного описания Курской битвы, в сравнении с вышеназванными работами. Но она также дает также объективное описание итогов и значения сражения. Автор выделяет следующие его ключевые итоги: завершение коренного перелома и отказ врага от наступательных действий; большие потери, понесенные вермахтом; начало кризиса в гитлеровском блоке; укрепление антигитлеровской коалиции; подъем борьбы в оккупированных Германией странах. Хисамутдинова не обходит стороной проблемы советских войск, к которым относит промахи в руководстве, ошибки в ходе наступательных операций и ряд других, но, в отличие от западных историков, не занижает значение Курской битвы и подвигов советских солдат: «Курская битва привела к дальнейшему изменению соотношения сил на фронте, создала благоприятные условия для развертывания общего стратегического наступления советских войск, позволила перейти к более решительной стратегии, ускорить освобождение советской территории» (Хисамутдинова, 2014: 278).

Многотомный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» вышел под грифом Министерства обороны РФ. Нас интересует третий том, посвященный битвам и сражениям, изменившим ход войны. Авторы, как и в ранее упомянутых работах, не занижают значение битвы под Курском, а стараются объективно подойти к рассмотрению

ее итогов и значения. Выделим два основных момента. Во-первых, в работе четко дается понять, что победа в Курской битве разрушила миф о том, что Красная армия достигает успехом только зимой. Во-вторых, авторы в качестве итогов выделяют экономическую составляющую, а именно, из труда становится известно, что после боев под Курском, произошел поворот в военной экономике Германии и с 1943 г. производство оборонительного вооружения превысило производство наступательного. Это было связано с тем, что немцы после провала своего последнего крупного наступления на Восточном фронте лишились стратегической инициативы и переходили к оборонительным действиям ([Великая Отечественная..., 2012](#)).

Отметим, что помимо западных авторов, фальсификацией истории занимались и отечественные авторы. Начало этому процессу в нашей стране было положено еще в конце 1980-х гг., продолжалось в 1990-е гг. и встречается в настоящее время. В исторической науке искажение событий Великой Отечественной войны, по словам А.С. Акопянца, связано с работами Ю.Н. Афанасьева, Д.А. Волкогонова, Б.В. Соколова, и В. Суворова (Резуна) ([Акопянец, 2020: 71](#)). Стоит сказать, что фальсификация касалась в целом Великой Отечественной войны и связана не только с Курской битвой.

Тем не менее, профессиональные отечественные историки, в основном современные, стремятся дать объективную информацию о Курской битве и ее итогах. Во всех подробностях изучают все аспекты битвы и ее итоги на основе разных источников, не занижая ее роль и значение. Хотя среди отечественных авторов также можно встретить необъективное описание тех событий.

4. Заключение

Подводя общий итог, можно сказать, что с окончанием Второй мировой войны вышло огромное число трудов, посвященных войне и ее отдельным событиям. Курская битва стала объектом споров среди специалистов. Среди них встречались и встречаются те, кто искажают события. Многие ученые связывают фальсификации с политическими причинами. Зарубежные авторы принижают роль и значение Курской битвы, выводя на первый план события на других театрах военных действий. Искажение истории встречается и в работах российских авторов. В настоящее время многие профессиональные отечественные историки противостоят этому процессу, приводя свои аргументы. Отметим, что нельзя отрицать важность боев на других фронтах, так как они внесли свой вклад в победу над Германией и ее союзниками. Но если говорить о Восточном фронте, то именно здесь происходили наиболее значимые и масштабные события, которые в большей степени повлияли на ход войны. Именно на восток Германия направляла свои лучшие военные силы и ресурсы, и именно Советский Союз внес наибольший вклад в победу над Германией, нанеся ей самые большие потери.

Литература

[Акопянец, 2020](#) – Акопянец А.С. Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны // *Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования*. 2020. № 2 (8). С. 71-78.

[Великая Отечественная..., 2012](#) – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.

[Говард, 1980](#) – Говард М. Большая стратегия: август 1942 – сентябрь 1943. М.: Воениздат, 1980. 464 с.

[Гришин, 2013](#) – Гришин А.А. Великая Отечественная война и ее фальсификаторы // *Вестник Московского университета МВД России*. 2013. №5. С. 10-13.

[Гудериан, 2012](#) – Гудериан Г. Воспоминания солдата. М.: Вече, 2012. 560 с.

[Замулин, 2008](#) – Замулин В.Н. Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной. М.: Яуза, ЭКСМО, 2008. 960 с.

[Земке, 2009](#) – Земке Э. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 604 с.

[Ипполитов, 2018](#) – Ипполитов Г.М. «Огненная дуга» под огнем фальсификаторов. К 75-летию Курской битвы (5 июля – 23 августа 1943 г.). // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2018. Т. 20, №3 (2). С. 433-446.

- [Исаев, 2013](#) – Исаев А.В. Освобождение 1943. «От Курска и Орла война нас довела...». М.: Эксмо, Яуза, 2013. 554 с.
- [История Великой..., 1961](#) – История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 6 т. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М.: Воениздат, 1961. 664 с.
- [Кайдин, 2011](#) – Кайдин М. «Тигры» горят. Разгром танковой элиты Гитлера. М.: Яуза: Эксмо, 2011. 288 с.
- [Корниш, 2008](#) – Корниш Н. Курская битва. Величайшее в истории танковое сражение. Июль 1943. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 223 с.
- [Колтунов, Соловьев, 1970](#) – Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М.: Воениздат, 2011. 400 с.
- [Крайнов, 2024](#) – Крайнов Г.Н. Современные западные мифы и легенды о Курской битве. / Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства. В 3 т. Т. 3. Россия в XXI веке: Великая Отечественная война и историческая память. Решающие летние битвы 1943 г. на фронтах и в тылу немецко-фашистских войск в оценках советских и германских военачальников и историков. М.: РАН – Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. С. 89-97.
- [Лещенко, 2024](#) – Лещенко Ю.Н. Курская дуга: факты против вымыслов // Вторая мировая война и современные тенденции по искажению её итогов и послевоенного мироустройства. В 3 т. Т. 3. «Россия в XXI веке: Великая Отечественная война и историческая память. Решающие летние битвы 1943 г. на фронтах и в тылу немецко-фашистских войск в оценках советских и германских военачальников и историков. М.: РАН – Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. С. 68-74.
- [Ливцов, Пожидаев, 2017](#) – Ливцов В.А., Пожидаев А.С. Проблема фальсификации истории в контексте реализации государственной политики сохранения историко-культурного наследия // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. №5. С. 108-115.
- [Ливцов и др., 2017](#) – Ливцов В.А., Пожидаев А.С., Нилаева К.С. Проблема фальсификации истории Второй мировой войны: Орловско-курская дуга // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. №4. С. 100-107.
- [Манштейн, 2010](#) – Манштейн Э. Утерянные победы. М.: Вече, 2010. 624 с.
- [Меллентин, 1957](#) – Меллентин Ф.В. Танковые сражения 1939-1945 гг. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 304 с.
- [Падерин, 2013](#) – Падерин А.А. Курская битва в оценках западных историков // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №5 (32). С. 90-100.
- [Перевознава, 2020](#) – Перевознава А.С. Фальсификация истории Второй мировой войны в современном медийном пространстве // Форум молодежной науки. 2020. Вып. 1. №5. С. 45-52.
- [Переписка..., 1958, 1](#) – Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). М.: Госполитиздат, 1958. 402 с.
- [Переписка..., 1958, 2](#) – Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). М.: Госполитиздат, 1958. 292 с.
- [Теппель, 2019](#) – Теппель Р. Курск 1943: Величайшая битва Второй мировой войны. М.: Вече, 2019. 304 с.
- [Федоров, Голядкин, 2020](#) – Фёдоров А.Б., Голядкин Г.Н. Вторая мировая война в кривом зеркале западной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №2 (86). С. 57-64.
- [Хисамутдинова, 2019](#) – Хисамутдинова Р.Р. Фальсификация истории Великой Отечественной войны в зарубежной и отечественной историографии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. Вып. 4. (13). С. 48-55.
- [Хисамутдинова, 2014](#) – Хисамутдинова Р.Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941 – 1945 годы): военно-исторические очерки. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2014. 476 с.

Эванс, 2011 – Эванс Р. Третий рейх. Дни войны. 1939–1945. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2011. 942 с.

References

- Akop'yants, 2020 – Akop'yants, A.S. (2020). Sovremennye fal'sifikatsii istorii Velikoi Otechestvennoi voyny [Modern falsifications of the history of the Great Patriotic War]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya*. 2(8): 71-78. [in Russian]
- Velikaya Otechestvennaya..., 2012 – Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov (2012). V 12 t. T. 3. Bitvy i srazheniya, izmenivshie khod voyny [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vol. Vol. 3. Battles and skirmishes that changed the course of the war]. M.: Kuchkovo pole, 864 p. [in Russian]
- Govard, 1980 – Govard, M. (1980). Bol'shaya strategiya: avgust 1942 – sentyabr' 1943 [The Grand Strategy: August 1942 – September 1943.]. M.: Voenizdat, 464 p. [in Russian]
- Grishin, 2013 – Grishin, A.A. (2013). Velikaya Otechestvennaya voyna i ee fal'sifikatory [The Great Patriotic War and its falsifiers]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 5: 10-13. [in Russian]
- Guderian, 2012 – Guderian, G. (2012). Vospominaniya soldata [Memories of a soldier]. M.: Veche, 560 p. [in Russian]
- Zamulin, 2008 – Zamulin, V.N. (2008). Kurskii izlom. Reshayushchaya bitva Velikoi Otechestvennoi [The battle of Kursk. The decisive battle of the Great Patriotic War]. M.: Yauza, EKSMO, 960 p. [in Russian]
- Zemke, 2009 – Zemke, E. (2009). Ot Stalingrada do Berlina. Operatsii sovetskikh voisk i vermakhta. 1942–1945 [From Stalingrad to Berlin. Operations of the Soviet and German armies. 1942–1945.]. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 604 p. [in Russian]
- Ippolitov, 2018 – Ippolitov, G.M. (2018). “Ognennaya duga” pod ognem fal'sifikatorov. K 75-letiyu Kurskoi bitvy (5 iyulya – 23 avgusta 1943 g.) [The “Arc of Fire” under the fire of falsifiers. On the 75th Anniversary of the Battle of Kursk (July 5 – August 23, 1943)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 20. 3(2): 433-446. [in Russian]
- Isaev, 2013 – Isaev, A.V. (2013). Osvobozhdenie 1943. “Ot Kurska i Orla voyna nas dovela...”. [Liberation in 1943: “The war brought us from Kursk and Orel...”]. M.: Eksmo, Yauza, 554 p. [in Russian]
- Istorija Velikoj..., 1961 – Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza. 1941–1945 (1961). V 6 t. T. 3. Korennoj perelom v hode Velikoj Otechestvennoj vojny (noyabr' 1942 g. – dekabr' 1943 g.) [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945. In 6 volumes. Volume 3. The turning point in the course of the Great Patriotic War (November 1942 – December 1943)]. M.: Voenizdat, 664 p. M.: Voenizdat, 664 p. [in Russian]
- Krainov, 2024 – Krainov, G.N. (2024). Sovremennye zapadnye mify i legendy o Kurskoi bitve. [Modern Western myths and legends about the Battle of Kursk]. Vtoraya mirovaya voyna i sovremennye tendentsii po iskazheniyu ee itogov i poslevoennogo miroustroistva. V 3 t. T. 3. Rossiya v XXI veke: Velikaya Otechestvennaya voyna i istoricheskaya pamyat'. Reshayushchie letnie bitvy 1943 g. na frontakh i v tylu nemetsko-fashistskikh voisk v otsenkakh sovetskikh i germanskikh voenachal'nikov i istorikov. M.: RAS – Moskovskii universitet im. S.U. Vitte, pp. 89-97. [in Russian]
- Kornish, 2008 – Kornish, N. (2008). Kurskaya bitva. Velichaishee v istorii tankovoe srazhenie. Iyul' 1943 [The Battle of Kursk. The greatest tank battle in history. July 1943.]. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 223 p. [in Russian]
- Kaidin, 2011 – Kaidin, M. (2011). “Tigry” goryat. Razgrom tankovoi elity Gitlera [The Tigers are on fire. The destruction of Hitler's tank elite]. M.: Yauza: Eksmo, 288 p. [in Russian]
- Koltunov, Solov'ev, 1970 – Koltunov, G. A., Solov'ev, B. G. (1970). Kurskaya bitva [The battle of Kursk]. M.: Voenizdat, 400 p. [in Russian]
- Leshchenko, 2024 – Leshchenko, U.N. (2024). Kurskaya duga: fakty protiv vymyslov [Kursk Bulge: facts versus fiction]. Vtoraya mirovaya voyna i sovremennye tendentsii po iskazheniyu ee itogov i poslevoennogo miroustroistva. V 3 t. T. 3. Rossiya v XXI veke: Velikaya Otechestvennaya voyna i istoricheskaya pamyat'. Reshayushchie letnie bitvy 1943 g. na frontakh i v tylu nemetsko-fashistskikh voisk v otsenkakh sovetskikh i germanskikh voenachal'nikov i istorikov. M.: RAS – Moskovskii universitet im. S.U. Vitte, pp. 68-74. [in Russian]

[Livtsov i dr., 2017](#) – *Livtsov, V.A., Pozhidaev, A.S., Nilava, K.S.* (2017). Problema fal'sifikatsii istorii Vtoroi mirovoi voyny: Orlovsko-kurskaya duga [The Problem of Falsifying the History of World War II: The Orel-Kursk Arc]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 12(4): 100-107. [in Russian]

[Manshtein, 2010](#) – *Manshtein, E.* (2010). Uteryannye pobedy [Lost victories]. M.: Veche, 624 p. [in Russian]

[Mellentin, 1957](#) – *Mellentin, F.V.* (1957). Tankovye srazheniya 1939-1945 gg. [Tank battles of 1939-1945]. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 304 p. [in Russian]

[Paderin, 2013](#) – *Paderin, A.A.* (2013). Kurskaya bitva v otsenkakh zapadnykh istorikov [The battle of Kursk in the eyes of western historians]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 5(32): 90-100. [in Russian]

[Perevoznova, 2020](#) – *Perevoznova, A.S.* (2020). Fal'sifikatsiya istorii Vtoroi mirovoi voyny v sovremennom mediinom prostranstve [Falsification of the history of World War II in the modern media space]. *Forum molodezhnoi nauki*. 1(5): 45-52. [in Russian]

[Perepiska..., 1958, 1](#) – *Perepiska Predsedatelja Soveta Ministrov SSSR s prezidentami SShA i prem'er-ministrami Velikobritanii vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.* (1958). T. 1. Perepiska s U. Cherkillem i K. Jettli (ijul' 1941 g. – nojabr' 1945 g.) [Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the Presidents of the USA and the Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941-1945. Vol. 1. Correspondence with W. Churchill and K. Attlee (July 1941 – November 1945)]. M.: Gospolitizdat, 402 p. [in Russian]

[Perepiska..., 1958, 2](#) – *Perepiska Predsedatelja Soveta Ministrov SSSR s prezidentami SShA i prem'er-ministrami Velikobritanii vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.* (1958). T. 2. Perepiska s F. Ruzvel'tom i G. Trumjenom (avgust 1941 g.-dekabr' 1945 g.) [Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the Presidents of the USA and the Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941-1945. Vol. 2. Correspondence with F. Roosevelt and H. Truman (August 1941 – December 1945)]. M.: Gospolitizdat, 292 p. [in Russian]

[Teppel', 2019](#) – *Teppel', R.* (2019). Kursk 1943: Velichaishaya bitva Vtoroi mirovoi voyny. [Kursk 1943: The Greatest Battle of World War II]. M.: Veche, 304 p. [in Russian]

[Fedorov, Golyadkin, 2020](#) – *Fedorov, A.B., Golyadkin, G.N.* (2020). Vtoraya mirovaya voina v krivom zerkale zapadnoi istoriografii [The Second World War in the distorting mirror of western historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2(86): 57-64. [in Russian]

[Khisamutdinova, 2014](#) – *Khisamutdinova, R.R.* (2014). Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuza (1941–1945 gody): voenno-istoricheskie ocherki. [The Great Patriotic War of the Soviet Union (1941-1945): Military and Historical Essays]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 476 p. [in Russian]

[Khisamutdinova, 2019](#) – *Khisamutdinova, R.R.* (2019). Fal'sifikatsiya istorii Velikoi Otechestvennoj voyny v zarubezhnoi i otechestvennoi istoriografii. [Falsification of the History of the Great Patriotic War in Foreign and Domestic Historiography]. *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii*. 4(13): 48-55. [in Russian]

[Evans, 2011](#) – *Evans, R.* (2011). Tretii reikh. Dni voyny. 1939–1945 [The Third Reich. The Days of War. 1939–1945.]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 942 p. [in Russian]

Война историй. Роль и значение Курской битвы в отечественной и зарубежной историографии

Александр Александрович Осинний^{a, *}

^a Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: osinniy2020@mail.ru (А.А. Осинний)

Аннотация. Курская битва всегда вызывала споры среди историков. С момента окончания войны вышло огромное количество исследований среди российских и зарубежных авторов. В данной статье проанализированы существующие оценки Курской битвы, выявлены сходства и различия. Особое внимание уделяется проблеме искажения и фальсификации событий битвы среди западных специалистов, рассматривается история зарождения этих тенденций, анализируются работы советских и российских историков.

Отечественная историография традиционно подчеркивает важную роль Курской битвы, в истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. Авторы акцентируют внимание на героизме солдат и командиров, превосходстве советской военной науки, важнейших итогов и последствий битвы. В зарубежной литературе часто можно встретить информацию о завышенных советских потерях, сомнения в эффективности решений высшего руководства СССР и обвинения советского командования в неоправданных жертвах среди личного состава. Помимо этого, западные историки, ссылаясь на мемуары немецких генералов, считают, что важнейшую роль в победе Красной армии сыграла высадка союзных войск в Сицилии. Среди западных авторов встречаются и те, кто объективно оценивает события Курской битвы, но это не повлияло на общую тенденцию, направленную на искажение событий войны.

Ключевые слова: Курская битва, Великая Отечественная война, историография, фальсификация, мифы.

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2025. 16(1): 29-44

DOI: 10.13187/rs.2025.1.29

<https://rs.cherkasgu.press>

Articles and Statements

The Images of Soviet Past in the Contemporary Georgian Historiography

Evgeny F. Krinko ^{a, b, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

This article was devoted to understanding Soviet history in contemporary Georgian historiography. The main attention is paid to: general assessment of the Soviet period in the history of Georgia; the establishment of Soviet power; relation to I.V. Stalin; political repressions. The main historiographical sources are generalizing and special jobs of Georgian historians. The author relied on the principle of historicism and a systematic approach, used methods of logical and historiographic analysis, comparative historical and problem-chronological methods.

Contemporary Georgia is considered to be the successor of the Georgian Democratic Republic (1918–1921). On the contrary, the history of the Georgian SSR and the Georgian SSR (1921–1991) is not recognized as a full-fledged stage in the development of Georgian national statehood. The establishment of Soviet power in 1921 is assessed by most Georgian historians as the "occupation" of Georgia by Soviet Russia. The Soviet period of history is subject to a radical reassessment, although the attitude personally to Stalin as the leader of the Soviet state retains a certain specificity. The considerable attention is paid to political repressions, and the experience of Soviet modernization is actually devalued. The Soviet past in Georgia is not consigned to oblivion, but serves as the basis for the formation of national identity based on the victimization of the past.

Keywords: Georgian SSR, I.V. Stalin, contemporary Georgian historiography, SSR Georgia, Sovietization of Georgia, Soviet history, political repressions.

1. Введение

Дружба народов считалась главным условием успехов братских советских республик, входивших в СССР, совместно строивших социализм под руководством коммунистической партии. Свой вклад в разработку и обоснование этих идеологем внесли многие представители советской историографии. «Ленинская дружба народов – величайшее завоевание социализма. Эта дружба сформировалась в братский союз в результате развития Союза Советских Социалистических Республик. Именно ленинская дружба народов обеспечила все исторические завоевания Советского государства: быстрое экономическое развитие, социальный прогресс, политическую и военную мощь, культурное возрождение» (Даушвили, 1984: 3), – писали и историки Грузинской Советской Социалистической

* Corresponding author

E-mail addresses: krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko)

Республики (далее – ССР), ничем не отличаясь в этом от представителей других союзных и автономных республик.

В современной Грузии прежние идеологические стереотипы отброшены и доминируют совершенно другие представления о советском прошлом. Подобная инверсия в той или иной степени характерна для всего постсоветского пространства, в том числе и для соседних государств Южного Кавказа, состояние исторических исследований данной проблемы в которых было предметом предыдущих публикаций (Krinko, 2023; Krinko, 2024). Однако именно в Грузии она получила наиболее выраженный характер, сопровождаясь отрицанием ценности семидесятилетнего исторического опыта не только в политике памяти, но и в академической науке.

Исследователи не раз обращались к вопросам развития грузинской историографии в 1990–2000-х гг. и ее отношению к советскому прошлому (Анчабадзе, 1999; Джанелидзе, Сиамашвили, 2009; Khlynina, 2011; Кирчанов, 2017 и др.). Однако они продолжают вызывать интерес в связи с появлением новых подходов и публикаций. Цель данной публикации – в комплексном осмыслении образов советского прошлого в современной грузинской историографии.

2. Материалы и методы

Исследование опирается на анализ историографических источников – работ грузинских историков, в которых рассматриваются вопросы советского прошлого. С учетом многообразия круга данных вопросов и степени их изученности главное внимание уделяется таким значимым сюжетам, как установление советской власти, общая оценка советского периода и его места в истории Грузии, отношение к И.В. Сталину и политические репрессии. За рамками данной статьи остались события и участники Великой Отечественной войны, антисоветские выступления, диссидентское движение и многие другие вопросы советской истории, которым уделяется немало внимания в современных исследованиях, требующие специального изучения.

Автор опирался на принцип историзма и системный подход, изучая происходящие в грузинской историографии процессы в комплексе и в динамике, в общем контексте развития исторической науки и гуманитарного знания в целом, на основании историографических источников, в основном, представленных в открытом доступе. При обращении к источникам применялись методы логического и историографического анализа, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

3. Обсуждение и результаты

Установление советской власти в Грузии. После свержения самодержавия в Тифлисе (в настоящее время – Тбилиси) был создан Особый Закавказский комитет как орган Временного правительства для управления территорией упраздненного Кавказского наместничества. В связи с приходом к власти большевиков в Петрограде он уступил свое место в ноябре 1917 г. Закавказскому комиссариату. В феврале 1918 г. была провозглашена Закавказская Демократическая Федеративная Республика, вскоре распавшаяся на три части. 26 мая была провозглашена Грузинская Демократическая Республика (далее – ГДР), а 28 мая – Азербайджанская Демократическая Республика и Республика Армении. Однако новые государства оказались мало самостоятельны, как политически, так и экономически, в условиях усилившегося после распада Российской империи интереса к Закавказью со стороны других держав (в первую очередь, Германии, Великобритании, Османской империи), и увязли в территориальных конфликтах между собой.

Победа большевиков в Гражданской войне на Северном Кавказе привела к установлению советской власти и в Закавказье. 28 апреля 1920 г. была провозглашена ССР Азербайджан, а 29 ноября – ССР Армения. Еще до этого, 7 мая 1920 г. ГДР заключила договор с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой (далее – РСФСР), гарантировавший ее независимость в обмен на обещание не давать убежища антисоветским силам и другие уступки. Однако в феврале 1921 г. в Грузии вспыхнуло восстание местных коммунистов, обратившихся с просьбой о военной помощи к правительству РСФСР. После упорных, но непродолжительных боев советские войска вошли в Тифлис, где 25 февраля 1921 г. была провозглашена ССР Грузия. Правительство ГДР эмигрировало, и 12 мая 1921 г. ССР Грузии и РСФСР подписали союзный договор. 12 марта

1922 г. ССР Азербайджан, ССР Армения и ССР Грузия вступили в Федеративный Союз Советских Социалистических Республик Закавказья, 13 декабря преобразованный в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (далее – ЗСФСР), которая 30 декабря 1922 г. вошла в состав Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР). Позже, в 1936 г. ЗСФСР была упразднена, Азербайджанская ССР, Армянская ССР и Грузинская ССР самостоятельно вошли в состав СССР.

В советской историографии этим событиям уделялось значительное внимание, они рассматривались как закономерные шаги на пути победы социалистической революции в Грузии, создания и последующего укрепления в ней советской государственности. Подчеркивалось, что восстание под руководством большевиков в 1921 г. подняли рабочие и крестьяне, а пришедшая на помощь трудящимся Красная армия принесла им освобождение от «буржуазно-помещичьего господства» и от «ига иностранного капитала». Жесткой критике подвергались действия «антинародного и контрреволюционного» меньшевистского правительства ГДР (Махарадзе, 1965; Хачапуридзе, 1956; Мерквиладзе, 1969; Очерки истории..., 1971; Очерки истории..., 1972–1973; Жвания, 1981; Ментешавили, 1987; Стурua, 1987 и др.).

В конце 1980-х гг. данные оценки подверглись радикальному пересмотру, чему способствовало введение в научный оборот документов архива ГДР, хранившихся в Русском исследовательском центре Гарвардского университета (Оккупация..., 1990). В условиях нарастания напряженности в отношениях с союзным центром после событий 9 апреля 1989 г. Президиум Верховного Совета Грузинской ССР создал специальную комиссию по вопросам политической и правовой оценки нарушения договора, заключенного между Грузией и Советской Россией 7 мая 1920 г. В заключении комиссии, поддержанном Верховным Советом Грузинской ССР, ввод войск Советской России в Грузию в феврале 1921 г. и занятие ее территории были названы «с правовой точки зрения военным вмешательством (интервенцией) и оккупацией с целью свержения существующего политического строя, а с политической точки зрения – фактической аннексией». Верховный Совет Грузинской ССР, «осуждая оккупацию и фактическую аннексию Грузии Советской Россией как международное преступление», выразил стремление «к аннулированию последствий нарушения договора от 7 мая 1920 г. для Грузии и к восстановлению прав Грузии, признанных Советской Россией этим договором», а также объявил «незаконными и недействительными союзный рабоче-крестьянский договор между ГрузССР и РСФСР от 21 мая 1921 г. и союзный договор об образовании федеративного Союза Советских Социалистических Республик Закавказья от 12 марта 1922 г.» Незаконными были объявлены «все акты, упразднявшие политические и иные институты Демократической Республики Грузии и заменявшие их политическими и правовыми учреждениями, опирающимися на внешнюю силу», а также договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г., вследствие чего предлагалось начать «переговоры о восстановлении независимого Грузинского государства» (Ведомости..., 1990: 38-40).

Представления о том, что территория Грузии подверглась «аннексии» или «оккупации» со стороны Советской России, получили юридическое и фактическое закрепление в грузинской исторической политике. Главным национальным праздником в Грузии считается 26 мая – День провозглашения ГДР (Джанелидзе, Сиамашвили, 2009: 245-246). Вступление частей Красной армии в Тифлис 25 февраля 1921 г. ежегодно отмечается как день советской оккупации. В 2010 г. парламент обязал правительство организовывать в этот день различные мемориальные мероприятия, чтобы почтить память сотен тысяч жертв политических репрессий при коммунистическом режиме, расширяя символическое значение данного события. «Этот день очень памятен для нас, потому что в этот день война закончилась, но не окончена война для Грузии, она продолжается... Мы донесли ее независимость до сегодняшнего дня», – заявила президент Грузии С. Зурабишвили на траурной церемонии 25 февраля 2019 г. (Об установлении...).

Идеализация просуществовавшей всего три года ГДР в качестве предшественницы современной Грузии началась в 1990-х гг. и в настоящее время широко представлена в грузинской историографии (Урушадзе, 1991; Бендианишвили, 2001; Шарадзе, 2003; Даушвили, Качарава, 2012 и др.). Немаловажное значение уделяется международному признанию ГДР, расцениваемой как «европейское государство, неотъемлемая часть большого воображаемого политического, культурного и интеллектуального западного /

европейского пространства» (Кирчанов. 2014: 91), что отвечает современным внешнеполитическим приоритетам и декларировавшимся ценностям. В характеристике событий прошлого нередко используются оценки самих руководителей ГДР, переиздаются их работы и воспоминания (Жордания, 1990; Рамишвили, 2000; Авалов, 2022 и др.). И хотя в последние годы чаще появляются более взвешенные оценки, далеко не всеми грузинскими историками признаются многочисленные внутренние проблемы развития ГДР, затушевываются социальные и межнациональные конфликты на протяжении всего периода ее существования, а также жесткие меры руководства по подавлению народных выступлений. Как правило, они находят конспирологические и популистские объяснения, заимствованные из политической риторики: «Концептуальное объяснение этих фактов в современной грузинской историографии — в чем-то шаг назад по сравнению с советской наукой <...> нынешние грузинские исследователи предпочитают говорить лишь о происках внешних сил, о реакционных националистических течениях в среде осетинской и абхазской политических элит того времени и т. п.» (Анчабадзе, 1999: 170).

Находит в грузинской историографии и общая для многих постсоветских государства тенденция обвинения своих соседей в территориальных претензиях. В ряде публикаций именно этим объясняются территориальные споры Грузии с Арменией, Азербайджаном, а также с Добровольческой армией А.И. Деникина, снимается ее собственная ответственность за данные конфликты (Марахулиа, 2007; Даушвили, Качарава, 2012).

В то же время с начала 1990-х гг. в грузинской историографии прямому осуждению подвергается установление советской власти. Уже в диссертационных исследованиях, представленных в 1990 г., выполненных, фактически, на прежней позднесоветской источниковой и фактологической основе, содержались актуальные для политической ситуации призывы к «восстановлению» утраченной или попорченной в годы советской власти национальной государственной независимости (Цацанашвили, 1990: 3). При этом ревкомы, прежде считавшиеся органами восстания либо новой переходной формой диктатуры пролетариата, стали рассматриваться как органы «оккупационного режима» (Цацанашвили, 1990: 7). В следующем 1991 г. Л. Тоидзе, специализировавшийся в советское время на критике «троцкистско-зиновьевского антипартийного блока и правого уклона» (Тоидзе, 1974), уже в названии своей работы включил сразу несколько негативных оценок событий 1921 г.: интервенция, оккупация, насильственная советизация, фактическая аннексия (Тоидзе, 1991). Широкое распространение данных оценок в профессиональном сообществе подчеркнул Ю.Д. Анчабадзе, по словам которого: «Для подавляющего большинства исследователей эта акция является “аннексией Грузии”, “скрытой аннексией Грузии”, “вооружённой интервенцией Советской России”, “оккупацией Грузии”, “экспортом политической системы” и т.п.» (Анчабадзе, 1999: 171).

Ответственность за ликвидацию ГДР и вместе с ней национальной независимости возлагается не только на руководство Советской России в Москве во главе с В.И. Лениным, но и на самих грузинских большевиков. В первую очередь в проведении антигрузинской, пророссийской и просоветской политики обвинялись председатель Кавказского бюро Центрального Комитета (далее – ЦК) Российской коммунистической партии большевиков Серго Орджоникидзе, провозгласивший Грузинскую советскую республику и обратившийся с просьбой о военной помощи к правительству РСФСР председатель Грузинского ревкома Филипп Махарадзе, представитель Грузинской ССР при правительстве РСФСР, позже председатель Президиума Центрального Исполнительного Комитета (далее – ЦИК) Грузинской ССР и один из председателей ЦИК ЗСФСР Михаил (Мика) Цхакая, председатель ЦК Коммунистической партии Грузии Иван (Мамия) Орахелашвили и другие: «Своей предательской, антинациональной деятельностью они делали все, чтобы Россия прочно и основательно утвердилась в Грузии» (Вачнадзе и др., 1993).

Общая оценка советского периода в истории Грузии. Характеристики советского строя историками Грузинской ССР мало чем отличались от подобных апологетических описаний исследователей из других республик, краев и областей СССР: «Победа Советской власти в Грузии означала создание действительно свободного, суверенного национального Грузинского Советского государства» (Хачапуридзе, 1956: 259). В грузинской историографии советского периода отмечались достигнутые Грузинской ССР достижения во всех сферах общественной жизни, возможности национального и культурного развития для грузин как одного из народов СССР: «Советский общественный

строй открыл перед грузинским народом путь к развитию его государственности, экономики и культуры» (Хачапуридзе, 1956: 268). Подчеркивалась ведущая руководящая и направляющая роль коммунистической партии (Очерки истории..., 1971 и др.), огромная помощь русского народа в проведении преобразований: «При огромной братской помощи русского народа в короткий исторический срок из отсталой окраины царской России Советская Грузия, ликвидировав вековую хозяйственную отсталость, стала республикой передовой, социалистической промышленности, оснащенной передовой техникой, крупного колхозного многогранного сельского хозяйства и подлинно народной, национальной по форме и социалистической по содержанию, культуры» (Хачапуридзе, 1956: 268). Немало исследований и публикаций рассказывало о создании тяжелой промышленности, развитии сельского хозяйства и транспорта, формировании рабочего класса и интеллигенции, других достижениях советского периода (Качарава, 1958; Натмеладзе, Стуруа, 1961 и др.). Грузинские этнографы внесли свой вклад в изучение нового семейного и общественного быта рабочих, колхозников и интеллигенции в условиях строительства социализма, новых советских традиций и других изменений в культуре грузинского общества в 1930–1980-х гг. (Гутутишвили, 1972; Каландаришвили, 1974; Джавахишвили, 1980 и др.).

Эти достижения практически обесценены в современной грузинской историографии, рассматривающей советский строй в духе сложившихся в западной науке эпохи холодной войны подходов как тоталитарный режим (Натмеладзе и др., 2008). При этом установление тоталитаризма, как правило, датируется победой большевиков советской власти: подчеркивается, что уже с 1921 г. в «оккупированной Грузии, как и в России», сложилась «тоталитарная система управления» (Вачнадзе, Гурули, Бахтадзе, 1993).

Осуждению подвергаются национальная политика советского руководства и национально-государственные преобразования на Кавказе, в первую очередь, создание национальных автономий, которые рассматриваются как реализация «вероломного плана» Москвы: «Абхазские и осетинские сепаратисты не замедлили воспользоваться антигрузинской политикой России». При этом объявление Абхазии ССР называется «абсолютно неправомерным», а создание Юго-Осетинской автономной области – «незаконным и противоестественным». В то же время создание аджарской автономии в составе Грузинской ССР не вызывает столь негативного отношения. Очевидно, что причина подобных отличий связана не столько с тем, что эта идея была популярной и в ГДР, как это отмечается грузинскими историками, сколько с современными политическими реалиями. Критике подвергается «насилованный территориальный передел» и других «исторических земель» Грузии (Вачнадзе и др., 1993). При этом, по мнению специалистов, «грузинская историография как-то забывает о периоде турецкой оккупации территорий Южной и Юго-Западной Грузии», а также подписанном в июне 1918 г. правительством ГДР договоре с Турцией, которой и отходила «сепаратистская» территория: «И только поражение Турции в Первой мировой войне сохранило целостность Грузии» (Khlynina, 2011: 32).

Негативно оценивается создание ЗСФСР, с которым связывается приписываемое советскому руководству желание «нанести удар суверенным устремлением грузинского, азербайджанского и армянского народов». Грузинские историки признают экономическую целесообразность данного объединения для закавказских республик, однако считают наименее других заинтересованной в этом Грузию, экономика которой, по их мнению, «находилась в намного лучшем положении, чем экономика Армении и Азербайджана». При этом «грузинский инцидент» 1922 г., вызванный различными подходами лидеров большевиков к объединению в союзное государство советских республик, не вызывает значительного интереса. Вероятно, это обусловлено тем, что политические проекты всех участников конфликта, обвинявших друг друга в «великорусском шовинизме» и «национализме», не востребованы в современной Грузии вследствие их принадлежности к руководству коммунистической партии. По этой же причине индифферентно воспринимается и упразднение ЗСФСР, за которым последовало самостоятельное вхождение Грузинской ССР в состав СССР, поскольку отрицаются какие-либо существенные изменения в ее положении: «В конце 30-х и начале 70-х годов даже намек на суверенитет Грузии не существовало» (Вачнадзе и др., 1993).

Отвергается позитивное значение социально-экономических преобразований в годы советской власти. Оцениваемая с либеральных позиций экономическая система государственного социализма считается регрессом, поскольку в принципе «не могла дать

серьезного экономического эффекта». Грузинские историки критикуют проведение коллективизации и, даже приводя факты создания новых промышленных предприятий, развития железнодорожного транспорта, полагают, что экономика Грузии не отвечала «интересам грузинского народа» (Вачнадзе и др., 1993).

Подобные противоречивые оценки касаются и развития культуры Грузии в советский период. Признавая, что «грузинский народ, насильственно находясь в составе Советского Союза, не обеднел духовно», а грузинская культура «шла по пути подъема», историки утверждают: «Разумеется, она достигла бы гораздо больших высот, если бы развивалась в независимом грузинском государстве». Особенно это касается сферы литературы и искусства (Вачнадзе и др., 1993).

Завершением периода тоталитаризма нередко указывается смерть И.В. Сталина и процессы «либерализации общественно-политической жизни страны» с середины 1950-х гг. Однако далее утверждается, что «Хрущев оставлял неизменным тоталитарную систему, пытаясь лишь внешне приукрасить ее» (Вачнадзе и др., 1993). Встречаются попытки рассматривать в качестве «освобождения от тоталитаризма» распад СССР и даже приход к власти президента М. Саакашвили в 2003 г., что вызывает обоснованные возражения других исследователей (Большевицкий порядок..., 2015: 16-17).

Осуждение тоталитаризма выступает доминирующей, но не единственной тенденцией в обращении к советскому прошлому. Нередко в работах грузинских историков встречается и критика многонациональной «советской империи». Существование в ее составе Грузии с 1922 г. рассматривается как прямое продолжение «русского колониализма» имперского периода. Эти оценки получают одобрение органов власти и многих представителей профессионального сообщества, находя соответствующее отражение в ряде публикаций. В частности, при государственной поддержке в Тбилиси в 2008 г. вышла коллективная монография «Российский колониализм в Грузии» (Бендианишвили и др., 2008), авторами которой стали ведущие грузинские историки А. Бендианишвили, А. Даушвили, М. Самсонадзе, Х. Кокрашвили, Д. Чумбуридзе, О. Джанелидзе. В данной работе, по оценкам самих представителей грузинской историографии, «проанализирована сущность русского колониализма, представлена судьба Грузии в империи Романовых и в советской империи, освещаются как отрицательные, так и положительные стороны владычества России в Грузии» (Джанелидзе, Сиамашвили, 2009: 255). Через два года издана еще одна коллективная монография под редакцией А.С. Бендианишвили на ту же тему (Русский колониализм..., 2010). Исследователи полагают, что тем самым восстановлен «тезис советской историографии» 1930-х – начала 1940-х гг. «о колониальном, захватническом характере русского капитализма в отношении Кавказа» (Сулаберидзе, 2024: 517).

Однако критика Российской империи как «тюрьмы народов», активно использовавшаяся большевиками в борьбе за свержение самодержавия и унаследованная советской исторической наукой в первые десятилетия ее существования, имела иное идеологическое наполнение, связанное с классовым подходом и марксистской парадигмой. Современная грузинская историография, подчеркивая преемственность действий Российской империи и СССР, отвечает на другие внутри- и внешнеполитические вызовы, а предлагаемые ею оценки в значительной степени «вписаны» в неоколониальный дискурс, ставший распространенным явлением на постсоветском пространстве в последние десятилетия (Аманжолова и др., 2024).

Немаловажную роль в осмыслении советского прошлого в Грузии в рамках рассматриваемых подходов играют различные неправительственные организации, в том числе зарубежные. В частности, Южнокавказское бюро фонда Генриха Бёлля и международный отдел Союза народных университетов Германии (DVV International) приняли участие в создании в 2010 г. грузинской организации Soviet Research Laboratory (SovLab), которая была «призвана стать главной движущей силой гражданского общества в области обращения с новейшим историческим прошлым» (Большевицкий порядок..., 2015: 23). Члены организации участвовали в создании Музея репрессированных писателей в Доме писателей Грузии, провели ряд мероприятий и выставок, посвященных тоталитарному прошлому, опубликовали ряд книг по данной теме.

Отношение к И.В. Сталину. В Грузии всегда существовало особое отношение к И.В. Сталину уже в силу его грузинского происхождения, а также той значимой роли, которую он сыграл не только в советской, но и в мировой истории. Однако оценки личности

и деятельности Сталина менялись под влиянием различных обстоятельств и прежде всего поворотов в политическом курсе руководства страны. Историки Грузинской ССР внесли свой вклад в формирование культа личности Сталина. В частности, сотрудники Тбилисского филиала Института Маркса – Энгельса – Ленина во главе с Е.А. Бедиа участвовали в создании книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», изданной в качестве доклада Л.П. Берии на собрании тбилисского партийного актива 21–22 июля 1935 г. (Берия, 1935). Вскоре после этого авторы текста оказались репрессированы. Книга несколько раз переиздавалась все большими тиражами вплоть до самой смерти И.В. Сталина и ареста Л.П. Берии, а затем стала изыматься из библиотек. Наряду с этим восторженное отношение к Сталину в духе того времени испытали многие профессиональные грузинские историки, о чем свидетельствует, например, публикация отчета академика Н.А. Бердзенишвили после его встреч с И.В. Сталиным в 1945 г. (Новые речи..., 2019).

Позже, в годы «оттепели» в грузинской историографии нашла свое отражение критика культа личности. В работах, вышедших после XX съезда КПСС, говорилось о том, что «успехи социалистического строительства в Советской Грузии были бы еще более значительными, если бы не вред культа личности И.В. Сталина, с именем которого стали связывать все наши великие победы. В частности, И.В. Сталиным были допущены серьезные ошибки в руководстве сельским хозяйством, в организации подготовки страны к отпору фашистским захватчикам и т.д.» (Хачапуридзе, 1956: 278). Еще более острой критике, с использованием присущих политико-правовому дискурсу эпохи клише и прямых обвинений, подвергнулся Л.П. Берия: «В Советской Грузии положение особенно осложнилось вследствие преступной деятельности банды агента международного империализма Берия, пробравшегося впоследствии к руководству органов государственной безопасности. Стали допускаться серьезные нарушения советской законности и массовые репрессии, в результате чего пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди» (Хачапуридзе, 1956: 278).

Однако в самом грузинском обществе критика Сталина оказалась не принята и вызвала настоящие акции протеста. Современные грузинские историки считают, что они носили национальный характер, поскольку, по их мнению, критика культа личности Сталина имела антигрузинскую направленность и «переросла в явное оскорбление и унижение грузинской нации», «акцент делался на то, что Сталин был грузином». В результате грузинская молодежь восприняла критику Сталина как «оскорбление своего национального достоинства». Силовое подавление советским руководством выступлений в Тбилиси 9 марта 1956 г. с использованием войск и военной техники рассматривается в качестве события, вызвавшего начало «нового этапа национального движения, целью которого было освобождение Грузии» (Вачнадзе и др., 1993).

В современной грузинской историографии, как и в целом в грузинском обществе, личность Сталина вызывает неоднозначную оценку. Многие представители гуманитарных наук на волне развернувшейся с 1990-х гг. критики советского тоталитаризма стали подвергать деятельность Сталина осуждению, не только считая его диктатором, но и связывая с ним проблемы развития республики, понесенные ею территориальные и людские потери. В то же время немало жителей Грузии, особенно старших возрастов, продолжает испытывать чувство гордости за то, что он был их соотечественником. Главным местом сохранения памяти о нем, изучения и популяризации сталинского наследия является Государственный музей И.В. Сталина в его родном городе Гори, открытый в 1957 г. После вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 г. грузинские руководители собирались его преобразовать в «музей русской агрессии», а затем в музей сталинских репрессий и их жертв, но в итоге он сохранил прежнюю экспозицию. Ю.Д. Анчабадзе в 1999 г. отмечал парадоксальность ситуации, в которой «крайне негативное восприятие грузинским историческим сознанием советского тоталитаризма сочетается с лояльным отношением к одному из его главных творцов» (Анчабадзе, 1999: 173). В опубликованной через десять лет работе О. Джанелидзе и Г. Сиамашвили говорится, что «по социологическим опросам Сталин оказывается в числе наиболее популярных исторических лиц» (Джанелидзе, Сиамашвили, 2009).

При этом новых научных исследований и публикаций, посвященных Сталину, непосредственно в Грузии за эти годы издано не так много. В конце 1990-х гг. исследователи

обоснованно указывали, что «грузинская научная сталиниана невелика» (Анчабадзе, 1999: 173). За последующие два с половиной десятилетия она существенно пополнилась, вышел ряд обобщающих и специальных работ. Среди них, например, изданная на грузинском языке в трех книгах «Повесть о Сосо Джугашвили» А.Г. Даушвили (Даушвили, 2000; Даушвили, 2004; Даушвили, 2007). Издаются воспоминания о Сталине, в том числе и бывших руководителей Грузинской ССР (Мгеладзе, 2001; Чарквиани, 2015). И все же изучение личности и деятельности И.В. Сталина нельзя отнести к ведущим направлениям в развитии современной грузинской историографии.

Политические репрессии. Политическим репрессиям эпохи сталинизма уделяется значительное внимание в Грузии, как и в ряде других постсоветских государств (Пудин, 2024). Они считаются имманентно сопутствующим явлением социализму как тоталитарному строю. При этом нередко о политических репрессиях говорится без указания имени Сталина. Распространено представление о том, что он не знал про них, а ответственность возлагается на Берия и других исполнителей. Специалисты отмечают недостаточную разработанность проблемы в комплексе и по ее отдельным аспектам, отсутствие «применительно к Грузии <...> адекватной картины репрессий, отображающей ее специфику» (Большевистский порядок..., 2015: 16). Существующие стереотипы не отличаются глубиной понимания вопросов, «исключается возможность того, что среди многонационального населения Грузии были не только жертвы, но и палачи, добровольные сторонники и соучастники Большого террора» (Большевистский порядок..., 2015: 17).

Одним из первых направлений в разработке данного вопроса в грузинской историографии стало изучение репрессий по отношению к национальной советской, партийной и культурной элите Грузии. Так, А.Г. Даушвили, специализировавшийся на изучении истории промышленности и рабочего класса Грузинской ССР в поздний советский период (Даушвили, 1984), посвятил свое исследование, подготовленное на основе документов бывших партийных архивов и партийной печати, репрессиям против партийной элиты и руководства промышленных предприятий Тбилиси (Даушвили, 1997). В последующих исследованиях и публикациях рассматриваются репрессии против грузинского дворянства, интеллигенции, зажиточных крестьян, священников и других групп населения, при этом их начало отсчитывается с 1921 г. Так, митрополит Ананий Джапаридзе, автор обобщающей работы по истории Грузинской православной церкви, указывает, что только в 1920-х гг. было закрыто более 1000 из 1350 церквей, а количество священнослужителей и монахов, насчитывавшее 3,5 тыс., сократилось до нескольких десятков человек (Джапаридзе, 2009: 115). Л. Авалишвили полагал, что только за два года «Большого террора» особая «тройка» приговорила к смертной казни более 10 тыс. человек, но сам считал эти оценки предварительными (Avalisvili, 2010: 5). Ряд публикаций раскрывает механизм реализации «Большого террора» и проведение других репрессивных кампаний в 1930–1950-х гг. в Грузии (Avalisvili, Kldiashvili 2008; Ancabadze, 2010; Dziskariani, 2011; Тушурашвили, Луарсабишвили, 2015 и др.). Значительно меньше внимания уделяется репрессиям против представителей национальных меньшинств. Данные вопросы, а также принудительные выселения из Грузии турок-месхетинцев, греков и представителей других национальностей остаются предметом изучения лишь отдельных исследователей (Dziskariani, 2012).

В 2015 г. Министерство внутренних дел (далее – МВД) Грузии поддержало издание крупного труда «Большевистский порядок в Грузии», составителями которого стали немецкие историки М. Юнге и Б. Бонвеч. Однако стремление зарубежных историков проанализировать этнический состав репрессированных, рассмотреть статистику жертв-представителей национальных меньшинств Грузии, выявить ответственность за репрессии не только союзного, но и республиканского руководства, вызвало острую дискуссию с их грузинскими коллегами, в том числе и теми, которые принимали участие в подготовке данного издания (Большевистский порядок..., 2015: 375–551).

С 2012 г. DVV International и SovLab – с 2012 г. начали совместный проект поиска массовых захоронений жертв сталинских репрессий в Грузии под названием Soviet Era Mass Graves in Georgia (1921–1952). (Большевистский порядок..., 2015: 24). В 2023 г. при поддержке Шведского агентства международного развития (Sida) Институтом развития свободы информации (IDFI) создан сайт «Сталинские списки» на котором представлены сведения о репрессированных жителях в Грузии во время «Большого террора» 1937–1938 гг.

(всего 3616 человек). Сами списки как первая база данных о жертвах репрессий в Грузии были подготовлены ранее, в 2011-2013 гг. Публикуемые данные собраны в основном из архива МВД Грузии, включая документы из бывшего архива Министерства государственной безопасности и архива ЦК Коммунистической партии Грузии, картотеки МВД Грузии, фотографии и документы, хранящиеся в семьях репрессированных и других источниках ([Сталинские списки](#)).

4. Заключение

Как и в других государствах, образовавшихся после распада СССР, историческая наука в Грузии в 1990–2000-х гг. оказалась перед вызовами современности. Выработка новых оценок и подходов сопровождалась прямым разрывом с предшествующей историографией и ее резкой критикой, во многом обоснованной. Современные грузинские авторы утверждают, что в годы советской власти «историография оказалась под прессом коммунистической идеологии», «происходила фальсификация не только истории нового времени, но и прошлых столетий», «по распоряжению властей на долгие годы оказались под замком значительные архивные документы и материалы» ([Джанелидзе, Сиамашвили, 2009: 244-245](#)).

Прошедшие три с половиной десятилетия позволяют оценить происшедшие перемены и основные тенденции в развитии грузинской историографии. Значительное внимание стало уделяться созданию и трехлетнему существованию в 1918–1921 гг. ГДР, преемницей которой считается современная Грузия. Однако высокая востребованность и актуальность предмета изучения создает основу для его политизации и мифологизации. По оценкам специалистов, «академическая историография Грузинской Демократической Республики стала жертвой политических манипуляций историей, институционализированных в форме исторической политики» ([Кирчанов, 2017: 354](#)). Напротив, семидесятилетняя история ССР Грузии и Грузинской ССР не признается полноправным этапом в развитии грузинской национальной государственности.

Установление советской власти в 1921 г. большинство грузинских историков оценивает, как «оккупацию» Грузию Советской Россией. Распространено представление о том, что она продлилась в течение семидесяти лет, и только с распадом СССР была восстановлена независимость грузинского государства. При этом проводятся аналогии с предшествующими событиями, связанными с вхождением Грузии в состав Российской империи, а также с действиями современной России в отношении Грузии, которые рассматриваются как продолжение «оккупации» и «военного вмешательства» ([Кирчанов, 2015: 36](#)). Популяризации и закреплению указанных представлений в массовом сознании служит создание в 2006 г. в Тбилиси Музея оккупации.

Советский период истории в целом подвергается кардинальной переоценке, хотя отношение лично к Сталину как к руководителю Советского государства сохраняет определенную специфику. Значительное внимание уделяется политическим репрессиям, а опыт советской модернизации, в том числе, в социально-экономической и культурной сферах, фактически обесценивается. Как отмечают исследователи: «Этот период воспринимается едва ли не как “исторический провал”, нанесший непоправимый урон этнополитическому и этнокультурному развитию страны. При этом в общественном сознании стойко удерживаются две мифологемы. Первая связана с представлением о том, что Грузия “больше всего пострадала в годы советского тоталитаризма”, вторая — с распространенным мнением о том, что кремлевская политика специально была направлена на то, чтобы расчленить единое территориально-государственное пространство страны, подвести разрушительные “мины” под ее будущее развитие» ([Анчабадзе, 1999: 162](#)).

Именно в этом выражается специфика современного грузинского подхода к советскому прошлому: оно не вычеркнуто полностью из истории и не предано забвению, как в ряде других постсоветских государств, но служит основой для формирования национальной идентичности, опирающейся на виктимизацию прошлого: при этом образы Грузии как постоянной «жертвы» дополняются представлениями о России как постоянном «агрессоре». По словам исследователей, «советский период не стал жертвой идеологически мотивированной амнезии», но, наоборот, «активно воспроизводился в образах “советской оккупации”, к переосмыслению которой регулярно обращались не только грузинские интеллектуалы, но и власти» ([Кирчанов, 2015: 35](#)).

Формирование негативных образов советского прошлого, его переоценка в контексте тоталитарной теории и неоколониального подхода ограничивают исследовательские возможности историков. Представляется недостаточно использованным, например, потенциал таких подходов, как история повседневности, социально-культурная антропология, институциональная и интеллектуальная история. Отрицательно сказываются политические факторы и на научных коммуникациях между исследователями и архивными учреждениями разных стран, не позволяя достичь полноты картины рассматриваемых явлений и событий.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023-2025 гг. Проект «Критический анализ концепта неоколониализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

Литература

- [Авалов, 2022](#) – Авалов З.Д. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания главного советника по иностранным делам. М.: Центрполиграф, 2022. 352 с.
- [Аманжолова и др., 2024](#) – Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю., Кринко Е.Ф., Романько О.В. Новые ориентиры и повороты неоколониального дискурса: национальный вопрос в СССР (1917–1945 гг.). М.: Институт российской истории Российской академии наук. 2024. 496 с.
- [Анчабадзе, 1999](#) – Анчабадзе Ю.Д. Национальные истории в советском и постсоветских государствах: Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука. М.: АИРО-XX, 1999. С. 159-175.
- [Бендианишвили, 2001](#) – Бендианишвили А. Первая Республика Грузии. 1918–1921. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.).
- [Бендианишвили и др., 2008](#) – Бендианишвили А., Даушвили А., Самсонадзе М., Кокрашвили Х., Чумбуридзе Д., Джанелидзе О. Российский колониализм в Грузии. Тбилиси, 2008 (на груз. яз.).
- [Берия, 1935](#) – Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании тбилисского партактива 21-22 июля 1935 г. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 124 с.
- [Большевистский порядок..., 2015](#) – Большеви́стский порядок в Грузии. В 2 т. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. М.: АИРО-XXI, 2015. 640 с.
- [Вачнадзе и др., 1993](#) – Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М.А. История Грузии (с древнейших времён и до наших дней). Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1993. 172 с.
- [Ведомости..., 1990](#) – Ведомости Верховного Совета Грузинской ССР. 1990. № 3. С. 38-40.
- [Гугутишвили, 1972](#) – Гугутишвили М.Г. Новые советские традиции в Грузии: автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972. 24 с.
- [Даушвили, 1984](#) – Даушвили А.Г. Интернациональное воспитание рабочего класса (1961–1980 гг.) (По материалам промышленных предприятий Грузии): дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984. 222 с.
- [Даушвили, 1997](#) – Даушвили А.Г. Тбилиси-1937. Массовые репрессии в промышленных предприятиях Грузии. Тбилиси, 1997 (на груз. яз.).
- [Даушвили, 2000](#) – Даушвили А.Г. Повесть о Сосо Джугашвили. Кн. I («Сосело»). Тбилиси: Мематиане, 2000 (на груз. яз.).
- [Даушвили, 2004](#) – Даушвили А.Г. Повесть о Сосо Джугашвили. Кн. II («Коба»). Тбилиси: Мематиане, 2004 (на груз. яз.).
- [Даушвили, 2007](#) – Даушвили А.Г. Повесть о Сосо Джугашвили. Кн. III («Грузинское дело»). Тбилиси: Мематиане, 2007 (на груз. яз.).
- [Даушвили, Качарава, 2012](#) – Даушвили А., Качарава А. Демократическая Республика Грузия. Борьба за независимость 1918–1921. Тбилиси: Атланта, 2012 (груз. яз.).

- Джавахишвили, 1980** – Джавахишвили Г.Н. Быт и культура горняков Грузии (По этнографическим материалам Ткибули и Чиатура). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 118 с.
- Джанелидзе, Сиамашвили, 2009** – Джанелидзе О., Сиамашвили Г. По следам «белых пятен» истории Грузии / Национальные истории на постсоветском пространстве – II. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 244-264.
- Джапаридзе, 2009** – Джапаридзе А. История Грузинской православной церкви (с момента основания). Тбилиси. 2009. (на груз. яз.).
- Жвания, 1981** – Жвания Г.К. Большевики и победа Советской власти в Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1981. 358 с.
- Жордания, 1990** – Жордания Н.Н. Мое прошлое: воспоминания. Тбилиси: Саранги, 1990 (груз. яз.).
- Каландаришвили, 1974** – Каландаришвили Л.Н. Некоторые вопросы быта и культуры колхозников Кинтришского ущелья: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1974. 29 с.
- Качарава, 1958** – Качарава Ю.М. Советская Грузия в период восстановления народного хозяйства: 1921-1925: дисс... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1958. 524 с.
- Кирчанов, 2014** – Кирчанов М.В. Образы Грузинской Демократической Республики в современной идентичности Грузии (на примере блогов и электронных СМИ) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (42). Ч. I. С. 90-92.
- Кирчанов, 2015** – Кирчанов М.В. Концепт «советская оккупация» в современном грузинском национализме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1. Ч. 1. С. 72-75.
- Кирчанов, 2017** – Кирчанов М.В. Историческая политика в Грузии: грузинская историография и политическая память между «изобретенными традициями» и «большими нарративами» // События в истории, памяти и нарративах идентичности / ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН – РОИИ, 2017. С. 341-382.
- Мархулия, 2007** – Мархулия Г. Армяно-грузинские взаимоотношения в 1918–1920 годах. Тбилиси: Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили, 2007. 93 с.
- Махарадзе, 1965** – Махарадзе Н.Б. Победа социалистической революции в Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1965. 451 с.
- Мгеладзе, 2001** – Мгеладзе А. Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого. Тбилиси, 2001. 386 с.
- Ментешашвили, 1987** – Ментешашвили А.М. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии, 1917-1921. Тбилиси: Ганатлеба, 1987. 206 с.
- Мерквиладзе, 1969** – Мерквиладзе В.Н. Создание и укрепление советской государственности в Грузии (1921–1936). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1969. 451 с.
- Натмеладзе, Стуруа, 1961** – Натмеладзе М.В., Стуруа Н.И. Из истории рабочего класса Грузии. (1921–1958 гг.). Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1961. 248 с.
- Натмеладзе и др., 2008** – Натмеладзе М., Даушвили А., Джапаридзе М., Ценгуашвили К. Своеобразие установления и укрепления тоталитарного режима в Грузии в 20-х годах XX века. Тбилиси, 2008 (на груз. яз.).
- Новые речи..., 2019** – Новые речи Сталина о Грузии, истории и национальностях (1945): Нико Бердзенишвили. Встреча со Сталины / Исследования по истории русской мысли [15]. Ежегодник за 2019 год. М.: Модест Колеров, 2019. С. 491-525.
- Об установлении...** – Об установлении советской власти в Грузии (1921 г.) / Информационно-справочные материалы. [Электронный ресурс]. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/ob-ustanovlenii-sovetskoy-vlasti-v-gruzii-1921-g/ (дата обращения: 12.06.2025).
- Оккупация..., 1990** – Оккупация и фактическая аннексия Грузии: о политической и правовой оценке нарушения договора между Грузией и Советской Россией от 7 мая 1920 года: документы и материалы / сост. А. Ментешашвили. Тбилиси: Сакартвело, 1990. 110 с.
- Очерки истории..., 1971** – Очерки истории коммунистической организации Закавказья: В 2 ч. Тбилиси: Издательство ЦК КП Грузии, 1971. Ч. 2: 1921–1937 гг. 337 с.

- Очерки истории..., 1972–1973 – Очерки истории Грузии. Т. VI–VII. Тбилиси, 1972–1973 (на груз. яз.).
- Пудин, 2024 – Пудин А.И. Сталинские репрессии в историографии стран СНГ и ближнего зарубежья // *Поволжский вестник науки*. 2024. № 3 (33). С. 21–25.
- Рапишвили, 2000 – Рапишвили А. Наши ошибки (1918–1921 гг.). Тбилиси: Месаме асаки, 2000 (на груз. яз.).
- Русский колониализм..., 2010 – Русский колониализм в Грузии / под ред. А. Бендианишвили. Тбилиси: Мецниереба, 2010. 210 с. (на груз. яз.).
- Сталинские списки – Сталинские списки. [Электронный ресурс]. URL: <https://stalin.historyproject.ge/ru/about> (дата обращения: 12.06.2025).
- Стуруа, 1987 – Стуруа Н.И. Вопросы новой и новейшей истории Грузии: В 2 т. Т. 2: Вопросы истории Советской Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 310 с.
- Сулаберидзе, 2024 – Сулаберидзе Ю.С. Историческая память и диалог культур в контексте грузино-российского взаимодействия // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2024. Т. 11. № 3. С. 515–519.
- Тоидзе, 1974 – Тоидзе Л.М. Компартия Грузии в борьбе за ленинизм (Деятельность коммунистов республики по идейно-политическому разгрому троцкистско-зиновьевского антипартийного блока и правого уклона (1926–1930 гг.)): дисс... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1974. 236 с.
- Тоидзе, 1991 – Тоидзе Л. Интервенция, оккупация, насильственная советизация, фактическая аннексия. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).
- Тушурашвили, Луарсабишвили, 2015 – Тушурашвили О., Луарсабишвили В. Большой террор в Грузинской ССР: документы и размышления // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, sectio F – Historia*. 2015. № 70. С. 29–59.
- Урушадзе, 1991 – Урушадзе Л. Большевизм-меньшевизм и Демократическая Республика Грузия (1918–1921). Тбилиси: Ганатлеба, 1991. 52 с. (на груз. яз.).
- Хачапуридзе, 1956 – Хачапуридзе Г.В. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. 3-е изд., испр. и доп. М.: Госполитиздат, 1956. 287 с.
- Цацанашвили, 1990 – Цацанашвили М.Г. Политико-юридические последствия создания советской государственности в Грузии (1921–1922 гг.): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1990. 20 с.
- Чарквиани, 2015 – Чарквиани К. Эпизоды взаимоотношений со Сталиным / под ред. Г. Чарквиани. Тбилиси: Артануджи, 2015. 266 р.
- Шарадзе, 2003 – Шарадзе Г. Первая демократическая республика Грузии и внешняя политика. Тбилиси: Наука, 2003 (на груз. яз.).
- Ancabadze, 2010 – Ancabadze G. Mass Terror in the USSR: The Story of One Family // *Caucasus Analytical Digest*. 2010. № 22. Pp. 13–16.
- Avalisvili, 2010 – Avalisvili L. The “Great Terror” of 1937–1938 in Georgia: Between the Two Reports of Lavrentiy Beria // *Caucasus Analytical Digest*. 2010. № 22. Pp. 2–6.
- Avalisvili, Kldiashvili 2008 – Avalisvili L., Kldiashvili G. The Akhmeteli Case. Political repressions in Georgia // *The Archival Bulletin*. 2008. No. 1. Pp. 37–44.
- Dziskariani, 2011 – Dziskariani D. ALZHIR and order № 00486 // *The Archival Bulletin*. 2011. № 11. Pp. 67–74.
- Dziskariani, 2012 – Dziskariani D. The Main Phase of Ethnic Deportations from the Georgian SSR during Stalin’s Era // *The Changing Ethnic Enviroment in Georgia*. Conference volume. Bazalaeti, 22–23 June, 2012. Pp. 165–182.
- Krinko, 2023 – Krinko E.F. Problems of Soviet History in Modern Azerbaijani Historiography // *Russkaya Starina*. 2023. 14(2): 78–91.
- Krinko, 2024 – Krinko E.F. The Soviet Past in the Contemporary Historiography of Armenia // *Russkaya Starina*. 2024. 15(1): 4–16.
- Khlynina, 2011 – Khlynina T.P. Soviet Georgia attainments and losses in 1920–1930 according to modern Georgian historiography estimations and public conscience // *European researcher*. 2011. № 1 (3). Pp. 27–38.

References

Amanzholova i dr., 2024 – Amanzholova, D.A., Krasovickaja, T.Ju., Krinko, E.F., Roman'ko, O.V. (2024) Novye orientiry i povoroty neokolonial'nogo diskursa: nacional'nyj vopros

v SSSR (1917–1945 gg.) [New Landmarks and Turns of Neocolonial Discourse: The National Question in the USSR (1917–1945)]. M.: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 496 p. [in Russian]

[Anchabadze, 1999](#) – *Anchabadze, Ju.D.* (1999). Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskih gosudarstvakh: Nacional'naja istorija v Gruzii: mify, ideologija, nauka [National histories in the Soviet and Post-Soviet states: national history in Georgia: myths, ideology, science]. M.: AIRO-XX, pp. 159-175. [in Russian]

[Ansabadze, 2010](#) – *Ansabadze, G.* (2010). Mass Terror in the USSR: The Story of One Family. *Caucasus Analytical Digest*. 22: 13-16.

[Avalisvili, 2010](#) – *Avalisvili, L.* (2010). The “Great Terror” of 1937–1938 in Georgia: Between the Two Reports of Lavrentiy Beria. *Caucasus Analytical Digest*. 22: 2-6.

[Avalisvili, Kldiashvili 2008](#) – *Avalisvili, L., Kldiashvili, G.* (2008). The Akhmeteli Case. Political repressions in Georgia. *The Archival Bulletin*. 1: 37-44.

[Avalov, 2022](#) – *Avalov, Z.D.* (2022). Nezavisimost' Gruzii v mezhdunarodnoj politike 1918–1921 gg. Vospominanija glavnogo sovetnika po inostrannym delam [Georgia's Independence in International Politics 1918–1921. Memories of the Chief Adviser on Foreign Affairs]. M.: Tsenterpoligraf, 352 p. [in Russian]

[Bendianishvili i dr., 2008](#) – *Bendianishvili, A., Daushvili, A., Samsonadze, M., Kokrashvili, H., Chumburidze, D., Dzhanelidze, O.* (2008). Rossijskij kolonializm v Gruzii [Russian Colonialism in Georgia]. Tbilisi. [in Georgian]

[Bendianishvili, 2001](#) – *Bendianishvili, A.* (2001) Pervaja Respublika Gruzii. 1918-1921 [The First Republic of Georgia. 1918–1921]. Tbilisi. [in Georgian]

[Berija, 1935](#) – *Berija, L.* (1935). K voprosu ob istorii bol'shevistskih organizacij v Zakavkaz'e. Doklad na sobranii tbilisskogo partaktiva 21-22 ijulja 1935 g. [On the history of Bolshevik organizations in Transcaucasia. Report at the meeting of the Tbilisi party activists on July 21-22, 1935]. M.: Partizdat TsK VKP(b), 124 p. [in Russian]

[Bol'shevistskii poryadok..., 2015](#) – *Bol'shevistskii poryadok v Gruzii [Bolshevik order in Georgia].* In 2 vol. Vol. 1: Bol'shoj terror v malen'koj kavkazskoj respublike [The Great Terror in a small Caucasian republic]. V 2 t. T. 1: Bol'shoi terror v malen'koi kavkazskoi respublike. Sost. M. Yunge, B. Bonvech. M.: AIRO-XXI, 640 p. [in Russian]

[Tsatsanashvili, 1990](#) – *Tsatsanashvili, M.G.* (1990). Politiko-juridicheskie posledstvija sozdaniya sovetskoj gosudarstvennosti v Gruzii (1921-1922 gg.) [Political and legal consequences of the creation of Soviet statehood in Georgia (1921-1922)]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. Tbilisi, 20 p. [in Russian]

[Charkviani, 2015](#) – *Charkviani, K.* Epizody vzaimootnoshenii so Stalinyim [Episodes of Relations with Stalin]. Pod red. G. Charkviani. Tbilisi: Artanudzhi, 2015. 266 p. [in Russian]

[Daushvili, 1984](#) – *Daushvili, A.G.* (1984). Internacional'noe vospitanie rabocheho klassa (1961–1980 gg.) (Po materialam promyshlennykh predpriyatij Gruzii) [International education of the working class (1961–1980) (based on materials from industrial enterprises of Georgia)] Diss. ... kand. ist. nauk. Tbilisi, 222 p. [in Russian]

[Daushvili, 1997](#) – *Daushvili, A.G.* (1997). Tbilisi-1937. Massovye repressii v promyshlennykh predpriyatiyah Gruzii [Tbilisi-1937. Mass Repressions in Industrial Enterprises of Georgia]. Tbilisi. [in Georgian]

[Daushvili, 2000](#) – *Daushvili, A.G.* (2000). Povest' o Soso Dzhugashvili [The tale of Soso Dzhugashvili]. Kn. I («Soselo»). Tbilisi: Mematiane. [in Georgian]

[Daushvili, 2004](#) – *Daushvili, A.G.* (2004). Povest' o Soso Dzhugashvili [The Tale of Soso Dzhugashvili]. Kn. II («Koba»). Tbilisi: Mematiane, 2004 (na gruz. yaz.). [in Georgian]

[Daushvili, 2007](#) – *Daushvili, A.G.* (2007). Povest' o Soso Dzhugashvili [The Tale of Soso Dzhugashvili]. Book III “Gruzinskoe delo” [The Georgian Case]. Tbilisi: Mematiane. [in Georgian]

[Daushvili, Kacharava, 2012](#) – *Daushvili, A., Kacharava, A.* (2012). Demokraticheskaja Respublika Gruzija. Bor'ba za nezavisimost' 1918–1921 [The democratic Republic of Georgia. The struggle for independence 1918–1921]. Tbilisi: Atlanta. [in Georgian]

[Dzhanelidze, Siamashvili, 2009](#) – *Dzhanelidze, O., Siamashvili, G.* (2009). Po sledam “belyh pjaten” istorii Gruzii [In the Footsteps of “Blank Spots” in Georgian History] Nacional'nye istorii na postsovetskom prostranstve – II [National histories in the post-soviet space – II]. Natsional'nye istorii na postsovetskom prostranstve – II. M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-KhKhI. Pp. 244-264. [in Russian]

Dzhaparidze, 2009 – *Dzhaparidze, A.* (2009). Istorija Gruzinskoj pravoslavnoj tserkvi (s momenta osnovanija) [History of the Georgian Orthodox Church (since its foundation)]. Tbilisi. [in Georgian]

Dzhavahishvili, 1980 – *Dzhavahishvili, G.N.* (1980). Byt i kul'tura gornjakov Gruzii (Po etnograficheskim materialam Tkibuli i Chiatura) [The life and culture of Georgian miners (based on ethnographic materials from Tkibuli and Chiatura)]. Tbilisi: Metsniereba, 118 p. [in Georgian]

Dziskariani, 2011 – *Dziskariani, D.* (2011). ALZHIR and order № 00486. *The Archival Bulletin*. 11: 67-74.

Dziskariani, 2012 – *Dziskariani, D.* (2012). The Main Phase of Ethnic Deportations from the Georgian SSR during Stalin's Era. *The Changing Ethnic Enviroment in Georgia*. Conference volume. Bazalaeti, 22–23 June, pp. 165-182.

Gugutishvili, 1972 – *Gugutishvili, M.G.* (1972). Novye sovetskie tradicii v Gruzii [New soviet traditions in Georgia]. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Tbilisi, 24 p. [in Russian]

Hachapuridze, 1956 – *Hachapuridze, G.V.* (1956). Bor'ba gruzinskogo naroda za ustanovlenie Sovetskoj vlasti [The struggle of the Georgian people for the establishment of soviet power]. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Gospolitizdat, 287 p. [in Georgian]

Kacharava, 1958 – *Kacharava, Ju.M.* (1958). Sovetskaja Gruzija v period vosstanovlenija narodnogo hozjajstva: 1921-1925 [Soviet Georgia during the period of national economic recovery: 1921-1925]: diss. ... d-ra ist. nauk. Tbilisi, 524 p. [in Russian]

Kalandarishvili, 1974 – *Kalandarishvili, L.N.* (1974) Nekotorye voprosy byta i kul'tury kolhoznikov Kintrishskogo ushhel'ja [Some Issues of the Life and Culture of Kolkhoz Workers in the Kintrish Gorge]. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Tbilisi, 29 p. [in Russian]

Khlynina, 2011 – *Khlynina, T.P.* (2011). Soviet Georgia attainments and losses in 1920–1930 according to modern Georgian historiography estimations and public conscience. *European researcher*. 1(3): 27-38.

Kirchanov, 2014 – *Kirchanov, M.V.* (2014). Obrazy Gruzinskoj Demokraticheskoy Respubliki v sovremennoj identichnosti Gruzii (na primere blogov i jelektronnyh SMI) [Images of the Georgian Democratic Republic in the modern identity of Georgia (based on blogs and electronic media)] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Part I. 4(42): 90-92. [in Russian]

Kirchanov, 2015 – *Kirchanov, M.V.* (2015). Koncept "sovetskaja okkupacija" v sovremennom gruzinskom nacionalizme [The concept of "Soviet occupation" in modern Georgian nationalism] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Part I. 1: 72-75. [in Russian]

Kirchanov, 2017 – *Kirchanov, M.V.* (2017). Istoricheskaja politika v Gruzii: gruzinskaja istoriografija i politicheskaja pamjat' mezhdru "izobretennymi tradicijami" i "bol'shimi narrativami" [Historical politics in Georgia: Georgian historiography and political memory between "invented traditions" and "grand narratives"]. *Sobytiya v istorii, pamjati i narrativah identichnosti*. Red. L.P. Repina. M.: IVI RAS – ROII, pp. 341-382. [in Russian]

Krinko, 2023 – *Krinko, E.F.* (2023). Problems of Soviet History in Modern Azerbaijani Historiography. *Russkaja starina*. 14(2): 78-91.

Krinko, 2024 – *Krinko, E.F.* (2024). The Soviet Past in the Contemporary Historiography of Armenia. *Russkaja starina*. 15 (1): 4-16.

Maharadze, 1965 – *Maharadze, N.B.* (1965) Pobeda socialisticheskoy revoljucii v Gruzii [Victory of the socialist revolution in Georgia]. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 451 p. [in Russian]

Marhulija, 2007 – *Marhulija, G.* (2007). Armjano-gruzinskie vzaimootnoshenija v 1918–1920 godah [Armenian-Georgian relations in 1918–1920]. Tbilisi: Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, 93 p. [in Russian]

Menteshashvili, 1987 – *Menteshashvili, A.M.* (1987). Oktjabr'skaja revoljutsija i nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Gruzii, 1917–1921 [The October Revolution and the National Liberation Movement in Georgia, 1917–1921]. Tbilisi: Ganatleba, 206 p. [in Russian]

Merkviladze, 1969 – *Merkviladze, V.N.* (1969). Sozdanie i ukreplenie sovetskoj gosudarstvennosti v Gruzii (1921–1936) [Creation and Strengthening of Soviet Statehood in Georgia (1921–1936)]. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 451 p. [in Russian]

Mgeladze, 2001 – *Mgeladze, A.* (2001). Stalin. Kakim ja ego znal. Stranicy nedavnego proshlogo [Stalin. As I knew him. Pages of the recent past]. Tbilisi, 386 p. [in Georgian]

Natmeladze i dr., 2008 – *Natmeladze, M., Daushvili, A., Dzhaparidze, M., Cenguashvili, K.* (2008) Svoeobrazie ustanovleniya i ukrepleniya totalitarnogo rezhima v Gruzii v 20-h godah XX veka [The peculiarity of the establishment and strengthening of the totalitarian regime in Georgia in the 1920s]. Tbilisi. [in Georgian]

Natmeladze, Sturua, 1961 – *Natmeladze, M.V., Sturua, N.I.* (1961). Iz istorii rabocheho klassa Gruzii. (1921–1958 gg.) [From the history of the working class of Georgia. (1921–1958)]. Tbilisi: Izdatel'stvo Akademii nauk Gruzinskoj SSR, 248 p. [in Russian]

Novye rechi..., 2019 – *Novye rechi..., 2019* – *Novye rechi Stalina o Gruzii, istorii i natsional'nostyakh* (1945): Niko Berdzenishvili. Vstrecha so Staliny [Stalin's New Speeches on Georgia, History, and Nationalities (1945): Niko Berdzenishvili. Meeting with Stalin]. Issledovaniya po istorii russkoj mysli [15]. Ezhegodnik za 2019 god. M.: Modest Kolerov, 2019. Pp. 491–525. [in Russian]

Ob ustanovlenii... – *Ob ustanovlenii sovetsoj vlasti v Gruzii* (1921 g.) [On the Establishment of Soviet Power in Georgia Informacionno-spravochnye materialy [Information and Reference Materials]. [Electronic resource]. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/ob-ustanovlenii-sovetsoj-vlasti-v-gruzii-1921-g/ (date of access: 12.06.2025).

Ocherki istorii..., 1972–1973 – *Ocherki istorii Gruzii* [Essays on the history of Georgia] (1972–1973). Vol. VI–VII. Tbilisi, 1972–1973. [in Russian]

Ocherki istorii..., 1971 – *Ocherki istorii kommunisticheskoi organizatsii Zakavkaz'ja* [Essays on the History of the Communist Organization of Transcaucasia]. V 2 ch. Tbilisi: Izdatel'stvo TsK KP Gruzii, 1971. Ch. 2: 1921–1937 gg. 337 p. [in Russian]

Okkupatsiya..., 1990 – *Okkupatsiya i fakticheskaja anneksija Gruzii: o politicheskoi i pravovoi ocenke narusheniya dogovora mezhdru Gruzij i Sovetskoi Rossiej ot 7 maja 1920 goda: dokumenty i materialy* (1990) [Occupation and De facto Annexation of Georgia: on the political and legal assessment of the violation of the treaty between Georgia and Soviet Russia of May 7, 1920: Documents and Materials]. Sost. A. Menteshashvili. Tbilisi: Sakartvelo, 1990. 110 p. [in Russian]

Pudin, 2024 – *Pudin, A.I.* (2024). Stalinskie repressii v istoriografii stran SNG i blizhnego zarubezh'ja [Stalin's repressions in the historiography of the CIS countries and the near abroad] *Povolzhskij vestnik nauki*. 3(33): 21–25. [in Russian]

Ramishvili, 2000 – *Ramishvili, A.* (2000). Nashi oshibki (1918–1921 gg.) [Our mistakes (1918–1921)]. Tbilisi: Mesame Asaki. [in Georgian]

Russkij kolonializm..., 2010 – *Russkij kolonializm v Gruzii* [Russian colonialism in Georgia] ed. by A. Bendianishvili. Tbilisi: Metsniereba, 2010. 210 p. [in Georgian]

Sharadze, 2003 – *Sharadze, G.* (2003) Pervaja demokraticeskaja respublika Gruzii i vneshnjaja politika [The first democratic republic of Georgia and foreign policy]. Tbilisi: Nauka. [in Georgian]

Stalinskie spiski – *Stalinskie spiski* [Stalin's lists]. [Electronic resource]. URL: <https://stalin.historyproject.ge/ru/about> (date of access: 12.06.2025).

Sturua, 1987 – *Sturua, N.I.* (1987). Voprosy novoj i novejshej istorii Gruzii [Issues of the new and contemporary history of Georgia]: V 2 t. T. 2: Voprosy istorii Sovetskoi Gruzii. Tbilisi: Metsniereba, 310 p. [in Russian]

Sulaberidze, 2024 – *Sulaberidze, Ju.S.* (2024). Istoricheskaja pamjat' i dialog kul'tur v kontekste gruzino-rossijskogo vzaimodejstvija [Historical memory and dialogue of cultures in the context of georgian-russian interaction]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 11(3): 515–519. [in Russian]

Toidze, 1974 – *Toidze, L.M.* (1974). Kompartiya Gruzii v bor'be za leninizm (Dejatel'nost' kommunistov respubliki po idejno-politicheskomu razgromu trockistsko-zinov'evskogo antipartiynogo bloka i pravogo uklona (1926–1930 gg.)) [The communist party of Georgia in the struggle for leninism (activities of the communists of the republic for the ideological and political defeat of the trotskyist-zinoviev anti-party bloc and the right deviation (1926–1930))]: diss. ... d-ra ist. nauk. Tbilisi, 236 p. [in Russian]

Toidze, 1991 – *Toidze, L.* (1991). Interventsiya, okkupatsiya, nasil'stvennaya sovetizatsiya, fakticheskaja anneksiya [Intervention, occupation, violent sovietization, de facto annexation]. Tbilisi. [in Georgian]

Tushurashvili, Luarsabishvili, 2015 – *Tushurashvili, O., Luarsabishvili, V.* (2015). Bol'shoj terror v Gruzinskoj SSR: dokumenty i razmyshleniya [The Great Terror in the Georgian SSR:

documents and reflections]. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, sectio F – Historia*. 70: 29–59. [in Russian]

[Urushadze, 1991](#) – *Urushadze, L.* (1991). Bol'shevizm-men'shevizm i Demokraticeskaja Respublika Gruzija (1918–1921) [Bolshevism-menshevism and the democratic republic of Georgia (1918–1921)]. Tbilisi: Ganatleba, 52 p. [in Georgian]

[Vachnadze i dr., 1993](#) – *Vachnadze, M., Guruli, V., Bahtadze, M.A.* (1993). Istorija Gruzii (s drevnejshih vremjon i do nashih dnei) [History of Georgia (from ancient times to the present day)]. Tbilisi: Tbilisskii gosudarstvennyi universitet, 172 p. [in Russian]

[Vedomosti..., 1990](#) – *Vedomosti Verhovnogo Soveta Gruzinskoj SSR* (1990). 3: 38–40. [in Russian]

[Zhordanija, 1990](#) – *Zhordanija, N.N.* (1990). Moe proshloe: vospominanija [My Past: Memories]. Tbilisi: Sarangi. [in Georgian]

[Zhvanija, 1981](#) – *Zhvanija, G.K.* (1981) Bol'sheviki i pobeda Sovetskoj vlasti v Gruzii [The Bolsheviks and the Victory of Soviet Power in Georgia]. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 358 p. [in Russian]

Образы советского прошлого в современной грузинской историографии

Евгений Федорович Кринко ^{a, b, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена осмыслению советской истории в современной историографии Грузии. Главное внимание уделяется: 1) общей оценке советского периода в истории Грузии, 2) установлению советской власти, 3) отношению к И.В. Сталину, 4) политическим репрессиям. Основные историографические источники – обобщающие и специальные работы грузинских историков. Автор опирался на принцип историзма и системный подход, использовал методы логического и историографического анализа, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Современная Грузия считается преемницей Грузинской Демократической Республики (1918–1921). Напротив, история ССР Грузии и Грузинской ССР (1921–1991) не признается полноправным этапом в развитии грузинской национальной государственности. Установление советской власти в 1921 г. большинство грузинских историков оценивает, как «оккупацию» Грузию Советской Россией. Советский период истории подвергается кардинальной переоценке, хотя отношение лично к Сталину как к руководителю Советского государства сохраняет определенную специфику. Значительное внимание уделяется политическим репрессиям, а опыт советской модернизации фактически обесценивается. Советское прошлое в Грузии не предано забвению, а служит основой для формирования национальной идентичности, опирающейся на виктимизацию прошлого.

Ключевые слова: Грузинская ССР, И.В. Сталин, современная грузинская историография, ССР Грузия, советизация Грузии, советская история, политические репрессии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко)

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2025. 16(1): 45-57

DOI: 10.13187/rs.2025.1.45

<https://rs.cherkasgu.press>

Formation of the Old-Faith Population of Rudny Altai in the XVII–XIX centuries

Yerlan K. Jiyenaliev ^{a, *}, Zlikha O. Ibadullayeva ^a, Zhazira O. Khassenova ^a, Gulden B. Imangalieva ^b

^a Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Republic of Kazakhstan

^b N. Marabaev Lyceum School No. 7, Aktau, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the appearance, economic and socio-cultural adaptation of the Old Believers in the territory of the Rudny Altai in the XVII–XIX centuries. Russian Russians Based on the works of researchers and archival documents, an attempt has been made to study and evaluate Old Believers as a complex religious, ideological and cultural phenomenon of Russian reality, the worldview of millions of Russian people, which determined all aspects of the life of its supporters and became in the XVII–XIX centuries a fact and even a factor in the history of not only Russia, but also Kazakhstan.

Being in the most difficult economic and legal conditions, despite all the difficulties experienced, the Old Believer communities of the Rudny Altai led their intensive lives and, as best they could, survived in a foreign environment. The relations of the Old Believers are shown not only with the authorities and the Orthodox population, but also with the nomadic Kazakhs. The need for an exhaustively complete reproduction of tradition in a constantly changing environment led to the paradoxical position of the individual, which required maximum “mobility” to adapt to the new in order to maintain “immobility”, i. e. the traditional old one. The authors concluded that one of the most important reasons for preserving the foundations, traditions, and way of life is the comprehensive protection of the institution of the family among the Old Believers, who played a primary role in the life of the Old Believer society.

Keywords: Russians, split, Belovodye, Old Believers, Kerzhaks, Bukhtarians, Poles.

1. Введение

Староверы на территории Рудного Алтая представляют собой уникальную этнографическую группу, сформировавшуюся в результате переселения старообрядцев в этот регион в основном в XVII–XIX вв. Они расселились в горных долинах Бухтармы, а также в других районах Алтая. Старообрядцы бежали на Алтай, спасаясь от религиозных преследований в центральных регионах России, связанных с церковной реформой Никона. Здесь представлены разные толки старообрядчества, в том числе каменщики, поляки и др. В прошлом староверы часто жили обособленно, но в настоящее время взаимодействуют с другими жителями Алтая. Они сохраняют древние русские православные традиции, обряды и уклад жизни, включая свои особенности в одежде, пище, семейных отношениях. Невзирая на политические катаклизмы, старообрядческая культура на Алтае продолжает развиваться и обогащаться, а регион остается одним из важных ареалов распространения русской культуры.

* Corresponding author

E-mail addresses: erlan.77@inbox.ru (Y.K. Jiyenaliev)

2. Материалы и методы

Исследование процесса становления и адаптации староверов на территории Рудного Алтая основано на следующих группах источников:

1) архивные документы – фонды Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), Государственного архива Алтайского края (далее – ГААК) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (далее – ЦГА РК), содержащие материалы о староверах вышеуказанного региона;

2) научная литература и периодика – монографии, статьи и исследования, посвященные истории и адаптации староверов Рудного Алтая в XVIII-XIX вв.

Исследование староверов Рудного Алтая опирается на междисциплинарный подход, сочетая методы этнологии, социологии, исторической науки и культурологии.

Для изучения процесса адаптации староверов на территории Рудного Алтая применялись различные методы исторической науки, включая анализ архивных документов, статистических данных, законодательных актов и мемуарных источников, что позволило выявить основные этапы формирования староверческих групп на вышеуказанной территории и факторы, повлиявшие на их расселение, адаптацию и трансформацию идентичности, зафиксировать особенности их традиционной и современной культуры, семейно-бытовых традиций, религиозных практик, хозяйственной деятельности и системы ценностей. Применялся также контент-анализ СМИ и документов этнокультурных объединений. Анализ публикаций, связанных с деятельностью староверов, позволяет выявить современные тенденции в развитии и сохранении традиции, обряды и уклад жизни. Комплексное применение вышеуказанных методов обеспечивает всесторонний анализ староверов Рудного Алтая, выявляет закономерности их исторического развития, адаптации и этнокультурной трансформации в условиях многонационального общества.

3. Обсуждение

В литературе имеется мало дореволюционных источников о старообрядческом населении алтайских предгорий и юго-западного Алтая. П.С. Паллас, путешествовавший по Западной Сибири в июле 1771 г., предполагал из Семипалатинска проехать до Усть-Каменогорска, оттуда по реке Бухтарме, но вследствие своей болезни, доехал только до района реки Убы и остановился в селе Красноярском, откуда, после выздоровления, двинулся не на юг, а на восток к Змеиногорской крепости. Таким образом, сведения этого путешественника касаются лишь поселений староверов, появившихся на Убе незадолго до его приезда. Упоминаются Шемонаиха, Екатериновка и другие деревни. Студент, отправленный Палласом к югу, доехал до Усть-Каменогорска и оттуда направился вверх по Ульбе (Паллас, 1786).

Первое по времени описание быта бухтарминских старообрядцев относится к первой половине XIX столетия. В 1826 г. предпринял поездку по Алтаю профессор ботаники Дерптского университета К. фон Ледебур со своими помощниками А. Бунге и К. Мейером. Сам Ледебур проехал как раз по долине Бухтармы, посетив главные селения старообрядцев, и добрался до пограничного китайского форпоста Чингистай. Его помощники проехали по восточному Алтаю (Ледебур, 1826).

К середине и концу XIX в. относятся уже многочисленные сведения об алтайских старообрядцах, в частности, о «каменщиках». По-видимому, эта группа русского алтайского населения весьма интересовала и научную и общественную мысль. Появляется ряд статей в центральных и сибирских газетах. Бухтарминским населением интересуется и Русское географическое общество, член которого А. Принтц предпринял в 1863 г. поездку в Бухтарминскую долину и соседние с ней районы.

В конце XIX в. этот район посещается преимущественно сибирскими исследователями. В XX столетии изучением бухтарминского района энергично занялся Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, члены которого неоднократно посещали различные районы русского Алтая и, в частности, Бухтарминский район. Ряд статей, посвященных быту «каменщиков», напечатан в «Записках» Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Часть подготовленных работ не была опубликована, но некоторое представление о них можно иметь на основании обзора деятельности Семипалатинского подотдела, помещенного в «Записках» Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

В советский период несмотря на отрицательное отношение к религии, сохраняется интерес исследователей к старообрядцам Рудного Алтая. В 1927 г. Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринкова приняли участие в казахстанской этнографической экспедиции Академии наук СССР, целью которого было изучение старообрядческого населения района реки Бухтармы. В ходе экспедиции был собран и опубликован богатейший материал по истории, культуре, хозяйству староверов Восточного Казахстана (Бломквист, Гринкова, 1930).

Н.Е. Бекмаханова предоставила сведения об истории освоения староверами данного региона в рамках в рамках антифеодальной борьбы русского крестьянства, одной из форм которого рассматривалось бегство в поисках спасения от произвола царских властей и крепостного гнета (Бекмаханова, 1980).

В 1990-е гг. в связи с развалом СССР, возрождением религии и поиском новых духовных ценностей в России и Казахстане вновь усилился интерес к старообрядчеству, как к идеологии, которое продемонстрировала способность к самовывживанию в инородческой среде и в условиях жесточайших преследований со стороны властей.

Директор международного научно-образовательного центра «Мир и культура XXI века», кандидат исторических наук С.З. Раздыков в рамках научного проекта «История межэтнических, межконфессиональных отношений в Республике Казахстан» изучал сохранившиеся очагов старообрядчества на территории локального проживания староверов на территории Восточно-Казахстанской области с целью определения особенностей языка, материальной и духовной культуры. Автор пришел к выводу, что одной из важнейших причин сохранения устоев, традиций, образа жизни является всеобъемлющая защита у староверов института семьи, игравшей в жизни старообрядческого общества первостепенную роль (Раздыков, 2016).

Исследованием старообрядцев Рудного Алтая также занимались В.А. Липинская (Липинская, 1996), Н.И. Романова (Романова, 2002), О.Н. Осерчева (Осерчева, 2010), М.В. Бурковская, Т.Г. Казанцева, Н.С. Мурашова и другие (Казанцева, Мурашова и др., 2014).

4. Результаты

Массовое переселение старообрядцев, как в Сибирь, так и в Рудный Алтай начинается в последней четверти XVII в. и распространялось в соответствии с общей направленностью продвижения русского населения с северо-запада на юго-восток. В основной своей массе староверы были беглецами, скрывавшимися в труднодоступных ущельях Алтайских гор от правительственных повинностей, крепостной неволи, рекрутчины, а также религиозных гонений со стороны официальной церкви после церковной реформы в России в 1650–1660-х гг. В вину им ставилась верность церковному преданию, которая якобы повлекла церковный раскол.

Во времена правления Екатерины Великой отношение к староверам стало меняться. Императрица считала, что староверы могут быть весьма полезны для заселения необжитых районов расширявшейся Российской империи. За ними закрепляется термин «старообрядцы», хотя в постановлениях некоторых церковных соборов указывалось, что данный термин не вполне приемлем. Так, Иргизский староверческий собор 1805 г. назвал «старообрядцами» единоверцев, т. е. христиан, употребляющих старые обряды и старопечатные книги, но подчиняющихся Синодальной церкви. К началу XX в. вместо терминов «староверы»/«староверцы» все чаще стали употреблять «старообрядцы». Вскоре это наименование было закреплено на законодательном уровне указом императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости».

Большинство сторонников «старой веры» составили посадские люди и крестьяне, недовольные укреплением феодально-крепостнического режима и ухудшением своего положения, что они связывали с нововведениями. Оформление старообрядческой церкви стало показателем падения влияния официальной церкви на народные массы, которые стали искать убежища на окраинах Российской империи, в поисках Беловодья, мифической страны из чрезвычайно распространенной среди старообрядцев утопической легенды, где они имеют свои церкви, в которых богослужение идет по старым книгам, таинства крещения и брака совершаются по солнцу, за царя не молятся, крестятся двумя перстами.

Первоначально старообрядцы устремились в бескрайние сибирские просторы. В 1869 г. в Западной Сибири проживал 49 261 раскольник из 2 743 157 человек, населявших

регион. Среди них было много беспоповцев, которые поселились главным образом в Ялуторовском, Курганском, Ишимском, Бийском округах (Покровский, 1989: 319).

В дальнейшем, спасаясь от преследований властей, часть старообрядцев двинулась в сторону Алтайских гор, считая их тем самым Беловодьем, которое так рьяно искали все старообрядцы. В частности, Г.Т. Хохлов привел предание уральских казаков, которые искали эту мифическую страну (Хохлов, 1903: 109). К этому времени Алтай был буферной зоной и почти необжитой территорией между Россией и Джунгарским ханством, а после падения последнего, Цинской империей. Богатый животным миром и рыбой, этот благодатный край стал основным районом расселения старообрядцев в данном регионе. В результате в начале XX в. в Семипалатинской области, куда входил регион Рудного Алтая, русские составляли 27,21 % населения (Бекмаханова, 1986: 173).

Старообрядчество Рудного Алтая (Восточно-Казахстанская область) к середине XIX в. было представлено двумя основными группами: «каменщиками» (бассейн р. Бухтармы) и «поляками» (бассейны р. Убы и Ульбы), а также небольшим количеством добровольных и ссыльнопоселенных в XIX в. староверов со Среднего Поволжья и Урала. Концентрация староверов на Алтае была самой высокой в Томской губернии. По подсчетам В.А. Липинской, в 1842 г. в Бийском округе, в состав которого входил Рудный Алтай, их численность составляла 82,2 % от всех старообрядцев Томской губернии (Липинская, 1996: 269).

Староверы заселили междуречье в верховьях Убы, где сливались с ней Лосиха и Козлиха. По преданию, первым, кто поселился возле казачьего пикета у речки Лосихи, был Афанасий Гусляков со своей семьей. Случилось это 27 декабря 1764 г. (Обухов, Кратенко, 2010: 220).

Территорию Рудного Алтая можно назвать очагом русского старообрядчества. Предки современного бухтарминского населения состояли преимущественно из лиц, бежавших с горных заводов Алтая и из других мест, вследствие религиозных преследований, в наиболее недоступные места, в ущелья и горы, или «камни», по местной терминологии. От этого названия гор – «камни» – и происходило название данной группы старообрядцев – «каменщиков». Таким образом, переводя это название с местного диалекта на литературный язык, алтайских «каменщиков» можно назвать горцами (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2616. Л. 1-90б.).

Группа старообрядческого населения, живущая недалеко от бухтарминских «каменщиков», главным образом по течению рек Ульбы и Убы, также правых притоков Иртыша, впадающих несколько севернее Бухтармы, ближе к городу Усть-Каменогорску, носит название «поляков». Это название они получили в силу того, что до поселения здесь, на Алтае в XVIII в., предки современных «поляков» жили за пределами тогдашней России, в Польше, на острове Ветка на реке Соже. Ветка была заселена в XVII в. старообрядцами, которые, будучи теснимы правительством, бежали сначала в Стародубье, затем в Речь Посполитую. В течение первой половины XVIII в. Ветка стала центром старообрядцев и достигла высокого процветания. Российское правительство неоднократно обращалось к ветковцам с приглашением вернуться на Родину. После неоднократных отказов в 1735 г. был послан военный отряд, который разорил Ветку, и часть населения была возвращена в пределы России. Но через несколько лет Ветка опять возродилась. В 1764 г. при Екатерине II была произведена вторая «выгонка» Ветки, и все население было отправлено в Сибирь, часть на Алтай, часть в Забайкалье, где они известны под названием «семейских».

Алтайские «поляки» делились на различные секты: австрийцы и лжеавстрийцы, окружники или московцы, беглопоповцы или противокружники, поморцы, федосеевцы, филипповцы, дяковцы, стариковцы и самодурцы (Бломквист, Гринкова, 1930: 149).

Как ни старались кержаки уйти подальше от царских властей и православного населения, но расширение территории Российской империи привело к возобновлению контактов между ними. В XVIII в. шло активное заселение и строительство рудников и заводов на Алтае. Первоначально горная вотчина принадлежала Демидовым, а с 1747 г. Колывано-Воскресенские заводы были переданы в собственность императрицы Елизаветы Петровны. С середины XVIII в. на территорию заводов стали перекочевывать казахи. На заводах, подчиненных царскому правительству, сложилось многонациональное горнозаводское население.

В 1764 г. императрица Екатерина II издает специальный указ, согласно которому старообрядцам была обещана свобода вероисповедания при условии, если они поселятся в

русских сибирских владениях. Поток добровольных переселенцев был не столь велик, как того требовала экономика края. Поэтому правительство прибегло к насильственному переселению (Шарабарина, 2004: 250).

С 1865 г. было разрешено свободное переселение на Алтай крестьянам из Центральной России. По сведениям чиновника Е. Трофимова, на горных землях в середине XIX в. насчитывалось 1450 казахских кибиток и около 3 тыс. приписных крестьян (ГААК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 557. Л. 1-82об.).

Поселение «поляков» на Алтае, по свидетельству историка П.А. Словцова, началось с 1763 г., вслед за изданием указа Екатерины II от 14 декабря 1762 г. Но основная масса «поляков» переселилась сюда уже после 1764 г., после разорения Ветки под руководством генерал-майора И.А. Маслова, целью которого было насильственное переселением старообрядцев из Речи Посполитой в регионы Российской империи. Паллас, посетивший Алтай в 1774 г., уже застал здесь «польские» селения: Староалейское, Екатерининку, Шемонаиху, Верх-Убинское, Сенисовку и Бобровку (Паллас, 1786: 575). Все жители названных селений, как пришедшие добровольно, так и сосланные, были поселены на правах государственных крестьян, с обязательством платить двойной податный оклад, установленный для всех раскольников Петром I. Как государственные крестьяне, «поляки» были свободны от обязательных отношений к заводам, поэтому не занимались никакими заводскими работами. Попав в глухой, отдаленный край, где не было никаких занятий, кроме горного дела, имевшего уже свой постоянный контингент рабочих, они занялись земледелием, развитие которого на Алтае, ради нужд горного дела и составляло главную цель их поселений здесь.

Но в 1779 г. юридическое положение «поляков» резко изменилось. Вследствие расширения горного дела на Алтае потребовалось увеличение контингента рабочих сил, и 21 мая 1779 г. был издан манифест о приписке к заводам крестьян «из казенного ведомства», т. е. государственных, проживавших в ближних к заводам и рудникам местностям. Первые годы этот манифест не имел практического применения, по крайней мере, в той местности, где жили «поляки», так как здесь не было еще потребности в увеличении рабочих рук в горном деле, и местные крестьяне оставались фактически на прежнем положении, по видимому, даже не подозревая о его изменении. Но с развитием горного дела на Алтае, с открытием новых рудников – Риддерсского, Бухтарминского и других – в самом районе поселения «поляков», появилась необходимость в новых рабочих руках. И в 1798 г. «поляки» были впервые привлечены к отбыванию заводских повинностей наряду с соседними селениями.

Для «поляков», до тех пор совершенно свободных от обязательных отношений к заводам, это было двойным ударом: помимо перехода в несвободное состояние, их тяготила и необходимость входить в близкие отношения с православными, отдавать своих детей на заводы к «мирским», от которых они ранее держались обособленно. Самой обременительной из заводских повинностей была обязанность доставлять руду, дрова и прочий необходимый материал на заводы и рудники. Селения, где были ямские станции, отстояли друг от друга на 20-30 и более верст. Дороги были плохими, и возчики зачастую ломали сани, загоняли и калечили лошадей, в сильные бураны и морозы отмораживали себе руки и ноги, а случалось, и вовсе замерзали, сбившись с пути и попав в какую-нибудь тупицу. Тяжелым был и процесс заготовки дров, так как лес к концу XIX в. был уже вырублен вблизи селений. Приходилось ездить в горы, на склонах которых главным образом и сохранился нужный для заводов хвойный лес.

С наибольшей враждебностью «поляки», как раскольники, относились к рекрутской повинности, в силу которой они были вынуждены отдавать своих детей в мастерские при рудниках и заводах. Таким образом, они теряли их навеки, так как до 1849 г. служба мастеровых была бессрочной, а новые рекруты посылались в различные рудники и заводы, иногда за несколько сот верст от родины, причем их семьи часто даже не знали, где они находятся. Эта повинность была тяжелой для всех крестьян, но для раскольников, считавших грехом даже случайное общение с православными, она равнялась духовной смерти, так как при ней неизбежна была потеря «чистоты», а следовательно, и гибель души. Поэтому они всеми силами старались уклониться от рекрутской повинности: когда была возможность, откупались от нее при помощи взяток, если же откупиться не удавалось, бежали в горы, на Бухтарму, в Уймон и в другие места – спасались от «мира» в свою

излюбленную страну «Беловодье», еще не оскверненную присутствием человека. Таким образом, в глуши Алтая, в труднопроходимых и почти недоступных горных дебрях появлялись новые русские селения, распространялась русская колонизация края.

С открытием Зырянского рудника доступ к поселениям «каменщиков» стал легче. К тому же в этот период три года подряд на Бухтарме был неурожай, «каменщики» были вынуждены обратиться за помощью к правительству и уже официально войти в состав государства. В 1792 г. они получили помилование за бегство и укрывательство от правительства и подобно другим инородцам были обложены ясаком. Таким образом, «каменщики» вошли в состав Российского государства на тех же правах, что и туземцы Сибири, и по своему положению в государстве отличались от остального русского населения на Алтае, в том числе от остальных старообрядцев.

До середины XIX в. старообрядцы не призывались в армию, и только с 1840 г. начали проходить службу в Катон-Карагае. В Первую мировую войну они наравне с регулярной армией участвовали в боях в составе ополчения (Бломквист, Гринкова, 1930: 149).

Таким образом, зачисленные в «каменщики» инородцы вместо двойной подати и крепостной зависимости от заводов были обложены небольшим ясаком и не несли никаких повинностей. Позднее ясак был заменен денежной податью в 3 рубля 50 копеек, а в 1824 г. при учреждении сибирских губерний «ясачные каменщики» были переведены в разряд «оседлых» инородцев с оброком по 8 рублей с души (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Св. 24. Д. 303. Л. 218-253).

В 1792 г. при принятии Екатериной II «каменщиков» в качестве ясачных инородцев были образованы две инородческие управы или волости – Бухтарминская и Уйменская. Получив права инородцев и уже не опасаясь близости к крепостям и заводам, «каменщики» спустились с высоких горных ущелий, с верхнего течения Бухтармы и ее притоков, заняв наиболее удобное место в долинах горных рек. Таким образом, вместо существовавших ранее тридцати отдельных малых поселков по 2-3 дома, разбросанных в малодоступных местах, в 1792 г. образовалось 9 деревень: Осочиха, Быково, Сенная, Коробиха, Печи, Язовая, Белая, Фыкалка и Мало-Нарымская.

«Каменщики» не несли никаких повинностей, в том числе были свободны от подчинения администрации, поставки рекрутов, двойной подати и крепостной зависимости от заводов. С тех пор этот район по реке Бухтарме стали называть Ясашным краем (Бломквист, Гринкова, 1930: 29).

Жители Ясашного края не ладили с чиновниками Томской губернии, к которой относились земли, а полиция боялась заезжать к ним: «Они были отчаянными и отстаивали свободу», – писали русские краеведы в XIX в. (Бекмаханова, 1986: 175).

В 1826 г. здесь было 16, а через сто лет – около 200 кержацких и 67 переселенческих русских дворов (Обухов, Кратенко, 2010: 10).

У алтайских «поляков» и «каменщиков» в ряде бытовых особенностей наблюдается много общего, доказывающее общность происхождения этих двух групп и то, что здесь, в особых бытовых условиях, эти группы в одинаковом направлении развивали некоторые элементы своей группы. Главными занятиями «поляков» были земледелие, скотоводство и пчеловодство. Обрабатывающая промышленность отсутствовала, если не считать несколько кожевенных и клееварного завода в селе Шемонаевском. Вследствие гористости местности и высоты положения, обуславливающей суровость местности климата, земледелие здесь было развито слабо, зато превосходные пастбища и цветущие долины представляли все условия, необходимые для широкого развития скотоводства и бортничества, которые и являлись главными занятиями местных крестьян.

В XIX – начале XX в. «польские» селения принадлежали к Алейской, Александровской, Владимирской, Риддерской и Бобровской волостям Змеиногорского округа. Кроме того, до 50 дворов «поляков» жили в «сибиряцком» селе Саушке Курьинской волости того же округа (Михайлович, 1896: 87).

Обособленность «поляков» должна была способствовать сохранению среди них тех характерных черт, которые отличали их от сибиряков. Их селения напоминали старинную русскую деревню: чистые и покрытые зеленой травой широкие улицы, из-за домов виднелись небольшие сады. Планировка домов относилась к русской архитектуре: высокие крылечки с точеными столбиками, раскрашенными в разные цвета, затейливая резьба на окнах и крыше, деревянные петухи над окнами или на воротах.

Старообрядцы Алтая стремились сохранить здесь «истинное благочестие» и обрести здесь легендарное «Беловодье» как страну, где все свободно и легко живется, без всяких тягот и притеснений. Недаром один из исследователей Алтая К. фон Ледебур называл его «классическим очагом и приютом русского раскола» (Бломквист, Гринкова, 1930: 10).

Таким образом, сама история заселения Бухтарминского края являлась предпосылкой к тому, чтобы ожидать в нем сохранения пережитков старых форм быта. Этому также способствуют значительные расстояния: город Усть-Каменогорск от устья Бухтармы по Иртышу отстоит на 250 км, Семипалатинск – почти на 500 км. Вследствие слабой экономической и культурной связи с городом элементы городской культуры проникали в быт бухтарминцев крайне медленно. Школа и грамотность также являлись весьма слабыми проводниками культуры. Кержаки редко и неохотно посылали своих детей в местные школы. Они главной целью обучения считали умение читать по-церковнославянски для своего богослужебного обихода, так как не принадлежали к беспоповцам.

В основе такой отчужденности лежали религиозные убеждения бухтарминского населения. Центром беспоповщины на Бухтарме являлась деревня Белая, где находилась главная молельня или, как часто ее называли, церковь. Здесь жили главные беспоповские наставники или «старики», которые по вызову в разное время, а также в определенные сроки ездили в деревни Печи и Коробиха, где и справляли обряды крещения или различные службы. Кроме моления в молельной кержаки много молились дома. В каждом доме в переднем углу была устроена божничка со старинными литыми крестами и иконами.

Свою веру бухтарминские беспоповцы называли «стариковской», так как ими в религиозном отношении руководили старики, и в своих религиозных убеждениях они следовали «заветам стариков». Всех, кто не принадлежал к «стариковской вере», бухтарминские кержаки считали «мирскими», что равносильно по значению «поганым», и с ними старались иметь как можно меньше отношений. Одним из важных для кержаков было соблюдение и почитание «чашки», т. е. не употребление пищи совместно с «мирскими» и из той посуды, которую употребляют «мирские». Сами себя часто называли «чашными» или «братишными», чем хотели выразить, что они могут есть и пить из одной чашки только со своими кержаками. В силу этого в каждом хозяйстве имелось два набора посуды – для «чашных» и для «мирских». Если по ошибке «мирскому» попадала «братишна» чашка, то ее не пускали в обиход, пока не очистят от дьявольского прикосновения освящением с молебной, предварительно вымыв с молитвой в реке. Мыть посуду стараются в речной, проточной воде, чтобы лучше очистить от всякой нечисти. Соблюдение «чашки» твердо придерживались даже дети. Приходя в школу, они приносили с собой в отдельных посудинах воду для питья и ни за что не пили воду из того ведра, из которого брали воду остальные дети в школе. Кержак, побывавший в доме, где не было «братишной» посуды, приехав домой, не ел со своей семьей, пока не получал разрешения от наставников и не выполнял эпитимии.

Молодые кержаки, пришедшие с военной службы, также должны были выполнить эпитимию, очиститься, после чего они допускались в молельню и к общему столу со своими домашними. В праздники, при сборе гостей, или на поминках, всегда ставили несколько столов, и порядок рассаживания гостей зависел от того, «чашны» они или нет. «Мирских» сажали на отдельный стол.

Кержаки были гостеприимны и часто приглашали к себе в гости переселенцев и приезжих, но сами ни к кому из них не ходили и ничего у них не ели, так как у тех вся пища готовилась без благословения, «дьявольскими руками». Точно также ничего готового не покупали, даже сушеных фруктов, так как все это считалось «нечистым». При отсутствии в горах садов и фруктовых деревьев кержаки не только не пробовали, но даже и не видели яблонь, груш и т.п. Даже дети в строгих семьях и те боялись съесть покупную конфету. Правда, молодежь понемногу начинала нарушать эти строгие правила. По сведениям исследователей Е.Э. Бломквиста и Н.П. Гринковой, пожилые и крепкие кержаки, когда напивались пива, то уже не разбирали посуду и пили из всякой, хотя после этого все-таки шли очищаться (Бломквист, Гринкова, 1930: 12). Эти примеры достаточно красноречиво говорят о роли религии, способствовавшей сохранению старых форм быта и препятствовавшей культурному развитию населения.

Кроме «стариковской» веры, среди бухтарминских кержаков известна еще так называемая «крымская» или «австрийская» вера. Ее разделяли белокриницкие поповцы,

признающие священство, поставленное Белокриницкой австрийской иерархией. Эта «австрийская» вера стала распространяться с 1908 г., и в некоторых из коренных кержацких деревень значительный процент населения принадлежал к этой вере. Из пяти деревень на первом месте стояла Коробиха, где только 8 домов из 152 старожильческих сохраняли «стариковскую» веру, а остальные кержаки перешли в «австрийскую». Здесь с 1917 г. была особая «австрийская церковь», а с 1917 г. – священник из местных жителей.

«Стариковцы» считали свою веру самой истинной и самой чистой. Не входя в догматические тонкости, они по инерции и традиции хранили старые обряды. Живя замкнуто в религиозном отношении, кержаки все же не могли, в силу бытовых и экономических условий отказаться от контактов с людьми другой веры.

Воспитание у старообрядцев заключено в связке «дом – церковь». Воспитателями выступали оба родителя, или один из них, или родственники. Религиозное воспитание было связано с грамотностью. Наиболее распространенные для обучения старообрядцев были книги: Псалтырь разных лет и мест издания, Часослов, где собран практически костяк богослужения, Часовник, а для изучения крюкового пения и главам – Октай (богослужебная книга, содержащая песнопения для различных служб, распределенные по восьми гласам (напевам)). Библия, а тем более Евангелие было в каждом доме (Липинская, 1996: 245).

Старообрядческие семьи, окруженные «мирским миром», упорно отстаивали свою «цитадель», не только догматику веры отцов, но и все те мелочи, из которых состояла их повседневная жизнь. Старообрядцы отмечали все церковные и народные праздники – Рождество, Новый год, Крещение, Масленицу, Благовещение, Вербное воскресенье, Пасху, Троицу, Ивана Купалу, Покров. Святки начинались с сочельника 6 января и заканчивались Крещением 19 января. Обрядовое поведение включало раннее вставание, запрет на работу, приготовление ритуальной пищи, праздничный обход дворов и славление Христа. Характерные святочные обряды включали хождение ряженных, колядование, посевание, «баловство» молодежи и гадания (Власова, 2019: 5).

В 1899 г. на реке Убе переселившимися российскими старообрядками-поморками был основан женский старообрядческий монастырь. Приехали вначале восемь сестер, которые отделились от поморской общины в Уфимской губернии. В 1911 г. их было здесь уже сорок, некоторые из них дали клятву « всю жизнь поработать на Христа ». Монашествовала здесь и мать известного на Убе и даже в Петербурге старообрядца Федора Афанасьевича Гусева, одного из самых настойчивых ходатаев за веротерпимость (Бломквист, Гринкова, 1930: 21).

Жизнь в монастыре протекала мирно. Матушки усердно трудились. Обязанности распределялись сообразно способностям и чину каждой. Игуменья заведовала самыми черными работами, а келью занимала самую тесную. Были матушки-плотники, матушки - конюхи и матушки-стряпки. Ели они хлеб, мед, изредка рыбу, часто постились. Много трудились, вставая рано, утреннее богослужение начиналось в три часа, заканчивалось в пять. В час был обед, в пять – вечера.

По сведениям исследователя Г. Гребенщикова, посетившего обитель летом 1910 г., в монастырской церкви стоял очень богатый иконостас. На золоте покоилось рукописное Евангелие, оправленное в бархатный переплет с серебряной чеканкой. От песнопений веяло чем-то средневековым. Он обнаружил, что в этой среде очень ценили старорусскую книгу. На одной из заимок ему показали книгу 1594 г., а вторую – Библию первопечатника Ивана Федорова. (Раздыков, 2016: 303-316).

В очерке «У старообрядцев Алтая» этнограф А.Е. Новоселов описывает скромное убранство келий, обставленных только столами и скамьями, но в каждой из них много икон. Храм ему напомнил скромную деревянную церковь, какие обычно строят в сибирских деревнях, но зато в ней богатое убранство, много икон. Налево от входа – небольшая келейка, представляющая тот же храм в миниатюре, предназначенная для тех, «кому более по душе беседы с Богом наедине». Святость этого места поддерживалась неугасимым огнем лампады перед запрестольной иконой. Огонь был вывезен из какой-то русской святыни и горел в молельне уже много лет. Летом в монастырь приходили паломники со всей Убы. Старообрядцы видели жизнь монахинь, полную трудов и самоотречения, восхищаясь строгостью монастырского режима (Лобанов, Шашкова, 2007: 592).

Главными источниками для существования кержаков были охота и рыболовство. Последним занимались, главным образом, на озере Маркаколь южнее Бухтармы, а также на озере Зайсан, куда приходилось пробираться тайком вниз по Бухтарме и далее вверх по

Иртышу. В то время на реке Нарым, впадавшей в Иртыш несколько южнее Бухтармы, стоял первый китайский форпост. Поэтому при такой экспедиции за рыбой приходилось опасаться и казаков, и китайских войск. Путь от Усть-Бухтармы до Зайсана проходили за неделю, так как двигались преимущественно ночью. Зато Зайсан вознаграждал богатым уловом.

Другим главным источником существования первых староверов Алтая была охота. Шкуры выменивали у крестьян, живших около заводов на Иртыше и занимавшихся земледелием, на хлеб, а при недостатке муки пекли хлеб из пихтовой коры. Соль добывали сами, отправляясь верхом за самосадочной солью на озера, расположенные в 40 км к югу от Лонтевского завода. Привозили по 2-3 пуда такой соли в сумках. Весь путь за солью и обратно длился два месяца. Передвигаясь чаще всего только ночью, а днем скрывались. Многие предметы первой необходимости выменивали тайком от начальников пограничной стражи у китайских солдат, а также у казахов (киргизов). Жили разбросано в ущельях по одному, по два дома, редко небольшими поселками в 5-6 домов, опасаясь, главным образом, правительственных разведывательных отрядов.

До начала XX в. у кержаков сохранялся целый ряд пережитков в области жилища, особенно временного и промыслового, а также в домашнем и хозяйственном и домашнем обиходе. Где была возможность, пытались заниматься земледелием и скотоводством.

«Каменщики» женили своих сыновей не ранее 18 лет, дочерей выдавали замуж по достижению ими 16 лет. Невест выбирали сами женихи (Белослюдов, 1913: 1-13).

На воспитание детей в старообрядческой семье оказывали решающее влияние труд, религия, фольклор, игры, поощрения и наказания. Специфика старообрядческой семьи состоит в обособленности, замкнутости и локальности старообрядческой общины (родственников и единоверцев), основанной на патриархальных отношениях. Разделение «мы» и «они» на два мира в культуре и быту староверов влияли на ребенка с раннего возраста, и он фактически сразу создавал себя в каком-то ином мире, отличном от других (Раздыков, 2016: 303-316).

Близость кержацких поселков к китайской границе невольно наталкивала население на меновую торговлю с китайцами. Уже Ледебура в 1826 г. отмечал меновую торговлю или «сатевку», как один из самых главных промыслов бухтарминского населения, ставя эту торговлю наряду с земледелием, скотоводством и охотой (Бломквист, Гринкова, 1930: 15). Другие исследователи также указывали на широко развитую меновую торговлю с китайцами и казахами. (Раздыков, 2016: 303-316).

Кроме китайцев, бухтарминским «каменщикам» доставляли различные товары и русские купцы, имевшие очень давние торговые связи с Китаем. По оживленному торговому тракту на Кобде купцы устраивали сначала временные, а потом и постоянные зимовья и заимки. Кроме таких заимок, основанных отдельными предприимчивыми купцами, были устроены правительством специальные «меновые дворы» вскоре после появления русской администрации южного Алтая.

Здесь, на торговых заимках, в караван-сараях и меновых дворах «каменщики» могли обменивать добытые охотой меха как на китайские, так и на русские товары. Первоначально был спрос на русский порох, свинец, железо, винтовочные стволы, серебряные деньги, соль, а также медные чайники и котелки, и, наконец, ткани (шелк, сукна), причем много позднее, только в конце XIX столетия, получили распространение ситцы.

По сведениям Ледебура и других наблюдателей у бухтарминцев наблюдался такой же товарообмен с казахами, как с китайцами (Бломквист, Гринкова, 1930: 17). Кержаки в обмен на муку и меха получали казахские изделия: войлоки, овчины, плети, арканы, седла, уздечки, серебряные изделия, а также рогатый скот и лошадей. Кроме того, казахи выполняли для кержаков ряд работ по хозяйству, например, били шерсть, изготавливали серебряные украшения для упряжи, казахские женщины шили грубую рабочую одежду.

Казахи понемногу научились в кержацких хозяйствах сельскохозяйственным работам. Уже к началу XX в. почти вся работа по уборке сена и хлеба в зажиточных и середняцких кержацких хозяйствах лежала на казахам. Кроме полевых работ казахи были пастухами в кержацких селениях, а также пасли в летнее время кержацкие табуны.

Взаимоотношения бухтарминских кержаков и местных казахов складывались не только на хозяйственно-экономической почве. Вследствие тесных и постоянных отношений с казахами кержаки хорошо владели казахским языком. Наблюдались случаи вступления в

родство с казахами, при условии их крещения и хотя бы номинального исповедования «стариковской» веры.

Ввиду того, что в Алтай от трудной жизни бежало преимущественно мужское население, на Бухтарме чувствовался недостаток в женском населении. По преданиям кержаки силой увозили себе жен из русских деревень в предгорьях, где они являлись для обмена добытых звериных шкур на хлеб и другие предметы первой необходимости, или же мирным путем, посредством выкупа девушек у родителей. Наконец, недостаток женщин пополнялся казахскими (киргизскими) женщинами, которых крестили и брали в жены. Вплоть до начала XX в. у «каменщиков» сохранялся свадебный обряд с необходимой крупной суммой в виде так называемой «Кладни» или «Выговора» – выкупа за невесту, доходившей до 200 рублей (Шарабарина, 2004: 250).

Были также случаи, когда казахский мальчик попадал в кержацкий дом в работники. Хозяева к нему привыкали, уговаривали креститься, затем усыновляли и женили на какой-нибудь бедной кержачке. Подобного рода факты не прошли бесследно для бухтарминского населения, и в облике его представителей можно заметить примесь тюркской крови, что наложило определенный отпечаток на антропологический тип кержаков. Почти в каждой деревне могут указать один или несколько домов, где дед или прадед, бабка или прабабка были «киргизы».

«Поляки» по своему антропологическому типу резко отличались от соседей-кержаков во внешнем виде которых гораздо больше сказывается примесь инородческой крови. Это объясняется более строгим отношением к сближению с иноверцами. Поэтому «поляки» имели более европейские черты, русые волосы, мягкие, несколько расплывчатые черты лиц, коренастую крупную фигуру и чистый великорусский гонор.

Большую зажиточность бухтарминских «каменщиков» отмечали все исследователи, начиная с Ледебура. (Бломквист, Гринкова, 1930: 18). По своему богатству «каменщики» выделялись среди русского крестьянства. Этому в значительной мере способствовали привилегированное положение бухтарминцев, не знавших ни крепостного права, ни горнозаводской повинности, ни рекрутской, а позднее воинской повинности, не говоря уже о податях, так как наложенный на них ясак был крайне незначителен.

В таких своеобразных условиях сложилась эта группа русского населения – «каменщики». В быте бухтарминских «каменщиков» много своеобразного, обусловленного как природой, так и историей и экономикой края. Горы, земельный простор, обильные зверем леса, наличие дешевых рабочих рук наложили определенный отпечаток на бухтарминское хозяйство. Близость китайской и монгольской границ также не остались без влияния и сказались в некоторых сторонах быта. Но под всеми этими местными наслоениями все-таки можно наметить основные этнические особенности бухтарминских «каменщиков» и определить их ближайшее родство с той или иной племенной группой русского населения. В тех сторонах культуры, где менее чувствуется местный – сибирский и бухтарминский отпечаток, можно установить определенную северно-великорусскую основу. О генетической связи с северными великороссами определенно говорят наиболее яркие факты языка бухтарминского населения, которые в основе своей имеют несомненные типичные северно-великорусские элементы. Эта же северно-великорусская основа определенно устанавливается при анализе основных элементов и форм одежды, дающей наиболее старинные северно-великорусские типы. Наконец, в основном типе жилища бухтарминских старообрядцев также намечаются характерные черты северо-великорусского жилья. Возможность выделить эту северо-великорусскую основу во всех сторонах быта бухтарминских кержаков представляют большой интерес при изучении типов и хронологии отдельных элементов русской культуры.

5. Заключение

Таким образом, старообрядческую субкультуру можно охарактеризовать как весьма развитую, самостоятельную мировоззренческую систему. Они позволяют более целостно понимать и освещать такое крупное явление в истории и культуре русского народа как старообрядчество. Важнейшей особенностью феномена старообрядчества, в значительной степени определившей его историческую роль, стало именно положение личности, живущей традиционной жизнью общины, с одной стороны, и жизнью общества своего времени –

с другой, т. е. равно владеющей двумя культурными кодами, двумя системами воззрений и исторического опыта.

Изучение старообрядческого населения в любом районе представляет большой научный интерес ввиду того, что население это, в силу своих религиозных убеждений, является приверженцем всего старого и хранителем древних традиций. Поэтому среди старообрядцев можно уловить многие реликтовые формы, в значительной мере исчезнувшее среди общей массы населения, и, таким образом, восстановить некоторые потерянные звенья эволюционной цепи развития того или иного этнологического явления. Эта отчужденность от всего «мирского», безусловно, способствует большему сохранению старого быта, хотя, конечно, этот старый быт нигде не сохраняется целиком и в большей или меньшей степени должен уступать место некоторым новым бытовым явлениям. Сам процесс заселения бухтарминской долины и образования в ней деревень говорит за то, что данное население долгое время было оторвано от остального мира и редко приходило в соприкосновение с иной культурой.

Общий принцип мировоззрения, диктующий старообрядчеству стремление к сохранению традиции и к воспроизводству в той или иной степени полноты «отеческой веры», культуры, духовно-нравственной, семейной и социальной жизни создал и общие «инструменты», позволившие движению в течение веков сохранить традиционную русскую культуру как систему.

Литература

Бекмаханова, 1980 – Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. 279 с.

Бекмаханова, 1986 – Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 242 с.

Белослюдов, 1913 – Белослюдов А.Н. Свадебный ритуал «каменьщиков» / Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Вып. 7. Семипалатинск, Семипалатинская областная типография, 1913. С. 1-13.

Бломквист, Гринкова, 1930 – Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Кто такие бухтарминские старообрядцы. Л.: Издание Академии наук СССР. 1930. 460 с.

Власова, 2019 – Власова Г.И. Русский фольклор Восточного Казахстана. Астана: Prof Design Studio, 2019. 418 с.

ГААК – Государственный архив Алтайского края (ГААК).

Казанцева, Мурашова и др., 2014 – Казанцева Т.Г., Мурашова Н.С. и др. Старообрядцы Алтая // *Алтайский старообрядец*. 2014. 9 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <https://altaistaroover.ru/articles/history/39-starobryadtsy-altaya-t-g-kazantseva-n-s-murashova-i-dr> (дата обращения: 05.07.2025).

Ледебур, 1826 – Ледебур К. О путешествии Ледебура, Мейера и Бунге по Алтайским горам и частью по Киргиз-Кайсацкой степи // *Азиатский вестник*. 1826. Кн. 9-10. С. 130-137.

Липинская, 1996 – Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 269 с.

Лобанов, Шашкова, 2007 – Лобанов А.В., Шашкова Л.К. Русские Казахстана. Алматы, 2007. 592 с.

Михайлович, 1896 – Михайлович А. Русская колонизация горного округа Алтая // *Ведомости Тобольской губернии*. 1896. 25 апреля, № 16, С. 445-448

Обухов, Кратенко, 2010 – Обухов В., Кратенко А. Иртышская линия. Усть-Каменогорск: ИП Казакова С.И., 2010. 220 с.

Осерчева, 2011 – Осерчева О.Н. Хронограф важнейших дат Убинского старообрядчества XVIII – начала XXI вв. / *Макарьевские чтения. Материалы девятой международной конференции (21–23 ноября 2010 года)*. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2011. С. 140-155.

Паллас, 1786 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб.: Императорская академия наук, 1786. 575 с.

Покровский, 1989 – *Покровский Н.Н.* Три документа по истории церкви в Сибири в XVII в. // *Христианство и церковь в России в феодальном периоде*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989. С. 77-87.

Раздыков, 2025 – *Раздыков С.З.* Субэтническая культура – староверы Восточного Казахстана // *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 2025. (4). С. 303-315.

РГИА – Российский государственный исторический архив (РГИА).

Романова, 2002 – *Романова Н.И.* Современное положение Русской Православной Старообрядческой Церкви в Казахстане и Средней Азии / *Старообрядчество: история, культура, современность*. М.: [Б.и.], 2002. С. 230-240.

Хохлов, 1903 – *Хохлов Г.Т.* Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». СПб.: Типография «Герольд», 1903. 109 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК).

Шарабарина, 2004 – *Шарабарина Т.Г.* Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX вв.). Усть-Каменогорск: Языкознание, 2004. 250 с.

References

Bekmahanova, 1980 – *Bekmahanova, N.E.* (1980). Formirovanie mnogonacional'nogo naseleniya Kazakhstana i Severnoj Kirgizii. Poslednyaya chetvert' XVIII – 60-e gody XIX v. [Formation of the multinational population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan. The last quarter of the 18th – 60s of the 19th centuries]. M.: Nauka, 279 p. [in Russian]

Bekmahanova, 1986 – *Bekmahanova, N.E.* (1986). Mnogonacional'noe naselenie Kazakhstana i Kirgizii v epohu kapitalizma (60-e gody XIX v. – 1917 g.) [Multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (60s of the 19th century – 1917)]. M.: Nauka, 242 p. [in Russian]

Beloslyudov, 1913 – *Beloslyudov, A.N.* (1913). Svadebnyj ritual “kamen'shchikov” [Wedding ritual of the “stone-makers”]. Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 7. Semipalatinsk, Semipalatinskaya oblastnaya tipografiya. [in Russian]

Blomkvist, Grinkova, 1930 – *Blomkvist, E.E., Grinkova, N.P.* (1930). Kto takie buhtarminskie staroobryadcy [Who are the Bukhtarmin Old Believers?]. Leningrad, Izdanie Akademii Nauk SSSR, 460 p. [in Russian]

ГАК – Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [State Archives of Altai Krai].

Hohlov, 1903 – *Hohlov, G.T.* (1903). Puteshestvie ural'skih kazakov v “Belovodskoe carstvo” [Journey of the Ural Cossacks to the “Belovodsk Kingdom”]. SPb: Tipografiya “Gerol'd”, 109 p. [in Russian]

Kazanceva, Murashova i dr., 2014 – *Kazanceva, T.G., Murashova, N.S. i dr.* (2014). Staroobryadcy Altaya [Old Believers of Altai]. *Altajskij staroobryadec*. November 9. [Electronic resource]. URL: <https://altaistarover.ru/articles/history/39-staroobryadtsy-altaya-t-g-kazantseva-n-s-murashova-i-dr> (date of access: 05.07.2025). [in Russian]

Ledebur, 1826 – *Ledebur, K.* (1826). O puteshestvii Ledebura, Mejera i Bunge po Altajskim goram i chast'yu po Kirgiz-Kajsackoj stepi [About the journey of Ledebour, Meyer and Bunge through the Altai Mountains and partly through the Kirghiz-Kaisak steppe] *Aziatskij vestnik*. Kn. 9-10. Pp. 130-137. [in Russian]

Lipinskaya, 1996 – *Lipinskaya, V.A.* (1996). Starozhily i pereselency: Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX veka [Old-timers and settlers: Russians in Altai. XVIIIth – early XXth centuries]. M.: Nauka, 269 p. [in Russian]

Lobanov, Shashkova, 2007 – *Lobanov, A.V., Shashkova, L.K.* (2007). Russkie Kazakhstana [Russians of Kazakhstan]. Almaty, 592 p. [in Russian]

Mihajlovich, 1896 – *Mihajlovich, A.* (1896). Russkaya kolonizaciya gornogo okruga Altaya [Russian colonization of the Altai mountain region]. *Vedomosti Tobol'skoj gubernii*. 25 aprelya. № 16. Pp. 445-448. [in Russian]

Obuhov, Kratenko, 2010 – *Obuhov, V., Kratenko, A.* (2010). Irtyshskaya liniya [Irtysh line]. Ust'-Kamenogorsk: IP Kazakova S.I., 220 p. [in Russian]

Osercheva, 2011 – *Osercheva, O.N.* (2010). Hronograf vazhnejshih dat Ubinskogo staroobryadchestva XVIII – nachala XXI vv [Chronograph of the most important dates of the Ubinsk Old Believers of the XVIII th – early XXIst centuries]. *Makar'evskie chteniya. Materialy*

devyatoj mezhdunarodnoj konferencii (21–23 noyabrya 2010 goda). Gorno-Altaysk: RIO Gorno-Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 140–155. [in Russian]

Pallas, 1786 – Pallas, P.S. (1786). Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskogo Gosudarstva [Traveling through different provinces of the Russian State]. Ch. 2. Kn. 2. SPb: Imperatorskaya akademiya nauk, 575 p. [in Russian]

Pokrovskij, 1989 – Pokrovskij, N.N. (1989). Tri dokumenta po istorii cerkvi v Sibiri v XVII v [Three documents on the history of the church in Siberia in the XVIIth century] Hristianstvo i cerkov' v Rossii v Rossii feodal'nogo perioda. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, pp. 77–87. [in Russian]

Razdykov, 2025 – Razdykov, S.Z. (2025). Subetnicheskaya kul'tura – starovery Vostochnogo Kazakhstana [Sub-ethnic culture – Old Believers of Eastern Kazakhstan]. *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 4: 303–315. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

Romanova, 2002 – Romanova, N.I. (2002). Sovremennoe polozhenie Russkoj Pravoslavnoj Staroobryadcheskoj Cerkvi v Kazakhstane i Srednej Azii [The current situation of the Russian Orthodox Old Believer Church in Kazakhstan and Central Asia] Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Mo.: [s.n.], pp. 230–240. [in Russian]

Sharabarina, 2004 – Sharabarina, T.G. (2004). Russkie svadebnye tradicii na Rudnom Altae (konec XIX – seredina XXvv.) [Russian wedding traditions in Rudny Altai (late XIXth – mid XXth centuries)]. Ust'-Kamenogorsk, "Yazykoznanie", 250 p. [in Russian]

TsGARK – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Vlasova, 2019 – Vlasova, G.I. (2019). Russkij fol'klor Vostochnogo Kazakhstana [Russian folklore of Eastern Kazakhstan]. Astana, Prof Design Studio, 418 p. [in Russian]

Формирование старообрядческого населения Рудного Алтая в XVII–XIX вв.

Ерлан Курмашевич Джиеналиев ^{a, *}, Злиха Омирбековна Ибадуллаева ^a,
Жазира Оралбековна Хасенова ^a, Гулден Бисенбаевна Имангалиева ^b

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Школа-лицей № 7 им. Н. Марабаева, Актау, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается появление, экономическая и социально-культурная адаптация староверов на территории Рудного Алтая в XVIII–XIX вв. На основе работ исследователей и архивных документов предпринята попытка изучения и оценки старообрядчества как сложного религиозного, идеологического и культурного явления русской действительности, мировоззрения миллионов русских людей, определившего все аспекты жизнедеятельности его сторонников и ставшего в XVIII–XIX вв. фактом и даже фактором истории не только России, но и Казахстана. Находясь в самых тяжёлых экономических и правовых условиях, несмотря на все переживаемые трудности, старообрядческие общины Рудного Алтая вели свою интенсивную жизнь и, как могли, выживали в инородческой среде. Показаны отношения староверов не только с властями и православным населением, но и с кочевниками-казахами. Необходимость исчерпывающе полного воспроизводства традиции в условиях постоянно изменяющегося окружающего мира, приводила к парадоксальному положению личности, от которой требовалась максимальная «подвижность» к адаптации к новому для сохранения «неподвижности», т. е. традиционного старого. Авторы пришли к выводу, что одной из важнейших причин сохранения устоев, традиций, образа жизни является всеобъемлющая защита у староверов института семьи, игравшей в жизни старообрядческого общества первостепенную роль.

Ключевые слова: русские, раскол, Беловодье, староверы, старообрядцы, кержаки, бухтарминцы, поляки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: erlan.77@inbox.ru (Е.К. Джиеналиев)

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2025. 16(1): 58-69

DOI: 10.13187/rs.2025.1.58

<https://rs.cherkasgu.press>

Population Dynamics in Multinational Russia in the 1920s

Sergei A. Kropachev ^{a, *}

^a Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the results of the crisis decade (1914–1922) in Russian history. During these years, the country experienced the First World War and the Civil War, revolutions, intervention, political terror, epidemics, and the famine of 1921–1922, as well as changes in its borders. These events had a significant impact on the population, gender distribution, and age groups. The author explores the positive trends in the demographic development of the country and its peoples that emerged after the end of the Civil War, the demobilization of the army, and the introduction of the New Economic Policy. In the 1920s, pandemics and epidemics were defeated, mortality rates decreased, and birth rates and life expectancy increased. The article explores the demographic development of Russia's “major” ethnic groups and their significance for the sustainable development of a multi-ethnic country. The balance of population reproduction depended on exogenous and endogenous factors. Exogenous factors, such as famine, epidemics, deportations, terrorism, changes in borders, and mass migrations, had a negative impact on the growth rate of ethnic groups. Endogenous processes, on the other hand, had a positive effect on population dynamics. Internal processes include the established type of population reproduction and the traditional way of life of the peoples.

Keywords: 1920s, demographic development, mortality, birth rate, life expectancy, Russia, RSFSR, ethnic groups.

1. Введение

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи доминировали традиционные уклады жизни народов и укоренившиеся типы воспроизводства населения. Последние характеризовались высокой рождаемостью и смертностью (прежде всего, младенческой), большим удельным весом детей и молодежи, незначительной долей граждан пожилого возраста, сбалансированностью соотношений полов и небольшой средней продолжительностью жизни. В России в 1901–1910 гг. общий коэффициент смертности составлял 29,9 ‰, в 1911–1913 гг. – 27,1 ‰. Очень высоким в конце XIX – начале XX вв. был показатель детской смертности – 326 ‰, т.е. из каждых 10 родившихся младенцев 3,3 умирали (Жиромская, 2019: 7). Ожидаемая продолжительность жизни Европейской России в 1896–1897 годах составляла 31,3 года у мужчин и 33,4 года у женщин (Демографическая модернизация, 2006: 18).

При высоких показателях смертности ежегодный прирост населения в дореволюционной России составлял от 14,9 ‰ до 15,7 ‰. В итоге население Российской империи увеличилось с 128,9 млн человек в 1897 г. до 165,7 млн человек (без Финляндии) в 1914 г., т.е. на 28,5 ‰ (Жиромская, 2019: 8; Население России, 1: 148).

* Corresponding author

E-mail addresses: rektor@eipk.info (S.A. Kropachev)

2. Материалы и методы

Начиная с 1914 и до 1922 г., Россия пережила глобальные катастрофы – Первую мировую войну, революции, Гражданскую войну и интервенцию, пандемии и эпидемии острых инфекционных болезней, «красный» и «белый» террор и голод 1921–1922 гг. При этом потери военнослужащих в Первой мировой и Гражданской войнах были значительно меньше, чем повышенная убыль населения от пандемий, эпидемий и голода. Оценок военных потерь много. Их амплитуда очень значительна. Приведем наиболее убедительные, на наш взгляд, мнения. Известный демограф В.А. Исупов писал о том, что Россия в годы Первой мировой войны потеряла убитыми и умершими от разных причин от 1,5 до 1,8 млн солдат и офицеров, включая в эту цифру врачей и военных чиновников. Свою итоговую оценку потерь автор считал условной (Исупов, 2000: 55). Военные историки в коллективном труде оценили безвозвратные боевые и безвозвратные небоевые потери русской армии в войне 1914–1918 гг. в 2 254 тыс. человек (Россия и СССР..., 2001: 100).

Еще более запутанный вопрос с потерями периода Гражданской войны. Если проблема потерь военнослужащих Красной армии исследовалась и существуют ее многочисленные оценки, то потери белых армий и нерегулярных вооруженных формирований глубоко не изучались. Под последними понимаются партизаны всех цветов («красные», «зеленые» и др.), участники антисоветских и других мятежей, бандитские формирования, военные силы местных национальных правительств и квазигосударственных образований и т.п.

Общее количество безвозвратных потерь Красной армии за весь период Гражданской войны (1918–1922 гг.) – убитые, умершие на этапах санитарной эвакуации, пропавшие без вести, не вернувшиеся из плена и другие – составило 981 тыс. человек, из них $\frac{3}{4}$ пришлось на первые три года войны (Россия и СССР..., 2001: 149). Санитарные потери (раненые, контуженные, обожженные, заболевшие) составили за весь период войны 6,8 млн человек (Россия и СССР..., 2001: 149).

Потери противоборствующих сторон, Красной армии и контрреволюционных сил (видимо, белых армий) попытался оценить Ю.А. Поляков. Он считал, что убитые в боях, умершие от ран, болезней и другие потери участников вооруженной борьбы с обеих сторон составляют около 2,5 млн человек (Поляков, 1986: 104). Этот вывод подтверждают авторы многотомного издания «Население России в XX веке» (Население России, 1, 2000: 97).

В итоге армейские потери в годы Первой мировой и Гражданской войне составляют 4,0–5,5 млн человек (Демографическая модернизация..., 2006: 401). Приведенные оценки общих военных потерь весьма приблизительны и довольно условны, но и они в несколько раз ниже, чем потери гражданского населения от голода, эпидемий и террора. Войны и социальные катаклизмы, и как следствие, разруха, острый дефицит продовольствия и лекарств, голод, болезни привели к гибели миллионов мирных жителей.

Больше всего людей в период Гражданской войны (1918–1922 гг.) погибло от острых инфекционных болезней. От эпидемических и паразитарных болезней в период бушевавших пандемий и эпидемий испанского гриппа («спанка»), сыпного тифа («сыпняк»), брюшного тифа, возвратного тифа, неопределенного тифа, оспы, дифтерии, холеры, малярии, дизентерии, кори, скарлатины и коклюша погибли миллионы людей (Демографическая модернизация..., 2006: 402). Их количество варьируется от 5 до 7 и даже 9 млн человек (Исупов, 2000: 67; Демографическая модернизация..., 2006: 402). В 1919–1920 гг. в стране сыпным тифом переболело 4,4 млн человек, возвратным тифом – более 1 млн человек (Население России, 1, 2000: 103). Самые большие потери были от пандемии сыпного тифа, других видов тифа, малярии, испанского гриппа, дизентерии. Даже самые осторожные оценки повышенной убыли населения от острых инфекционных болезней в 1918–1920 гг. говорят о том, что они были выше, чем все армейские потери в Первой мировой и Гражданской войне вместе взятые.

Террор в годы Гражданской войны, как известно, был многоцветным. Кроме «красного» и «белого» террора, имел место «желтый» (еврейские погромы), «черный» (террор анархистов), «зеленый» (террор бело-зеленых и красно-зеленых вооруженных формирований). Несмотря на многочисленные попытки историков и демографов, установить истинные масштабы «красного» и «белого» террора не представляется возможным. Мало что дают известные, но противоречивые, версии и документы. Так, созданная в апреле 1919 г. генералом А.И. Деникиным «Особая Комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем вооруженными силами на

Юге России» назвала 1,7 млн жертв «красного» террора (Мельгунов, 1990: 87-88). В 1927 г. «Общество содействия жертвам интервенции», организация, официально действовавшая в СССР с 1924 г., выявила 111,7 тыс. жертв и свидетелей репрессий белогвардейцев (Поляков, 1986: 105). Эти документы носили пропагандистский характер и не имеют под собой научной основы. Ясно, что масштабы «красного» и «белого» террора исчисляются сотнями тысяч человек.

Единственная оценка террора, к которой пришли различные авторитетные исследователи, касается итогов еврейских погромов. «Желтый» террор, который прокатился по более чем 1500 местечкам и городам Украины и Белоруссии, унес жизни около 300 тыс. человек (Демографическая модернизация..., 2006: 404; Население России, 1, 2000: 98).

Следствием Гражданской войны, развала экономики, засухи 1921 г. стал массовый голод. В 1922 г. он достиг своей высшей точки. Число голодавших доходило до 30 и более миллионов человек (Население России, 1, 2000: 130). Амплитуда оценок погибших от голода, как и при анализе других подобных сложных явлений, весьма различна. Она колеблется от 1-1,5 млн (Максудов, 2019: 418; Поляков, 1975: 80, 90, 93; Население России, 1, 2000: 133) до 5 млн человек (Демографическая модернизация..., 2006: 401), в основном, жителей деревни. Первая цифра кажется маловероятной при десятках миллионов голодавших. Вторую некоторые историки (Максудов, 2019: 418; Поляков, 1975: 80, 90, 93) считают завышенной.

Неурожай и голод в Поволжье, Северном Кавказе, Украине и Казахстане привели к значительным демографическим потерям. Их следствием стало неорганизованное бегство от голода, которое охватило около 600 тыс. человек. Большинство устремилось в Сибирь и Туркестан. В дальнейшем вывоз людей из голодающих губерний принял организованный характер. Было эвакуировано около 1 млн человек (Население России, 1, 2000: 133).

Еще одно направление демографических потерь в результате революции и Гражданской войны – массовая безвозвратная эмиграция из страны в тех ее границах, которые установились ко времени образования СССР. Ее масштабы исследователи оценивают от 800 тыс. до 3 млн человек. Большинство считает цифру в 2 млн человек наиболее реалистичной и объективной. Кстати, ее приводил и В.И. Ленин (Население России, 1, 2000: 134-139; Демографическая модернизация..., 2006: 404-405).

В результате повышенной смертности и эмиграции Россия в 1914 г. – начале 1920-х гг. потеряла миллионы своих граждан. Точное их число назвать невозможно. Отечественные и зарубежные историки и демографы за последние 80 лет предлагали самые разные цифры и оценки. Все зависит от методов исчисления (суммирование видов потерь; метод демографического баланса), наличия и полноты данных и их достоверности, политической независимости исторического анализа, периода изучения и других факторов.

Так, Е. Кулишер и С. Максудов называли 13,8 млн людских потерь за 1914–1922 гг., Ф. Лоример – 18 млн человек за 1914–1926 гг., Б. Урланис – от 14,5 до 16 млн человек за эти же годы, С. Адамец – 17,1 млн человек за 1918–1923 гг. (Демографическая модернизация..., 2006: 405-406). В. Исупов определял прямые, косвенные и демографические потери страны за 1918-1922 гг. в 21,8 млн человек (Исупов, 2000: 68). По данным С. Захарова людские потери страны (военнослужащих и гражданских лиц) в 1916–1921 гг. колеблются в пределах от 12 млн до 18,6 млн человек (Жиромская, 2019: 9).

Демографические потери повлияли на численность населения России. Она значительно сократилась. Осенью 1917 г. в сопоставимых территориальных границах (за основу взяты границы 1926 г.) население России составляло 147 644,3 тыс. человек. В начале 1920 г. – 140 563 тыс. (вместе с Бухарой и Хивой), на начало 1921 г. – 136 757,3 тыс., на начало 1922 г. – 134 903,1 тыс. человек. Таким образом, с осени 1917 г. население страны сократилось к 1920 г. на 7,1 млн человек, к 1921 г. – на 10,9 млн человек, к 1922 г. – на 12,7 млн человек (Жиромская, 2019: 8, 9; Поляков, 1986: 94, 98).

Значительными были и территориальные потери. Они произошли в результате создания суверенных государств (Польша, Финляндия, Латвия, Лива, Эстония), признанных РСФСР территориальных уступок (Западная Украина, Западная Белоруссия, Печенга и Карсская область) и оккупацией Бессарабии Румынией. Всего от бывшей Российской империи в состав других государств отошла территория общей площадью 818 тыс. кв. км с населением в 31-32 млн человек. Это составляет более 3,7 % всей площади страны в границах 1920–1921 гг. (Население России, 1, 2000: 85, 86).

Существенные людские потери, сокращение населения нарушили структуру полов. В стране, прежде всего, в сельской местности остро ощущался дефицит мужчин. Среди лиц 1894–1898 гг. рождения соотношение мужчин и женщин составляло 1:2. Итоги Первой мировой и Гражданской войн, другие экзогенные факторы привели к значительной убыли мужчин. Как следствие, сократилось количество браков. В 1917 г. в России было заключено лишь 65% от числа браков, состоявшихся в 1913 г. Общий дефицит браков за три года Первой мировой войны составил 1700 тыс. (Жиромская, 2019: 9).

Все годы Первой мировой и Гражданской войны в стране была весьма высокой смертность населения, в т.ч. младенческая и детская. Например, в 1920 г. в Европейской России общий коэффициент смертности составлял 40,9 %. В этом году, по неполным данным, было зафиксировано 3,1 млн умерших (Жиромская, 2019: 9-11).

Потери мужчин в репродуктивном возрасте, снижение брачности привели к снижению рождаемости. В 10 губерниях Европейской России по сравнению с 1913 г. ее показатель понизился в 1914 г на 19 %, в 1915 г. на 58 %, в 1916 г. на 57 %. Падение рождаемости не прекратилось и в 1917 г. (Население России, 1, 2000: 149).

Ситуация стала меняться в лучшую сторону в 1918 г. По окончании Первой мировой войны была проведена первая очередь демобилизации, что сразу сказалось на повышении брачности. В 1919 г. медленно начала расти рождаемость. Но эти позитивные тенденции сошли на нет в годы Гражданской войны (Население России, 1, 2000: 149-150).

Осенью 1920 г. Гражданская война, в основном, закончилась. Большинство ее фронтов было ликвидировано. Начался медленный переход к мирной жизни. Но активные боевые действия продолжались в 1921-1922 гг. В эти годы были подавлены многочисленные мятежи на Тамбовщине, в Сибири, на Северном Кавказе, Украине и других регионах. В ноябре 1922 г. в состав РСФСР вошла Дальневосточная республика (ДВР). Завершился длительный период войны с белым движением и японскими интервентами. Борьба с басмачеством в Средней Азии продолжалась до начала 1930-х гг. (Россия и СССР, 2001: 157). Даже в 1921–1922 гг., на завершающем этапе Гражданской войны, потери РККА были большими. Безвозвратные потери: убитые, умершие на этапах санитарной эвакуации, пропавшие без вести, не вернувшиеся из плена, погибшие в результате происшествий и несчастных случаев, покончившие жизнь самоубийством, умершие от ран и болезней в госпиталях, составили (без Народно-революционной армии ДВР) 235 020 человек. В их число не включены санитарные потери (раненные, контуженные, обожженные, заболевшие) (Россия и СССР..., 2001: 147).

Тем не менее, страна постепенно возрождалась. Начались кардинальные перемены. В истории страны наступил новый этап. В конце 1920 г. началась вторая волна демобилизации. Численность РККА за вторую половину 1921 г. сократилась на 654 805 человек (Россия и СССР..., 2001: 142). Это были мужчины в трудоспособном, репродуктивном возрасте. Доля мужского населения в деревне и городе увеличилась. Как следствие, увеличились показатели брачности. Они были выше, чем в предыдущие военные годы. В деревне и городе было много вдов, поэтому возросло число повторных браков (Жиромская, 2019: 10-11).

Окончание Гражданской войны, демобилизация армии, воссоединение семей, создание новых семей, восстановление крестьянской общины с ее регулярными земельными переделами по количеству едоков привели к стабилизации демографической ситуации и повышению уровня рождаемости. Как известно, в деревне трудовая деятельность начиналась в раннем возрасте и крестьянские семьи были экономически заинтересованы в многодетности. Наличие большого количества детей способствовало процветанию крестьянского хозяйства (Исупов, 2000: 71). Этим же объясняется желание родителей рано женить своих сыновей. Таким образом они привлекали дополнительную рабочую силу в свое хозяйство. Работящая, плодovitая молодая невестка считалась удачным и выгодным приобретением большой крестьянской семьи. Тенденция активного привлечения детей и подростков к труду, прежде всего, в сельском хозяйстве продолжалась и в последующие годы. Только уже не в личном, а общественном хозяйстве. 13 апреля 1942 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». По этому постановлению не только увеличивался обязательный минимум трудодней для взрослых трудоспособных колхозников, введенный в 1939 г., но и впервые устанавливался минимум трудодней для подростков 12-16 лет, а также

определенное количество их выработки по периодам сельскохозяйственных работ для всех членов артелей. Постановление вводило уголовную, административную и иную ответственность, вплоть до исключения из колхоза, за невыполнение обязательного минимума трудодней (Арутюнян, 1970: 85-86).

Рост рождаемости напрямую зависел от увеличения количества браков. После революции 1917 г. все дела о браке и разводе изымались из ведения церковных органов. Единственно легитимным признавался гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей гражданского состояния. При этом церковный брак де-факто существовал довольно долго.

Войны нарушили структуру полов. По Всесоюзной переписи населения 1926 г. мужчин в России было на 4,5 млн меньше, чем женщин. Их доля в составе населения равнялась 47,8 % по сравнению с 52,2 % женщин. В ряде возрастных групп, прежде всего, детородного возраста, женщины значительно преобладали, составляя от 52,4 до 61,8 % (Жиромская, 2019: 16). Дефицит мужчин на брачном рынке заставил государство признать юридическую силу за фактическими браками. Они существовали в СССР с 1927 по 1944 гг. и имели широкое распространение. Увеличение количества браков, его разные формы (светский, церковный, фактический), упрощение процедуры заключения брака привели к росту рождаемости. Россия испытывала в 1920-е гг. своеобразный демографический взрыв. Общий коэффициент рождаемости в европейской части страны ни разу не опускался ниже 44,7 %. Пик пришелся на 1925 г., когда он составил 45,0 % (Жиромская, 2019: 14). В СССР коэффициент деторождения, прежде всего, в сельской местности, где проживало 82,1 % населения страны (Всесоюзная перепись..., 1992: 20), был еще выше. С 1923 по 1928 гг. он варьировался от 45,3 до 49 %. По утверждению В. Исупова, «в советской деревне в годы нэпа был достигнут предел рождаемости, ограниченный только физиологическими возможностями женского организма» (Исупов, 2000: 72).

Несмотря на высокие коэффициенты, довоенный уровень рождаемости так и не был достигнут. Лишь на три года показатели рождаемости в середине 1920-х гг. приблизились к нему (Жиромская, 2019: 14).

3. Обсуждение и результаты

Признаками перехода к мирной жизни стали преодоление разрухи и последствий Первой мировой и Гражданской войн, интервенции, восстановление экономики, стабилизация границ, резкое увеличение производства продуктов питания, товаров первой необходимости, медикаментов. Все это вело к повышению благосостояния и росту качества жизни.

Формировалась система бесплатного государственного медицинского обеспечения. Значительно улучшилась эпидемиологическая обстановка в стране. Были побеждены пандемии и эпидемии, свирепствовавшие в годы Гражданской войны. Однако, острые инфекционные и желудочно-кишечные болезни продолжали оставаться повседневным явлением.

Решающее значение для улучшения жизни и демографической ситуации имел переход от политики «военного коммунизма» к более лояльной, гибкой по отношению к народу, прежде всего, крестьянству, новой экономической политике.

В связи с улучшением экзогенных факторов, в стране сократилась смертность. В губерниях Европейской России общий коэффициент смертности в 1925 г. понизился до 24,1 %, а в Центрально-Промышленном районе – до 22,1 % (Население России, 1, 2000: 153). Это был лучший показатель, чем в целом по СССР. В 1925 г. он составил 28,7 % (Исупов, 2000: 72). При этом уровень младенческой и детской смертности продолжал оставаться высоким. В 1924 г. на каждую 1000 родившихся умирал 191 младенец, т.е. 19%, в 1925 г. — 20 %, в 1926 г. — 17 %, в 1927г. — 19 %. Среди детей, умерших в возрасте от 1 до 4 лет, 10 % приходилось на эти относительно благополучные годы (Жиромская, 2019: 14). По СССР эти показатели были выше и составляли в 1923–1928 гг. от 18,2 до 22,9 % (Исупов, 2000: 72).

Даже в относительно благоприятный период середины 1920-х гг. на долю внешних причин смертности приходилось 2/3 всех смертей. Это говорит о массовых инфекционных заболеваниях, высоком уровне травматизма, плохих бытовых условиях и недостаточном медицинском обслуживании. Хотя, необходимо отметить, что в 1920-е гг. в охране здоровья населения России были достигнуты определенные успехи, сделаны важные шаги для реализации первого этапа эпидемиологического перехода. Приведем показатели заболеваемости населения России инфекционными болезнями в 1913 и 1928 гг. на

10.000 населения. Брюшной тиф: 24,2 и 6,7; сыпной тиф: 6,6 и 2,2; оспа натуральная: 5,2 и 0,9; корь: 31,0 и 44,8; скарлатина: 29,8 и 20,8; коклюш: 34,2 и 32,8; дифтерия: 31,0 и 5,0; дизентерия: 30,7 и 10,0; малярия: 253,0 и 206,5 (*Демографическая модернизация..., 2006: 262*). Налицо существенное снижение заболеваемости, но острые инфекционные и желудочно-кишечные болезни полностью побеждены не были.

Переход к мирной жизни, смягчение экзогенных факторов, восстановление социальной инфраструктуры, снижение общих коэффициентов смертности населения, в том числе сокращение детской смертности, превышение рождаемости над смертностью привели к увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В середине 1920-х гг. в России продолжительность жизни мужчин составила 42 года, женщин — 47 лет (*Жиромская, 2019: 14, 15; Исупов, 2000: 73*). Это было значительно ниже, чем в США, Японии и развитых странах Европы (*Демографическая модернизация..., 2006: 270-273*), но за непродолжительное время произошел серьезный подъем. В 1913 г. средняя продолжительность жизни (у мужчин и женщин) составляла 32 года (*Страна Советов, 1967: 38*), в 1920 г. — только 20,5 лет (*Исупов, 2000: 73*).

Повышение рождаемости и снижение смертности в середине 1920-х гг. не компенсировали полностью потери 1914-1922 гг. Диспропорция половой структуры и возрастных групп преодолены не были.

Глобальным следствием позитивных изменений в России стал естественный прирост населения. Рождаемость заметно превышала смертность. В годы Гражданской войны и первые годы мира численность населения России последовательно и значительно сокращалась. За 1920 г. снижение количества жителей составило 3806 тыс. человек, за 1921 г. — 1854 тыс., за 1922 г. — 1592 тыс. человек (*Поляков, 1986: 97, 98; Население России, 1, 2000: 95*). С 1924 г. начался устойчивый рост численности населения. В целом по СССР коэффициент естественного прироста населения за 1923-1928 гг. составлял от 17,9 до 20,1 %. За период нэпа ежегодное увеличение численности населения Советского Союза за счет превышения рождаемости над смертностью составляло в среднем 3 млн человек (*Исупов, 2000: 72, 73*).

17 декабря 1926 г. была проведена Всесоюзная перепись населения. Она показала, что в Советском Союзе проживало (в границах до 17 сентября 1939 г.) 147 027 915 человек. Его территория составляла 21,2 млн кв. км (*Всесоюзная перепись..., т. 17. 1929: 2*). Это было меньше, чем в Российской империи в 1913 г. (159,2 млн) и в начале 1917 г. (163 млн) (*Страна Советов..., 1967: 38; Поляков, 1986: 88*). Территориальные и людские потери в 1914-1922 гг. объясняют эту существенную разницу. Сегодня цифра в 147 млн человек подвергается критике. Некоторые исследователи считают ее заниженной из-за недоучета населения при проведении переписи. Они предлагают ее скорректировать до 148,5 млн человек (*Жиромская, 2019: 15; Исупов, 2000: 73*).

Самой большой республикой СССР являлась Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР). Ее площадь составляла 19,6 млн кв. км. В республике проживало 100 891 244 человека, или 68,6 % от общей численности населения СССР. В республике насчитывалось 1 239 городских и 489 371 сельских населенных мест. Мужчин насчитывалось 48 170 635 и женщин 52 720 609 человек. На селе проживало 82,7 %, в городе — 17,3 % населения страны. Для удобства статистического анализа во время проведения переписи населения 1926 г. вся республика была условно разделена на 19 территориально-экономических регионов. Самым большим по численности населения был Центрально-Промышленный район. Там проживало 19 314 024 человека. Иногда границы этих районов совпадали с границами административных территориальных образований (Башкирская, Крымская, Дагестанская, Казакская, Киргизская, Бурят-Монгольская, Якутская АССР, Северо-Кавказский, Сибирский, Дальневосточный края), иногда нет (*Всесоюзная перепись..., 17, 1929: 2, 3*).

Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) обладала площадью 126,8 тыс. кв. км. В республике проживало 4 983 240 человек, или 3,4 % жителей Советского Союза. Насчитывалось 115 городских и 38 316 сельских населенных мест. Мужчин насчитывалось 2 439 801 и женщин 2 543 439. На селе проживало 83 %, в городе 17 % населения страны (*Всесоюзная перепись..., 17, 1929: 2, 3*).

Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР) была второй по территории и количеству населения. Ее площадь равнялась 451,6 тыс. кв. км. В республике

проживало 29 018 187 человек, или 19,7% от населения СССР. Имелось 402 городских и 54 770 сельских населенных мест. Мужчин насчитывалось 14 094 592 и женщин 14 923 595 человек. На селе проживало 81,5%, в городе 18,5% населения. В рамках переписи 1926 г. территория республики была разделена на 6 регионов (подрайонов): Полесский, Правобережный, Левобережный, Степной, Днепропетровский, Горнопромышленный ([Всесоюзная перепись..., 17, 1929: 2, 3](#)).

Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР) занимала площадь в 185,2 тыс. кв. км. В ней проживало 5 861 529 человек, или 4,0 % населения СССР. Имелось 98 городских и 12 385 сельских административных образований. Проживало 3 009 046 мужчин и 2 852 483 женщин. На селе проживало 76 %, в городе 24,0 % населения. В состав ЗСФСР входили Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР ([Всесоюзная перепись..., 17, 1929: 2, 3](#)).

Узбекская Советская Социалистическая Республика (УзССР) занимала площадь 311,5 тыс. кв. км, там проживало 5.272.801 человек, или 3,6 % населения СССР. Имелось 55 городских и 15 338 сельских административных образований. Проживало 2 797 420 мужчин и 2 475 381 женщин. На селе насчитывалось 79,1 %, в городе 20,9 % населения ([Всесоюзная перепись..., 17, 1929: 2, 3](#)).

Туркменская Советская Социалистическая Республика (ТССР) занимала площадь 449,7 тыс. кв. км, в ней проживало 1 000 914 человек, или 0,7 % населения Советского Союза. В республике имелось 17 городских и 3 407 сельских административных единиц. Насчитывалось 531 858 мужчин и 469 056 женщин. На селе проживало 86,3 %, в городе 13,7 % населения ([Всесоюзная перепись, 17, 1929: 2, 3](#)).

Во всех союзных республиках большинство населения проживало в сельской местности, количество сельских административных образований было в разы больше, чем городских. Плотность населения была не очень высокой. Наиболее плотно населенными территориями являлись губернии европейской части РСФСР и УССР. Северные и сибирские регионы России были заселены редко. Например, в Енисейской губернии плотность населения составляла 0,5 человека на одну версту (верста = 1,138 км) ([Население России, 1, 2000: 90, 91](#)). Население союзных республик по половому признаку было сбалансировано. Только в России на 4550 тыс. (9,4 %) мужчин было меньше, чем женщин ([Всесоюзная перепись..., 17, 1929: 2](#)), что явилось следствием Первой мировой и Гражданской войн, других экзогенных явлений. Мужское население России больше пострадало от революций, войн, голода, террора, эпидемий, эмиграции.

Начиная с середины 1920-х гг. население РСФСР постоянно и динамично росло. Но темпы роста у различных этносов были неодинаковыми. Многие зависело от климатических условий проживания, доступности учреждений здравоохранения, социальной сферы в целом, распространения норм гигиены, наличия медикаментов и предметов санитарии, структуры питания, бытовых условий, количества употребления алкоголя и табака, традиций, ментальности, религиозных верований и других факторов. Качество жизни в отдаленном северном стойбище или высокогорном ауле значительно отличалось от жизни в большом городе с его цивилизационными преимуществами и доступностью социальной инфраструктуры.

Здоровье этносов, качество и продолжительность жизни их представителей были различны. Обратимся к анализу темпов роста наиболее многочисленных народов России за десять лет (1926–1937 гг.) (см. [Таблицу 1](#)).

Таблица 1. Темпы роста этносов России в 1926–1937 гг.

№ п/п	Название этноса	Количество по переписи 1926 г.	Количество по переписи 1937 г.	Прирост или убыль в%
1	Русские	74.072.096	85.361.394	+11.2
2	Украинцы	7.873.331	3.087.022	-60.8
3	Белорусы	637.634	349.214	-45.2
4	Поляки	197.827	92.078	-53.4
5	Латыши	116.601	54.493	-53.3
6	Немцы	806.301	651.429	-19.2

№ п/п	Название этноса	Количество по переписи 1926 г.	Количество по переписи 1937 г.	Прирост или убыль в%
7	Евреи, в т.ч. крымские и горские	588.719	783.471	+33.1
8	Карелы	248.030	231.464	-6.7
9	Эстонцы	150.378	89.529	-40.5
10	Коми-зыряне	226.292	259.382	+14.6
11	Коми-пермяки	149.448	121.082	-19.0
12	Вотяки (удмурты)	504.018	563.404	+11.8
13	Марийцы	428.001	398.525	-6.9
14	Мордва (мордвинь)	1.334.659	1.214.189	-9.0
15	Чуваши	1.114.813	1.115.384	+0.5
16	Татары	2.846.734	3.607.507	+26.7
17	Башкиры	712.366	752.880	+5.7
18	Калмыки	129.200	123.617	-4.3
19	Буряты и монголы	238.043	216.831	-8.9
20	Якуты	240.687	239.203	-0.6
21	Кабардинцы	139.871	150.278	+7.4
22	Чеченцы и ингуши	390.515	435.922	+11.6
23	Даргинцы	108.963	144.597	+32.7
24	Аварцы (авары)	139.664	219.288	+57.0
25	Армяне	195.410	163.277	-16.4
26	Осетины	157.348	173.260	+10.1
27	Финны и финны ленинградские	134.165	135.643	+1.1

Источник: [Всесоюзная перепись..., 9, 1929: 34, 36, 38](#); [Всесоюзная перепись..., 2007: 88-90](#)

В таблице не представлены крупные этносы — казахи, киргизы и узбеки. В состав РСФСР входили Казахская и Киргизская АССР. В 1936 г. они были выделены в самостоятельные союзные республики. По переписи 1926 г. в России насчитывалось 3 851,6 тыс. казахов, 671,9 тыс. киргизов, 324,2 тыс. узбеков. Последние проживали в Казахстане и Киргизии ([Всесоюзная перепись..., 9, 1929: 38, 74](#)).

Темпы прироста или убыли зависели от многих факторов. Прежде всего, от показателей рождаемости и смертности. Большинство крупных этносов количественно выросли, демонстрируя высокие темпы рождаемости. Русские за десять лет выросли на 11 289,3 тыс. человек, или на 11,2 %. Их численность увеличивалась в среднем на 1 128,9 тыс. в год.

Все многочисленные этносы Северного Кавказа — чеченцы, ингуши, кабардинцы, даргинцы, аварцы, осетины и др. за этот период значительно выросли — от 7,4 до 57 %. Большинство из них исповедовали ислам. Рост числа коренных жителей северокавказских республик продолжался в последующие годы ([Кропачев, 2024: 179](#)).

Активно в демографическом отношении развивались народы Поволжья: татары, башкиры, удмурты, чувашы. Несколько потеряли в темпах роста марийцы и мордва. Татары впервые за многие годы стали вторым по численности, после русских, народом в стране. Они опередили украинцев, занимавших многие десятилетия вторую строчку в пирамиде национальностей. В межпереписной период количество татар увеличилось на 26,7 %. Произошло это вследствие высоких темпов рождаемости и включения в состав татар родственных народов — бухарцев и кряшенов ([Всесоюзная перепись..., 2007: 312](#)).

Некоторые большие народы — украинцы, белорусы, поляки, латыши, немцы, эстонцы в Российской Федерации потеряли от 19,2 до 60,8 %. Прежде всего, значительно сократилась численность украинцев. Она произошла, в том числе, по причинам деукраинизации в Северо-Кавказском крае в начале 1930-х гг. По переписи 1926 г. там проживало 3 106,8 тыс. украинцев, или 37 % от общего числа жителей ([Всесоюзная перепись..., 9, 1929: 70](#)). В 1939 г. в Краснодарском крае, Ростовской области и других административных единицах Северного Кавказа — 327,0 тыс. человек ([Всесоюзная перепись..., 1992: 59, 60, 66, 68](#)). Разница составила 2,8 млн человек. После выхода из состава РСФСР Казахстана и Киргизии проживавшие там украинцы (795,6 тыс. по состоянию на 1939 г.) ([Всесоюзная перепись...,](#)

1992: 75, 78) были взяты на статистический учет в новых союзных республиках. Передача в 1928–1929 гг. из РСФСР в УССР ряда пограничных поселений Брянской и Курской губерний в незначительной степени повлияла на количество украинцев (Круглов, 2020: 98, 99, 100). Таким образом, произошло сокращение на 3,6 млн человек.

Сокращение численности этносов или отсутствие их роста в первой половине 1930-х гг. также были связаны с голодом 1932–1933 гг., депортациями и эпидемиями. От голода в СССР погибло от 7,2 до 10,8 млн человек (Население России, 1, 2000: 276). Некоторые авторы называют конкретную цифру в 7 млн человек (Исупов, 2000: 93). В РСФСР погибло от голода около 3 млн человек (Демографическая модернизация..., 2006: 411). Голод и эпидемии не спрашивали национальности. От них погибали и страдали представители всех этносов. Так, по неполным данным, от голода в Казахстане погибло 1,3 млн, в Поволжье — 0,4 млн, на Северном Кавказе — 1 млн человек (Население России, 1, 2000: 275, 276).

Эпидемии конца 1920 — начала 1930-х гг. стали следствием массовой миграции крестьян в города в условиях форсированной коллективизации, хаотичной урбанизации, голода, острого дефицита жилья и медикаментов. В 1932–1933 гг. в СССР официально было зарегистрировано более 1 млн случаев сыпного тифа, 50 тыс. заболеваний возвратным тифом, 500 тыс. — брюшным тифом, почти 6,5 млн случаев малярии (только в 1933 г.). Страну захлестнула волна желудочно-кишечных болезней, болезней органов дыхания, детских инфекций, авитаминозов. В городах свирепствовали дизентерия и туберкулез (Исупов, 2000: 85).

Еще одним экзогенным фактором, который влиял на количество населения в 1930–1940-е гг., были депортации, организованные по этническому признаку. Первые этнические чистки середины 1930-х гг. были проведены по периметру границ СССР и коснулись немцев, поляков, финнов, курдов и иранцев (персов). Они были отнесены к «пятой колонне» и коснулись народов, чьи метрополии входили в союз фашистских государств или были их фактическими или потенциальными сателлитами. Так, в апреле-мае 1935 г. из Ленинградской области и Карелии было выселено 23 217 финнов в Западную Сибирь, Урал, Казахстан и Среднюю Азию (Земсков, 2005: 78).

4. Заключение

Мы видим, что баланс воспроизводства населения зависел от экзогенных и эндогенных факторов. Экзогенные причины — голод, эпидемии, депортации, террор, изменения границ, массовые миграции, хаотичная урбанизация отрицательно влияли на темпы роста этносов. Эндогенные (гипогенные) процессы, как правило, положительно сказывались в 1920-е гг. на динамике численности населения страны. К внутренним процессам отнесем укоренившийся тип воспроизводства населения. А именно: раннее вступление в брак, многодетные патриархальные семьи, фактическое неприменение аборт, запрет разводов. Существенное влияние имел традиционный уклад жизни народов, где большое значение имели традиции, религиозные верования, институты общественного (деревенского) контроля, сакраментальная роль женщины в семье и обществе. В частности, можно установить прямую зависимость между верой, например, исламом и количественным ростом исповедующих его этносов (народы Поволжья, Северного Кавказа). Определенное значение для увеличения численности народов играло национальное самосознание, этническая солидарность, адаптационные качества. Некоторые народы, помимо восточнославянских, были представлены во всех субъектах республики (евреи, армяне, татары) и не последнее значение для их существования и развития имело то обстоятельство, насколько быстро и глубоко они смогут приспособиться к жизни в «чужом» социуме и адаптироваться к другим традициям, обычаям, языку и вере.

1920-е гг. некоторые авторы называют «эрой умиротворения» и «золотым веком» советской демографии (Исупов, 2000: 71; Демографическая модернизация..., 2006: 448–451). Это справедливо, но лишь отчасти. Этот короткий период вместил в себя огромное количество исторических событий, от окончания Гражданской войны и голода 1921–1922 гг., до начала «великого перелома». Период демографических кризисов предыдущего десятилетия (1914–1922 гг.) был преодолен. На смену политике «военного коммунизма» пришел более гибкий, лояльный нэп с элементами частной собственности, рынка, многокультурной демократии. Этноты России стабильно и поступательно развивались, росла их численность, сохранялось культурное, языковое, конфессиональное разнообразие.

К сожалению, этот короткий период сменился этапом демографических кризисов, продолжавшихся до середины XX в.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в соответствии с Планом научной работы Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН. Номер научной темы 0149-2022-0009. Номер НИОКТР 122040800034-2.

Литература

[Арутюнян, 1970](#) – *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1970. 466 с.

[Всесоюзная перепись..., 9, 1929](#) – Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. СССР, 1929. 228 с.

[Всесоюзная перепись..., 17, 1929](#) – Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. Союз Советских Социалистических Республик. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Издание ЦСУ СССР, 1929. 111 с.

[Всесоюзная перепись..., 2007](#) – Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.

[Всесоюзная перепись..., 1992](#) – Всесоюзная перепись населения 1939. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.

[Демографическая модернизация..., 2006](#) – Демографическая модернизация России. 1900–2000 гг. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

[Жиромская, 2019](#) – *Жиромская В.Б.* После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. 2-е изд. стер. М; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 200 с.

[Земсков, 2005](#) – *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.

[Исупов, 2000](#) – *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

[Кропачев, 2024](#) – *Кропачев С.А.* Этническая карта России в 1920-е годы. Историко-демографическое исследование. М.: Кучково поле, 2024. 192 с.

[Круглов, 2020](#) – *Круглов В.Н.* Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 408 с.

[Максудов, 2019](#) – *Максудов С.* Победа над деревней: Демографические потери коллективизации. М; Челябинск: Социум, 2019. 601 с.

[Мельгунов, 1990](#) – *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918–1923. М.: СП "РУИСО", "PS", 1990. 203 с.

[Население России, 1, 2000](#) – Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.

[Поляков, 1975](#) – *Поляков Ю.А.* 1921-й: победа над голодом. М.: Политиздат, 1975. 112 с.

[Поляков, 1986](#) – *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 272 с.

[Россия и СССР..., 2001](#) – Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. 608 с.

[Страна Советов..., 1967](#) – Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М.: Статистика, 1967. 351 с.

References

[Arutjunjan, 1970](#) – *Arutjunjan, Ju.V.* (1970) Sovetskoe krest'janstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Soviet Peasantry during the Great Patriotic War]. 2-e izd., dop. M.: Nauka, 466 p. [in Russian]

[Demograficheskaya modernizatsiya..., 2006](#) – Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 1900–2000 gg. [Demographic Modernization of Russia. 1900–2000]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p. [in Russian]

[Isupov, 2000](#) – *Isupov, V.A.* (2000). Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoj polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic catastrophes and crises in

Russia in the first half of the 20th century: historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf, 244 p. [in Russian]

[Kropachev, 2024](#) – *Kropachev, S.A. (2024). Etnicheskaja karta Rossii v 1920-e gody. Istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The ethnic map of Russia in the 1920s. A historical and demographic study]. M.: Kuchkovo Pole, 192 p. [in Russian]

[Kruglov, 2020](#) – *Kruglov, V.N. (2020). Organizatsija territorii Rossii v 1917–2007 gg.: idei, praktika, rezul'taty* [The organization of Russia's territory in 1917–2007: ideas, practices, and results]. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 408 p. [in Russian]

[Maksudov, 2019](#) – *Maksudov, S. (2019) Pobeda nad derevnej: Demograficheskie poteri kollektivizatsii* [The demographic losses of collectivization]. M.; Chelyabinsk: Sotsium, 601 p. [in Russian]

[Melgunov, 1990](#) – *Melgunov, S.P. (1990) Krasnyj terror v Rossii. 1918–1923* [The Red terror in Russia. 1918–1923]. M.: SP "RUIO", "PS", 203 p. [in Russian]

[Naselenie Rossii, 1, 2000](#) – *Naselenie Rossii v XX veke (2000). V 3 t. T. 1* [Population of Russia in the 20th Century. In 3 vol. Vol. 1]. M.: ROSSPEN, 463 p. [in Russian]

[Polyakov, 1986](#) – *Polyakov, Yu.A. (1986). Sovetskaja strana posle okonchanija Grazhdanskoj vojny: territorija i naselenie* [The Soviet country after the end of the Civil War: territory and population]. M.: Nauka, 272 p. [in Russian]

[Polyakov, 1975](#) – *Polyakov, Yu.A. (1975). 1921-j: pobeda nad golodom* [1921: Victory over Famine]. M.: Politizdat, 112 p. [in Russian]

[Rossija i SSSR..., 2001](#) – *Rossija i SSSR v vojnax XX veka. Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century: a statistical study]. M.: OLMA-Press, 2001. 608 p. [in Russian]

[Strana Sovetov, 1967](#) – *Strana Sovetov za 50 let. Sbornik statisticheskikh materialov* [The country of the Soviets in 50 Years. Collection of statistical materials]. M.: OLMA-Press, 1967. 608 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 17, 1929](#) – *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. (1929) T. XVII. Sojuz Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. Narodnost'. Rodnoj jazyk. Vozrast. Gramotnost'* [The All-Union population Census of 1926, vol. XVII. The Union of Soviet Socialist Republics. Nationality. Native language. Age. Literacy]. M.: Izdanie TsSU SSSR, 111 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 1992](#) – *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939. (1992) Osnovnye itogi* [All-Union Census of 1939. Main Results]. Moscow: Nauka, 256 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis', 2007](#) – *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 g. (2007) Obshhie itogi. Sbornik dokumentov i materialov* [All-Union Census of 1937. General Results. A Collection of Documents and Materials]. M.: ROSSPEN, 320 p. [in Russian]

[Vsesojuznaja perepis'..., 9, 1929](#) – *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. (1929) T. IX. Rossijskaja Sovetskaja Federativnaja Socialisticheskaja Respublika. Narodnost'. Rodnoj jazyk. Vozrast. Gramotnost'* [All-Union Census of 1926. Vol. IX. Russian Soviet Federative Socialist Republic. Nationality. Native Language. Age. Literacy]. M.: Izdanie TsSU SSSR, 228 p. [in Russian]

[Zemskov, 2005](#) – *Zemskov, V.N. (2005) Specposelency v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. M.: Nauka, 306 p. [in Russian]

[Zhiromskaya, 2019](#) – *Zhiromskaya, V.B. (2019). Posle revolyucionnyh bur': Naselenie Rossii v serevine 20-h godov* [After the revolutionary storms: the population of Russia in the Mid-1920s]. 2-e izd. ster. M.; Berlin: Direkt-Media, 200 p. [in Russian]

Динамика численности населения многонациональной России в 1920-е гг.

Сергей Александрович Кропачев ^{a, *}

^a Институт российской истории РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются итоги кризисного десятилетия (1914–1922 гг.) в истории России. В эти годы страна переживала Первую мировую и Гражданскую войну,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rektor@eipk.info (С.А. Кропачев)

революции, интервенцию, политический террор, эпидемии, голод 1921–1922 гг., изменения границ. Всё это сказалось на количестве населения, структуре полов, соотношении возрастных групп. Автор исследует позитивные тенденции в демографическом развитии страны и ее народов, которые наступили после окончания Гражданской войны, демобилизации армии, введения нэпа. В 1920-е гг. были побеждены пандемии и эпидемии, сократилась смертность, увеличилась рождаемость и продолжительность жизни. В статье раскрываются особенности демографического развития «больших» этносов России и их значение для устойчивого развития полиэтнической страны. Баланс воспроизводства населения зависел от экзогенных и эндогенных факторов. Экзогенные причины – голод, эпидемии, депортации, террор, изменение границ, массовые миграции отрицательно влияли на темпы роста этносов. Эндогенные процессы положительно сказывались на динамике численности населения. К внутренним процессам отнесем укоренившийся тип воспроизводства населения и традиционный уклад жизни народов.

Ключевые слова: 1920-е гг., демографическое развитие, смертность, рождаемость, продолжительность жизни, Россия, РСФСР, этносы.

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2025. 16(1): 70-75

DOI: 10.13187/rs.2025.1.70

<https://rs.cherkasgu.press>

From the History of One Operation of the Sochi District Police to Combat Illegal Alcohol Production in 1923

Semyon N. Gonta ^{a, *}, Manushak N. Plyakich ^a

^a Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the study of the topic of the fight against arak and its sale in the Sochi in 1923. The materials of the Sochi City Archives are used as the basis for the research in this work. The research methodology is represented by both general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, classification method) and special historical research methods (historical-genetic and narrative). The authors present the activities carried out and the results of a two-week fight against illegal alcohol in Sochi (from January 1 to January 15, 1923). It is noted that based on the results of the operation, a number of protocols were drawn up, including for repeat offenders, three of whom received real sentences. Several restaurants were also closed, and a number of fines were imposed totaling about 12 thousand rubles. It is separately noted that the cooking of illegal alcohol took place in rural areas, from where it was later delivered to the city, while the fight against illegal alcohol cooking was complicated by a number of factors.

Keywords: history of the soviet police, history of Sochi, Sochi district police, brewing arakova, fight against illegal alcohol production.

1. Введение

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время объемы борьбы органов правопорядка России с незаконным производством алкогольной продукции растут с каждым годом. Такое положение дел характерно для многих регионов страны, в том числе и южных. Исходя из этого, в данной статье видится интересным рассмотреть историю данного вопроса в городе Сочи, когда специфика такого производства была связана прежде всего с изготовлением араки и ее продаж. Научная новизна исследования заключается в том, что данная работа основана на архивных материалах и впервые освещает тему араковарения на территории города Сочи в 1920-х гг.

Цель исследования – рассмотреть и проанализировать ход и итоги двухнедельной операции по борьбе с араковарением сочинской районной милиции в январе 1923 г.

2. Материалы и методы

Методология исследования в данной работе определяется непосредственно ее темой. Авторами использованы общенаучные методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, метод классификации. Наряду с ними применялись специальные исторические методы исследования: историко-генетический и нарративный.

Историографическую основу работу составили актуальные исследования отечественных авторов, которые напрямую или косвенно касаются темы данной статьи.

* Corresponding author

E-mail addresses: rudolf.diesel.bmw@gmail.com (S.N. Gonta)

Источниковая база представлена материалами Сочинского городского архива о деятельности сочинской районной милиции за указанный период. Они вводятся в научный оборот впервые (СГА. Ф. Р–25. Оп. 1. Д. 71).

3. Обсуждение

В настоящее время российская историография содержит достаточный массив работ, которые посвящены изучению истории ранней советской милиции в 1920-х гг. В научной сфере имеются работы как историографического и источниковедческого характера (Токарева, 2020; Курсакова, 2019), так и посвященные изучению истории милиции и других правоохранительных органов в отдельных регионах России (Прохоров, 2020; Бойко, 2021; Кравец, 2017; Гонта, Плякич, 2023).

Однако история сочинской районной милиции в 1920-х гг. практически не изучена. Единственная работа по данной тематике С.Н. Гонты и К.В. Тарана рассматривает вопросы деятельности сочинской районной милиции с ноября 1922 г. по январь 1923 г. (Гонта, Таран, 2023). Также здесь стоит отметить, что в настоящее время отсутствуют какие-либо работы, посвященные изучению араковарения на территории города Сочи в 1920-х гг. Практически не изучена история араковарения рассматриваемого периода в других регионах России. Данной теме посвящена всего одна работа, выполненная на материалах Владикавказа (Царикаев и др., 2016).

Отметим, что историография развития города-курорта Сочи в конце XIX – начале XX вв. достаточно богата. Можно выделить ряд работ, которые рассматривают различные аспекты истории города. Среди таковых отметим: многочисленные работы А.А. Черкасова (Черкасов, 2011; Черкасов и др., 2020 и др.), исследования К.В. Тарана (Таран, 2012), Г.М. Романовой (Романова и др., 2023) и др. Отдельно отметим фундаментальный труд большого коллектива авторов, который посвящен истории города Сочи (Очерки истории..., 2006). Поэтому настоящая работа будет органично дополнять все вышеупомянутые исследования, вводя в научный оборот неизвестные ранее данные.

4. Результаты

Прежде чем начать непосредственное рассмотрение темы, стоит отметить, что приводимые ниже данные основаны на докладе «тройки» о проведении двухнедельника по борьбе с араковарением и торговлей аракой по городу Сочи и его району. Данная «тройка» была образована на основании постановления Кубано-Черноморского областного исполкома от 1 декабря 1922 г. № 638_29 под председательством заведующего отделом управления сочинского районного исполкома Жельвиса. Членами «тройки» стали также начальник 1-го сочинского района черноморской окружной милиции Полетыкин, начальник сочинской районной милиции и уполномоченный 2-го сочинского пограничного политотделения сочинского района Лованский.

На первом заседании «тройки», которое состоялось 30 декабря 1922 г., был объявлен двухнедельник по борьбе с араковарением и ее продажей. Время его проведения назначили с 1 по 15 января 1923 г. Обеспечить технически проведение двухнедельника было поручено начальнику милиции.

Приступив к выполнению намеченных планов, в ночь с 30 декабря 1922 г. на 1 января 1923 г. начальник милиции, при помощи нескольких сотрудников пограничного политического отделения, провел ряд обысков в городе Сочи у тех лиц, которые были замечены в торговле аракой в ресторанах, столовых и на частных квартирах. Одновременно с этим были установлены засады на дорогах, ведущих из окрестностей в город Сочи. Засады устанавливались на предмет проверки пешеходов и подводов с целью обнаружения лиц, доставляющих араку в город. В результате данных мероприятий сотрудниками «было задержано до 20 граждан с количеством араки до 10 ведер» (СГА. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 71. Л. 27).

На втором заседании «тройки», которое состоялось 5 января 1923 г., из доклада начальника милиции выяснилось, что варка араки происходит исключительно в селениях Сочинского района, но не в самом городе Сочи. Это же подтвердилось и в ходе ранее проведенной операции в ночь на 1 января 1923 г. Исходя из этих данных, «тройкой» было принято решение сформировать две группы, которые на следующий день (6 января 1923 г.) должны были отправиться в район селений Мамайка и Разбитый котел (первая группа под руководством начальника милиции) и в район селений Пластунки и Навагинки (вторая

группа под руководством уполномоченного пограничного политического отделения). Однако, когда на следующий день группы выдвинулись в места назначения, выяснилось, что «за отсутствием надлежащих средств передвижения, работа сформированных групп успеха не имела». Объяснялось это тем, что отправившиеся группы в числе 4 человек «на одноконных подводах не могли проследовать к месту назначения и вынуждены были вернуться, проделав незначительную работу по пути следования» (СГА. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 71. Л. 27). Таким образом, запланированные мероприятия успехом не увенчались.

Однако следующие засады, которые были вторично установлены на дорогах, ведущих к городу Сочи из окрестностей, в ночь с 7 на 8 января при помощи членов РКП(б), командированных районным парткомом города Сочи, уже имели определенный успех. В результате было задержано до 10 человек с количеством араки около 4 ведер.

В дальнейшем работа по борьбе с араковарением протекала исключительно на месте, то есть в самом городе Сочи. Цели были те же: обнаружение лиц, занимавшихся торговлей аракой, и задержание граждан, доставлявших араку из селений. Исключением здесь стала поездка 8 января начальника милиции в составе группы из 3 человек на один из участков примерно в 12 км от города Сочи, где ранее было обнаружено араковарение в крупном размере. Еще осенью почти все поселяне, имевшие садовые участки, занимались варкой араки. Поэтому было принято решение проверить данную местность на предмет возобновления варки араки, в рамках борьбы с араковарением. По итогам поездки отмечалось, что местные продолжают иметь запас араки и аппараты для ее варки, но для того, чтобы изъять данные запасы, была необходима не одна группа из 3 человек, а «по 20 таких групп» (СГА. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 71. Л. 27).

Объяснялось это тем, что процесс борьбы с араковарением в горах был крайне затруднительным, ввиду разбросанности участков друг от друга на большое расстояние. Особо «предприимчивое» население прятало свои запасы араки и аппараты в колючках и кустарниках на расстоянии до 2 км от жилых домов.

Таким образом, из-за отсутствия транспорта и активного препятствия населения запланированная работа «тройки» по борьбе с араковарением была проделана не полностью. Итоги двухнедельной операции «тройки» по борьбе с араковарением и ее продаж в Сочи представлены в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Итоговые данные о проведенной двухнедельной работе по борьбе с араковарением и ее продаж в Сочи (СГА. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 71. Л. 28)

№	Данные	Количество
1	Конфисковано аппаратов	7 шт.
2	Конфисковано араки	22 ведра с четвертью.
3	Задержано необандероленного вина	200 ведер.
4	Закрыто за систематическую торговлю аракой	2 ресторана.
5	Составлено протоколов на лиц, занимавшихся варкой араки, торговавших аракой и доставлявших ее из селений в город	Всего 47 протокола. Из них:
		14 протоколов направлены в нарсуд для привлечения лиц, как рецидивистов
		33 протокола направлены в отдел управления Сочинского райисполкома для наложения наказания в административном порядке
6	Составлено протоколов за провоз и торговлю необандероленным вином	11 протоколов.
7	Наложенные штрафы по протоколам	10225 р. за араку
		1500 р. за вино.
		Всего: 11725 р.

Приведем здесь некоторые итоги судебных приговоров, которые были вынесены народным судом города Сочи по 14 отправленным протоколам, составленных на рецидивистов в ходе проведенной двухнедельной операции.

По четырем протоколам были вынесены следующие приговоры:

- 1) Гражданин Лочкопьян, являвшийся владельцем ресторана «Орел», был приговорен к трем годам заключения под стражей, с конфискацией всего имущества.
- 2) Гражданин Чепеньянц, являвшийся владельцем «Народной столовой», был приговорен к полугоду заключения под стражей, с конфискацией имущества.
- 3) Гражданин Асатуров, являвшийся владельцем ресторана «4шик» (так в документе) за продажу араки был приговорен к году заключения под стражей, также с конфискацией имущества.
- 4) Гражданин Пелешенко был оштрафован на 20 рублей золотом за изготовление и продажу араки (СГА. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 71. Л. 28).

По обобщенным итогам двухнедельной операции был сделан вывод о том, что потребление араки в городе Сочи наблюдалось в незначительном количестве, как и случаи поставки араки из селений. Также отмечалось, что помимо применения репрессивных мер по отношению к араковарам и торговцам таковой, необходимо было проводить устную агитацию путем устройства митингов в наиболее населенных пунктах Сочинского района, где в большинстве случаев было зафиксировано араковарение. Таким образом, милиция, помимо применения репрессивных мер хотела убедить граждан, что «они уничтожением столь ценных продуктов, переводимых на араку, приносят вред не только Республике, но и самим себе» (СГА. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 71. Л. 28).

5. Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования можно заключить, что проведенную двухнедельную операцию по борьбе с араковарением и ее продажей в городе Сочи можно считать довольно успешной. В ходе проведения оперативных мероприятий было составлено 47 протоколов, 14 из которых на рецидивистов. Также было закрыто 2 ресторана, а общая сумма наложенных штрафов составила 11 725 рублей.

Отметим, что варкой араки в рассматриваемый период занимались именно жители соседних с городом селений, которые затем доставляли свой «продукт» в город. Однако, несмотря на общую успешность данной операции, имелись и определенные трудности в ее проведении, которые были связаны в первую очередь с транспортным обеспечением сочинской милиции. В целом, можно отметить, что именно нехватка транспорта и личного состава сказались на общих результатах проведенного двухнедельника.

Литература

Бойко, 2021 – Бойко Ю.Н. Особенности становления и развития милиции Туруханского края в 1920–1924 гг. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2021. Т. 35. С. 20-29.

Гонта, Плякич, 2023 – Гонта С.Н., Плякич М.Н. Организационное оформление и основные направления деятельности войск национальной гвардии в странах бывшего СССР: сравнительный анализ на примере России, Казахстана и Таджикистана // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 5-2(80). С. 10-17.

Гонта, Таран, 2023 – Гонта С.Н., Таран К.В. Деятельность сочинской районной милиции (ноябрь 1922 – январь 1923) // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 11-3(86). С. 15-19.

Кравец, 2017 – Кравец С.А. Организация Кубано-Черноморской областной милиции в 1920 году / *Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 20 мая 2016 года*. Краснодар: ФГКОУ ВПО "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2017. С. 281–285.

Курсакова, 2019 – Курсакова Е.Н. Рапорта сотрудников милиции как источник о фабрично-заводской промышленности Алтайской губернии в 1920-1921 гг. // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2019. № 2(37). С. 31-33.

Очерки истории..., 2006 – Очерки истории Большого Сочи: В 4 т. Т. 1. Сочи: Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, 2006. 488 с.

Прохоров, 2020 – Прохоров В.В. Формирование территориальных органов рабоче-крестьянской милиции Крыма в ноябре 1920-1921 гг. // *Евразийский юридический журнал*. 2020. № 3(142). С. 108-110.

Романова и др., 2023 – Романова Г.М., Романов С.М., Платонов А.П. Роль образования в становлении сочинского курорта: 1894-1914 годы // *Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм*. 2023. № 4(20). С. 40-49.

СГА – Сочинский городской архив.

Таран, 2012 – Таран К.В. Сочинская республика 1905–1906 гг.: мифы и реальность // *Русская старина*. 2012. № 2(6). С. 48-51.

Токарева, 2020 – Токарева С.Н. Советская рабоче-крестьянская милиция 1920-х – 1930-х годов: к историографии вопроса // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2020. № 3. С. 116-136.

Царикаев и др., 2016 – Царикаев А.Т., Синанов Б.А., Дзотцева З.Е. Пьянство и араковарение в повседневной жизни владикавказских обывателей 1920-х гг. // *Известия СОИГСИ*. 2016. № 20(59). С. 157-169.

Черкасов и др., 2020 – Черкасов А.А., Королева Л.А., Братановский С.Н. Система народного просвещения на территории Черноморской губернии в 1896-1917 гг. Часть 1 // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65, № 3. С. 750-770.

Черкасов, 2011 – Черкасов А.А. Провинциальный город Российской империи (1894–1917 гг.): проблема сохранения городского порядка (на примере города Сочи) // *Клио*. 2011. № 1(52). С. 62-67.

References

Boyko, 2021 – Boyko, Yu.N. (2021). Osobennosti stanovleniya i razvitiya milicii Turukhanskogo kraja v 1920–1924 gg [Features of the formation and development of the Turukhansk Territory police in 1920–1924]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*. 35: 20–29. [in Russian]

Gonta, Taran, 2023 – Gonta, S.N., Taran, K.V. (2023). Deyatel'nost' sochinskoj rajonnoj milicii (noyabr' 1922 – yanvar' 1923) [Activities of the Sochi district police (November 1922 – January 1923)]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 11–3(86): 15–19. [in Russian]

Gonta, Plyakich, 2023 – Gonta, S.N., Plyakich, M.N. (2023). Organizacionnoe oformlenie i osnovnye napravleniya deyatel'nosti vojsk nacional'noj gvardii v stranah byvshego SSSR: sravnitel'nyj analiz na primere Rossii, Kazahstana i Tadjikistana [Organizational design and main directions of activity of the National Guard troops in the countries of the former USSR: a comparative analysis using the examples of Russia, Kazakhstan and Tajikistan] *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 5–2(80): 10–17. [In Russian]

Kravets, 2017 – Kravets, S.A. (2017). Organizaciya Kubano-Chernomorskoj oblastnoj milicii v 1920 godu [Organization of the Kuban-Black Sea regional police in 1920]. *Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii: materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 20 maya 2016 goda*. Krasnodar: FGKOU VPO "Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federatsii", pp 281–285. [in Russian]

Kursakova, 2019 – Kursakova, E.N. (2019). Raporta sotrudnikov milicii kak istochnik o fabrichno-zavodskoj promyshlennosti Altajskoj gubernii v 1920-1921 gg. [Reports of police officers as a source about the factory industry of the Altai province in 1920–1921]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2(37): 31–33. [in Russian]

Ocherki istorii..., 2006 – Ocherki istorii Bol'shogo Sochi [Essays on the history of Greater Sochi]: V 4 t. T. 1. Sochi: Sochinskii gosudarstvennyi universitet turizma i kurortnogo dela, 2006. 488 p. [in Russian]

Prokhorov, 2020 – Prokhorov, V.V. (2020). Formirovanie territorial'nyh organov raboche-krest'yanskoj milicii Kryma v noyabre 1920-1921 gg [Formation of territorial bodies of the workers' and peasants' militia of Crimea in November 1920–1921] *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. 3(142): 108–110. [in Russian]

Romanova i dr., 2023 – Romanova, G.M., Romanov, S.M., Platonov, A.P. (2023). Rol' obrazovaniya v stanovlenii sochinskogo kurorta: 1894-1914 gody [The role of education in the development of the Sochi resort: 1894–1914]. *Professorskij zhurnal. Seriya: Rekreatsiya i turizm*. 4(20): 40–49. [in Russian]

[Taran, 2012](#) – Taran, K.V. (2012). Sochinskaya respublika 1905-1906 gg.: mify i real'nost' [Sochi Republic 1905–1906: myths and reality]. *Russkaya starina*. 2(6): 48-51. [in Russian]

[Tokareva, 2020](#) – Tokareva, S.N. (2020). Sovetskaya raboche-krest'yanskaya miliciya 1920-h – 1930-h godov: k istoriografii voprosa [Soviet workers' and peasants' militia of the 1920s – 1930s: towards the historiography of the issue]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*. 3: 116-136. [in Russian]

[Tsarikaev i dr., 2016](#) – Tsarikaev, A.T., Sinanov, B.A., Dzotceva, Z.E. (2016). P'yanstvo i arakovarenie v povsednevnoj zhizni vladikavkazskih obyvatelej 1920-h gg. [Drinking and drinking alcohol in the everyday life of Vladikavkaz residents in the 1920s] *Izvestiya SOIGSI*. 20(59): 157-169. [in Russian]

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov, A.A. (2011). Provincial'nyj gorod Rossijskoj imperii (1894-1917 gg.): problema sohraneniya gorodskogo poryadka (na primere goroda Sochi) [Provincial city of the Russian Empire (1894-1917): the problem of maintaining urban order (using the example of the city of Sochi)] *Klio*. 1(52): 62-67. [in Russian]

[Cherkasov i dr., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskij, S.N. (2020). Sistema narodnogo prosveshcheniya na territorii CHernomorskoj gubernii v 1896–1917 gg. Chast' 1 [The system of public education on the territory of the Black Sea province in 1896–1917. Part 1]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 65(3): 750-770. [in Russian]

[SGA](#) – Sochinskiy gorodskoi arkhiv [Sochi city archive]

Из истории одной операции сочинской районной милиции по борьбе с араковарением в 1923 г.

Семен Николаевич Гонта ^{a, *}, Манушак Назаретовна Плякич ^a

^a Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена изучению темы борьбы с аракой и ее продажи на территории города Сочи в 1923 г. В качестве основы исследования в данной работе используются материалы Сочинского городского архива. Методология исследования представлена как общенаучными (анализ, синтез, индукция, дедукция, метод классификации), так и специальными историческими методами исследования (историко-генетический и нарративный). Авторами приводятся проведенные мероприятия и результаты двухнедельной борьбы с араковарением в Сочи (с 1 по 15 января 1923 г.). Отмечается, что по результатам проведенной операции был составлен ряд протоколов, в том числе и на рецидивистов, трое из которых получили реальные сроки. Также было закрыто несколько ресторанов, наложен ряд штрафов на общую сумму около 12 тыс. рублей. Отдельно отмечается, что варка араки происходила в сельской местности, откуда позднее доставлялась в город, при этом борьба с араковарением осложнялась рядом факторов.

Ключевые слова: история советской милиции, история Сочи, сочинская районная милиция, араковарение, борьба с незаконным производством алкоголя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rudolf.diesel.bmw@gmail.com (С.Н. Гонта)

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2025. 16(1): 76-97

DOI: 10.13187/rs.2025.1.76

<https://rs.cherkasgu.press>

System Analysis in the Reconstruction of Rotaprint Images of Typewritten Text: Using the Example of Orders for the Distribution of the Fleet of the Kamlesosplav Trust, 1939–1948

Nicholas W. Mitiukov ^{a,*}, Yury L. Kim ^b

^a Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Udmurt State University, Russian Federation

Abstract

In rotaprint images, the greatest problems are related to the identification of numbers. Unclearly printed alphabetic characters are usually identified by meaning, which is not the case for numbers. Based on the example of the analysis of rotaprinted bulletins of the “Kamlesosplav” trust from the period 1939–1948, the following identification technique is proposed. At the first stage, the numbers available in the document are grouped: firstly, numbers are identified whose reading there is no doubt about, secondly, in the reading of which there are several alternative options, and thirdly, unreadable numbers. At the second stage, the presence of any of the alternative numbers later in the document is determined. If it is available, it is crossed out from the list of alternatives. Finally, at the third stage, an analysis of earlier or later documents is carried out, due to the fact that individual boats worked in a particular farm for several years.

Based on this methodology, the identification of boat numbers in orders for the distribution of the fleet of the period 1939–1948 was carried out, the resulting numbers were summarized in a table. Analysis of these data made it possible to assert that despite the fairly serious mobilization of vessels from timber rafting farms in other regions (primarily northern rivers), the mobilization of the vessel personnel of the “Kamlesosplav” trust was carried out to an extremely limited extent. Most likely, ships from the Astrakhan, Stalingrad and Saratov agencies were involved in combat missions, as they found themselves directly in the area of combat operations on the Lower Volga. On the other hand, throughout the war years there has been an increase in the number of vessels in the trust's fleet: compared to 1939 in the middle of the war, approximately one and a half times, and during the post-war restoration of the national economy, more than twice. In particular, judging by the reference book by S.S. Berezhnoi, at least five decommissioned and disarmed minesweepers were transferred to the trust.

Thus, the reconstructed data allows us to establish that “Kamlesosplav” during the Great Patriotic War solved the important strategic task of providing forests and forest materials to the farms of the lower Volga, including the needs of the front. Because of this, the transfer of trust vessels to other farms was carried out in extremely limited quantities. And vice versa, “Kamlesosplav” itself accepted former mobilized ships from other farms.

Keywords: analysis of sources, method of reconstructing text symbols, “Kamlesosplav” trust, water transport, Great Patriotic War.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

1. Введение

Множительная техника 1930–1940-х гг. не могла передавать полутона. В связи с этим при копировании любой документ переводился в растровое изображение. Объектом исследования данной работы стала идентификация символов в ротапринтных копиях машинописного текста. Основная проблема заключается в том, что символ в печатных машинках наносится на бумагу в результате удара чеканящей головки о барабан. При этом, если между ними имеется даже небольшой перекося, цвет буквы получается неравномерный. Это не имеет большого значения, если производится печать одного экземпляра. Практиковалась также печать копий через копирку. В этом случае ударяемая поверхность получалась достаточно мягкая, и буква печаталась более-менее равномерно, как на первой, так и на последующих копиях. В практике советских организаций циркулярные сообщения (письма или приказы) обычно множились с помощью ротапринта, оригинал изображения которого представлял первый и единственный экземпляр машинописной печати.

Обычно при чтении ротапринтных изображений идет распознавание обычных текстов, в которых отдельные непропечатанные символы часто угадываются по смыслу и не влияют на их понимание в целом. Однако, когда идет о цифрах, информация может существенно искажаться. В анализируемых бюллетенях с приказами о распределении флота треста «Камлесосплав» имевшиеся катера имели двухзначные номера, потому их прямая идентификация по смыслу исключена. В связи с этим предложена следующая методика идентификации. На первом этапе производится группировка имеющихся в документе номеров: выделяются, во-первых, номера, в чтении которых не возникает сомнений, во-вторых, в чтении которых имеется несколько альтернативных вариантов, в-третьих, нечитаемые цифры. На втором этапе определяется, присутствуют ли какие-то из альтернативных номеров далее в документе. И если имеется какой-то номер, он вычеркивается из списка альтернатив. Наконец, на третьем этапе производится анализ более ранних или более поздних документов, в связи с тем, что отдельные катера работали в каком-то конкретном хозяйстве по несколько лет.

2. Материалы и методы

Бюллетени с анализируемыми приказами о распределении флота треста «Камлесосплав» хранятся в Управлении по делам архивов Администрации города Саранска (СГА). Все бюллетени копировались на ротапринте и циркулярно рассылались по структурным подразделениям треста. Вероятно, тираж составлял больше двух десятков экземпляров. Анализируемые приказы представляют собой копии, в которых отдельные номера судов частично не читаются или не пропечатаны. В связи с этим основным методом стал системный анализ, предполагающий, что состав флота отдельных рейдов меняется медленнее, чем издаются приказы о распределении флота. В связи с этим, если отдельные символы в приказе оказались не читаемы, то номера этих катеров возможно идентифицировать на основании приказов будущего или прошедшего года.

3. Обсуждение

Существует обширная литература о распознавании символов на ротапринтных изображениях. Настоящую революцию в этой области принесли системы оптического распознавания символов (OCR). Это дало возможность применения сложных алгоритмов. Основными проблемами их применения сейчас является точность, скорость и масштабируемость (Маслов, 2023). И если последние два имеют значение в системах оптического ввода, то для анализа печатных источников на первое место выходит точность распознавания. Как правило, на нее большое значение оказывает качество изображения, точность сегментации символов и, как следствие, точность выделения и распознавания признаков символов (Маслов, 2023). Имеется множество алгоритмов выделения и распознавания символов, наиболее востребованные из которых основаны на методе наименьших квадратов (Ветров, 2024), использовании марковских цепей (Юрьев, 2010) и др. Существенный прогресс в этом вопросе наметился с внедрением нейронных сетей (Пшеничкин и др., 2018), так что в настоящее время распознавание без элементов искусственного интеллекта практически уже не используется. Но, как правило, все эти методы предполагают, что имеется связный текст, и тогда неточность распознавания отдельных символов не важна для понимания всего текста в целом.

Распознавание табличных цифровых данных в этом смысле намного сложнее. Поэтому обучение нейронных сетей для решения этой задачи, как правило, осуществляется по каким-то локальным особенностям шрифтов. Обычно проводится обсуждение распознавания серии документов, напечатанных одинаковым шрифтом. Как показал обзор литературы, распознавание серии документов, напечатанных разным шрифтом, но объединенных общей структурой, каковыми являются бюллетени «Камлесосплава», пока не производилось.

4. Результаты Приказ 1948 г.

План расстановки паромоторного флота и план его работы в навигацию 1948 г. представляет собой приложение № 16 к приказу по тресту № 86 от 22 апреля 1948 г. (Рисунок 1). Приказ отпечатан ротационным способом на кальке, из-за чего внесенные чернильные дополнения отпечатались как на следующей, так и на предыдущей странице. Это в первую очередь относится к автографам секретаря, заверившего копию приказа. Флот Сарапульского рейда подчеркнут. Очевидно, это было уже сделано на самом рейде, чтобы пометить место приказа, относящееся к данному хозяйству. Особенность шрифта послевоенных приказов, в том числе 1948 г., заключается в том, что цифры «3» и «5» в них имеют хорошо различимые нижние части: у цифры «3» она округлая, а у «5» – вытянутая, опускающаяся ниже строки расположения цифр. Эта закономерность оказывается очень полезной при нечеткой пропечатке верхней части цифр.

Распределение флота на навигацию 1948 г. было следующим:

Лоинская сплавная контора: № 113, 138, 139, 140, 7 (5 – 424 л.с.); разъездные: № 114, 115, 116 (3 – 110 л.с.).

П л а н									
Распределение паромоторного флота и план его работы в навигацию 1948 г.									
Паромоторный флот, паромоторы, буксирные									
Разъездные катера									
Итого									
№ катера	№ двигателя	№ двигателя	№ двигателя	№ двигателя	№ двигателя	№ двигателя	№ двигателя	№ двигателя	№ двигателя
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Лоинская сплавная контора									
113, 138, 139, 140, 7	424	45	474	113, 115, 116	110	8	304		
89, 54, 40, 134	342	150	832	94, 75, 38	123	7	407		
89, 75, 52, 36, 42, 121	110	2301	89, 53	100	8	50			
117, 134, 135, 131	276	175	8520	116, 91	60	5	83		
66, 69, 102, 111, 112, 122, 123, 124, 125	1139	912	21607	20, 72	60	16	129		
105, 106, 14, 15, 63, 81, 10, 47, 100, 101, 102	1149	1505	37456	50, 6	100	16	1349		
11, 100, 119, 99	217	221	3012	21	50	5	207		
10, 81, 10, 82, 20, 20, 10, 130	250	100	10000	24, 34	7	10	62		
Сарапульский флот									
108, 45, 120	210	426	4894	76	50	4	200		
108, 45, 120	210	426	4894	76	50	4	200		
108, 45, 120	210	426	4894	76	50	4	200		
108, 45, 120	210	426	4894	76	50	4	200		
108, 45, 120	210	426	4894	76	50	4	200		
108, 45, 120	210	426	4894	76	50	4	200		
108, 45, 120	210	426	4894	76	50	4	200		
108, 45, 120	210	426	4894	76	50	4	200		
108, 45, 120	210	426	4894	76	50	4	200		
108, 45, 120	210	426	4894	76	50	4	200		

Рис. 1. План расстановки флота в навигации 1948 г. (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 187. Л. 79-80)

Верхнекамская сплавная контора: № 80, 54, 40, 134 (4 – 342 л.с.), разъездные: 94, 75, 42 (3 – 125 л.с.). Номер последнего катера явно перебит – на первой позиции совмещены

цифры «4» и «3» («42» или «32»). Однако, поскольку № 32 достаточно четко пропечатан в составе Керчевского рейда, здесь явно имелся в виду № 42.

Керчевский рейд: 18, 73, 32, 36, 46, 127 (6 – 442 л.с.); разъездные: 39, 83 (2 – 100 л.с.).

Усть-Язьвинский рейд: 117, 124, 125, 131 (4 – 276 л.с.); разъездные: 118, 81 (2 – 60 л.с.).

В номере «118» не пропечатана последняя цифра, она подписана синими чернилами, рядом стоит подпись «Теменев», придавая легитимность исправлению.

Рябининский рейд: 66, 69, 102, 11X, 111, 135, 112, 87, 88, 122, 123, 128, 129 (13 – 1159 л.с.); разъездные: 26, 72 (2 – 80 л.с.). В номере 135 цифра «5» имеет не пропечатанную верхнюю часть, однако характерный «хвостик» внизу позволяет идентифицировать ее именно цифру как «5», а не «3». Еще один номер отпечатан как «11» с пробелом после цифры. Однако катер № 11 был в Орлинском рейде, поэтому уместно предположить, что, как и в случае с Усть-Язьвинским рейдом, место оставлено для уточнения. Поскольку все другие позиции номеров «11X» заняты, получается, что это № 110.

Тюлькинский рейд: 103, 106, 14, 15, 63, 81, 79, 47, 53, 92, 95, 98, 136, 137 (14 – 1149 л.с.); разъездные: 5X, 6 (2 – 100 л.с.). Первый номер разъездного катера представляет совмещение цифр «56» и «57». Но № 56 четко пропечатан в Транзитной конторе, из чего можно сделать вывод, что тут именно № 57.

Орлинский рейд: 11, 100, 119, 99 (4 – 217 л.с.); разъездные № 21 (50 л.с.).

Иньвенский рейд: 30, 31, 68, 82, 34, 60, 86, 130 (8 – 550 л.с.); разъездные: 24, 74 (2 – 75 л.с.).

Обвинский рейд: № 108, 43, 120 (3 – 210 л.с.); разъездные: № 76 (50 л.с.).

Такелажная контора: пароход «Красный сплавщик», № 13, пароход «Коломна», № 3, 121, пароход «Кама», сам[оходная баржа?] «Сырка» (7 – 956 л.с.); разъездные: 4, 78 (2 – 180 л.с.).

Камский комбинат: 29, 5, 25, 107, 89, 85 (6 – 463 л.с.); разъездные: № 77 (50 л.с.). Номер «5» имеет непропечатанную верхнюю часть, но характерная нижняя часть позволяет ее идентифицировать как «5», а не как «3».

ЦРМ (Центральные ремонтные мастерские?): № 8 (40 л.с.), разъездной № 48 (50 л.с.).

Новоильинский рейд: «Лермонтов», 9, 10, 71, 84 (5 – 329 л.с.); разъездные: 19, 52 (2 – 68 л.с.).

Нытвенская судоверфь: 20 (18 л.с.).

Осинский рейд: X7, 70 (2 – 102 л.с.); разъездные: 35, 22 (2 – 80 л.с.). Первый номер – это «37» с не пропечатанной центральной частью. Имеющиеся число можно идентифицировать как «37» или «87», но № 87 в Рябининском рейде, так что это № 37.

Сарапульский рейд: 17, 58, «Комсомолец» (3 – 145 л.с.); разъездные: «Пионер» и № 44 (2 – 80 л.с.).

Транзитная контора (очевидно, в более ранних приказах включала в себя Куйбышевское, Саратовское, Сталинградское и Астраханское агентства): 90, 126, 132, 55, 49, 133, 50, 2, 97, 59, «Киев», 62, 65, 45, 56 (15 – 1183 л.с.); разъездные: 16, 33, «Пограничник», 51, «Дозор», 28, 67 (7 – 204 л.с.). Часть цифр («3» или «5») снова не пропечатана в центральной части, идентификация произведена по нижней части цифры. При печати разъездных катеров, первый номер наложился на окончание названия хозяйства. Первая цифра имеет вертикальную линию, что позволяет ее идентифицировать лишь с цифрой «1», поскольку линия в цифре «7» в данном шрифте наклонена. В связи с этим, первый номер может быть только «16». Название катера с собственным именем не пропечатано, достоверно идентифицируется лишь первая буква «Д» и последняя «Р», таким образом, получается «Дозор» (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 187. Л. 79-80).

Приказ 1947 г.

План расстановки паромоторного флота и план работы его на навигацию 1947 г. (Рисунок 2) – приложение № 16 к приказу по тресту № 80 от 22 апреля 1947 г. Он представляет собой бумагу формата А4, отпечатан тем же шрифтом, что и приказ 1948 г. При печати на каждом листе отпечатались оттиск соседнего листа. Некоторые буквы, особенной «Й» не пропечатались.

The image shows two pages of a handwritten document, likely a fleet deployment plan for 1947. The left page is headed 'Л. 99' and the right page is headed 'Л. 99об'. Both pages contain tables with columns for unit names, engine power, speed, and other technical specifications. The handwriting is in Cyrillic and appears to be from a Soviet-era document.

Рис. 2. План расстановки флота в 1947 г. (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173. Л. 99-99об)

Лоинская сплавная контора: № ?, 113 (60 л.с.); разъездные: № 114, 115, 116 (3 – 110 л.с.). Перед цифрой «113» в приказе стоит непонятный символ, который можно идентифицировать как цифру «1», перебитую на «7» или наоборот. Кроме того, он может означать просто «№», поскольку после него нет запятой, используемую в приказе для разделения номеров. В 1948 г. в конторе имелось три новых катера № 138, 139, 140 с двигателями по 120 л.с., что дает в сумме 360 л.с. и, таким образом, на № 113 и 7 приходится 62 л.с. Это указывает на то, что в 1947 г. в конторе имелось два катера, а поскольку № 1 находился в Транзитной конторе, это явно № 7, как и в навигации 1948 г.

Верхнекамская сплавная контора: № 80, 54, 40 (3 – 222 л.с.), разъездные: 93, 94, 75, 42 (4 – 150 л.с.).

Керчевский рейд: 18, 73, 32, 46, 36 (5 – 322 л.с.); разъездные: 96, 41, 39, 83 (4 – 150 л.с.). Номер «83» представляет собой напечатанный «73», в котором чернилами «7» исправлено на «8».

Усть-Язьвинский рейд: «26 прим», «1 прим» (2 – 117 л.с.). Из приказа не понятно, что означает приписка «прим», тем более что примечание к списку отсутствует. Возможно, речь может идти о только что принятых от другого хозяйства катерах, номер которых изменить еще не успели. Тогда получается не «прим», а «прин».

Рябининский рейд: 66, 69, 102, 104, 105, 109, 110, 111, 112, 87, 88 (11 – 708 л.с.); разъездные: 26, 38 (2 – 80 л.с.).

Тюлькинский рейд: 103, 106, 14, 15, 63, 81, 79, 47, 53, 92, 95, 98 (12 – 909 л.с.); разъездные: 57, 6 (2 – 100 л.с.).

Орлинский рейд: 11, 100, 99 (9 – 97 л.с.); разъездной № 21 (50 л.с.).

Иньвенский рейд: 30, 31, 68, 82, 34, 101, 60, 86 (8 – 502 л.с.); разъездные: 24, 74 (2 – 75 л.с.).

Обвинский рейд: № 108, 43 (2 – 90 л.с.); разъездной № 76 (50 л.с.).

Такелажная контора: пароходы «Красный сплавщик», «Кама», «Коломна», № 13, 3, 85 (6 – 963 л.с.); разъездные: 4, 78 (2 – 180 л.с.). Возможно, в конторе имеется еще один катер, номер которого пришелся на срез документа. Перед цифрой «85» стоит запятая, хотя она начинается с новой строки. Но сравнение мощностей пароходов и судов за 1947 и 1948 гг. показывает, что, возможно, это просто опечатка, и никакого катера больше нет.

Нытвенская судоверфь: 56 (50 л.с.); разъездной № 22 (50 л.с.).

Камский комбинат: 29, 5, 25, 107, 23, 89 (5 – 415 л.с.); разъездной № 77 (50 л.с.).

ЦРМ (Центральные ремонтные мастерские?): № 8 (40 л.с.), разъездной № 48 (50 л.с.).

Новоильинский рейд: «Лермонтов», 9, 10, 20, 71, 84 (6 – 347 л.с.); разъездные: 19, 12, 72, 52 (4 – 143 л.с.).

Осинский рейд: 37, 70 (2 – 102 л.с.); разъездные: 35, 91 (2 – 80 л.с.).

Сарапульский рейд: 17, 58, «Комсомолец» (3 – 140 л.с.); разъездные: «Пионер» и № 44 (2 – 80 л.с.).

Транзитно-транспортная контора: «Ураган», 90, 55, 49, 50, 2, 59, 97, 62, 65, 45 (11 – 714 л.с.); разъездные: 16, 1, 33, «Пограничник», 51, «Дозор», 28, 64, 67 (9 – 246 л.с.) (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173. Л. 99–99 об).

Приказ 1946 г.

План расстановки паромоторного флота по ремонтным базам треста «Камлесосплав» в зиму 1946–47 г. представлял собой приложение к приказу № 224 от 8 августа 1946 г. (Рисунок 3). План отпечатан на серой бумаге формата А4, тем же шрифтом, что и ранее рассмотренные. Поскольку при печати краска не успевала высохнуть, на листах отпечаталось зеркальное изображение предыдущего листа. В данном документе, по-видимому листы при этом неоднократно перекладывали, поэтому предыдущий лист отпечатался многократно, в некоторых местах переходя в грязный фон.

Ремонтная база и место зимовки	№ паромотора	Наименование паромотора	Мощность л.с.	Состояние
Ильинский р-д	101	Ильинский р-д	60	60%
7. Татевский	81	Татевский р-д	50	100%
8. Косовский	5	Косовский р-д	20	100%
9. И. Р. д.	8	И. Р. д.	10	100%
10. Илья - завод	1	Илья - завод	10	100%
11. Новороссийский	30	Новороссийский р-д	10	100%
12. Осинский р-д	37	Осинский р-д	70	100%
13. Сарапульский р-д	17	Сарапульский р-д	10	100%
14. Соколовское аг-во	16	Соколовское аг-во	10	100%
15. Кузнецовское	90	Кузнецовское аг-во	10	100%
16. Ураган	90	Ураган	10	100%

138

- 3 -

Ремонтная база	№ катера	Принадлежит	Вид ремонта	Стоимость ремонта
16. Саратовское аг-во г. Саратов.	55	Саратовск. аг-во	Текущ.	10.000
	49	"	Капит.	12.000
	Пограничник	"	Текущ.	7.000
17. Сталинградск. аг-во г. Сталинград.	2	Сталингр. аг-во	Текущ.	16.000
	30	"	Капит.	26.000
	59	"	Капит.	14.000
	61	"	Текущ.	8.000
	Дозор	"	"	7.000
	28	"	Капит.	12.000
18. Астрахань	62	Астраханск. аг-во	Текущ.	12.000
	64	"	"	7.000
	65	"	"	5.000
	67	"	"	5.000
	45	"	"	15.000

ПРИМЕЧАНИЕ: Катера № 78, 46 Керчевского рейда, № 47, 14 15 Тюлькинских рейда, № 100 Ординского рейда, 71 Ново-Ильинского рейда должны быть поставлены на ремонт и проследить всех экипажей по подходе первого сентября 1946 г. и должны быть в технической готовности на подходе первого октября 1946 г., после чего должны быть направлены на зимний отстой в Харинский затон.

7000
7000
10000

Главный Инженер Треста
Камлесоплав

Злобин

жир. 21 экв.

Рис. 3. Приказ о ремонте флота 1947 г. (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173. Л. 137-138)

В Харинском затоне стояли катера Верхнекамской сплавной конторы: 80, 93, 94, 75, 78, 40, 54.

В Керчевских ремонтно-механических мастерских – суда Керчевского рейда: 73, 96, 41, 18, 32, 46, 36, 39, а также Вишерской сплавной конторы № 26 и 38.

В Тюлькинских ремонтно-механических мастерских стояли суда Тюлькинских рейда: 103, 14, 106, 63, 15, 79, 81, 47, 57, 53, 83, 47.

На Орлинском рейде (село Орел) зимовали катера № 11, 100, 99, 21.

На Обвинском рейде (село Слудка) зимовали катера № 43, 27, 108, 76.

На Иньвенском рейде – 30, 34, 68, 82, 24, 74, 101, 60.

В Такелажно-транспортной конторе (г. Молотов) – № 31, 56, 3, 13, 4, 78, «Коломна», «Кама», «Красный сплавщик», № 7.

В Камском лесоперерабатывающем комбинате (г. Молотов) – № 5, 29, 107, 77, «Колхозница», 25, 23. Цифра «7» в номере «107» перебита с «6», но учитывая, что далее в хозяйстве фигурирует именно № 107, а № 106 находится на Тюлькинском рейде, сомнений с идентификацией номера не возникает.

ЦРМ (г. Молотов) – № 8. Номер второго катера пропущен. Скорее всего, это только что полученный № 48, еще не успевший получить номера.

В затоне Нытвы текущий ремонт проходил катер местной судовой верфи. Номер его не указан. Учитывая, что, скорее всего это был чужой катер (в 1947 и 1948 гг. на верфи находились разные суда), идентифицировать его номер не представляется возможным.

На Новоильинском рейде зимовали № 20, 72, 9, 10, 71, 12, 19, 52.

На Осинском рейде (г. Оса) – 37, 70, 35, 91.

На Сарапульском рейде (г. Сарапул) – 17, «Пионер», «Комсомолец», 58.

В Сокольском агентстве – № 16.

В Куйбышевском агентстве – 90, 1, «Ураган», 33.

В Саратовском агентстве – 55, 49, «Пограничник».

В Сталинградском агентстве – 2, 50, 59, 61, «Дозор», 28.

В Астраханском агентстве – 62, 64, 65, 67, 45 (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173. Л. 137-138).

1945 г.

Приказы о распределении флота за 1945 г. в фондах отсутствуют, но имеется ряд ценных дополнений за этот год. Так приказом № 43 от 21 марта 1945 г. переводились в состав Усть-Косинского и Шуминского сплавных участков Верхнекамской сплавной конторы следующие катера: Керчевский рейд: № 46, № 32. Тюлькинский рейд: № 15, № 103, № 14, № 106, № 81. Иньвенский: № 68. Обвинский: № 72, № 108. Камский лесокombинат: № 107. Такелажно-транспортная контора: «Красный сплавщик». Новоильинский рейд: № 10, № 20, № 71. Орлинский рейд: № 100. Верхнекамская сплавная контора: № 94, № 80, № 93, № X1 (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 96. Л. 12).

Практически все суда далее продолжают числиться в этих же организациях. Исключение составляет № 72, далее фигурирующий у Верхнекамской конторы. Возможно, в отличие от других судов, его передали не временно, а постоянно. Тем более что это разбездной катер, скорее всего полуглиссер. Еще один номер у катера Верхнекамской сплавной конторы расплывается. Более всего цифра походит на «81» или «91». Но № 81 уже используется на Тюлькинском рейде.

Приказом № 69 от 29 апреля 1945 г. ввиду того, что часть катеров, пополнивших флот треста за годы войны, дублируют существующие номера судов, а некоторые названия устарели и не отвечают эксплуатационным условиям, переименовывались следующие суда. № 16 в № 99 (Орлинский рейд, 10 л.с., нефть). «Вишхимз» в «Кама» (Такелажно-транспортная контора, 300 л.с., мазут, дрова). «Ижорец» в № 13 (Такелажно-транспортная контора, 100 л.с., нефть). № 70 в № 22 (Куйбышевское агентство, 30 л.с., керосин). № 45-б в № 55 (Саратовское агентство, 52 л.с., керосин). № 3 в № 60 (Сталинградское агентство, 120 л.с., нефть). № 51-б в № 61 (Сталинградское агентство, 30 л.с., керосин). № 429 в № 62 (Астраханское агентство, 35 л.с., чурка). № 37-б в № 69 (Астраханское агентство, 52 л.с., керосин) (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 96. Л. 27).

№ 99 (б. № 16) далее так и фигурирует среди судов Орлинского рейда, как «Кама» и № 13 среди судов Такелажно-транспортной конторы. Катера № 22 (б. № 70), № 55 (б. 45-б), № 60 (б. № 3), № 69 (б. 37-б), очевидно, были списаны вскоре после этого, поскольку в 1946 г. в тресте работают новые суда с этими номерами. Катер № 62 далее продолжает работать в Астраханском агентстве, из чего можно предположить, что № 429 это, скорее всего, стапельный номер.

Приказ № 52 от 3 апреля 1945 г. в план эксплуатации не включаются следующие суда: № 39 (51 л.с.), «Кренкель» (30 л.с.), № 70 (30 л.с.), № 37-б (52 л.с.) вследствие передачи освобожденным районам; № 54 (25 л.с.) вследствие передачи Камлесострою; № 101 (25 л.с.), «Чепца» (30 л.с.), № 66 (25 л.с.), № 84 (25 л.с.) вследствие износа подлежащие списанию; № 7 (65 л.с.) находящийся на реконструкции; № 3 (120 л.с.) ввиду сдачи в долгосрочную аренду за восстановительных ремонт. В этом же документе значится, что на этот момент на Сарапульском рейде имелись катера № 17 (25 л.с.) и «Пионер» (30 л.с.) (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 96. Л. 86).

Суда «Кренкель» и «Чепца» в списках Камлесосплава более не фигурируют. № 39, 54, 101, 66, 84 практически сразу же снова появляются в списках, что может свидетельствовать о приобретении новых катеров с этими же номерами. № 70, 37, 3 в этом же году получили другие катера, у которых произошла смена номера. Поэтому, скорее всего, № 3 в Камлесосплав так и не вернулся. Поскольку № 7 далее числится в Такелажно-транспортной конторе, можно предположить, что там его и реконструировали.

В соответствии с инвентаризационной ведомостью на 1 октября 1945 г. Сарапульский рейд владел катерами № 33 (двигатель ХТЗ 52 л.с.), № 54 (СТЗ – 30 л.с.), № 17 (СТЗ – 30 л.с.), «Пионер» (ХТЗ – 30 л.с.) (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 103. Л. 41).

№ 33, по-видимому, вскоре после этого списан, поскольку в тресте появился другой катер с этим же номером из нового судостроения. № 54, как видно из предыдущего приказа, передан Камлесострою. И только № 17 и «Пионер» находятся в строю Сарапульского рейда и дальше.

6 апреля 1946 г. приказом № 63 Сарапульскому рейду надлежало принять от Сарапульского лесокombината «Главспецдревпрома» катер «Комсомолец» и полуглиссер

типа НКЛ-27 (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 134. Л. 65). Полуглиссер явно получил № 44. Оба судна далее несколько лет числятся на балансе Сарапульского рейда.

Приказ 1944 г.

План расстановки собственного мототрота по предприятиям на 1944 г. появился как приложение № 14 к приказу № 98 от 20 апреля 1944 г. Сохранность текста приказа в деле очень низкая – он печатался на бумаге формата А5, которая сгибалась посередине. Из-за этого на месте сгиба печатные символы не видны. К счастью, сгиб перекрывает номера судов лишь на обороте листа. Кроме того, поскольку документ представлял собой ротапринтную копию, некоторые цифры заплыли и с трудом поддаются идентификации. Можно лишь с уверенностью заключить, что печатная машинка, на которой отпечатан текст, и использовавшаяся с 1946 г. – разные.

П Л А Н
Расстановки собственного мототрота по предприятиям на 1944 г.

Приказ № 98 от 20/4-44 г. № 98
Составлен от 20/4-44 г. № 98

Наименование предприятия	Наименование моторов с номером	К-во	Мощность	На какой период распределяется.
Добрянский завод	№ 35, 55	2	50	Передан на завод
Т.О.К.	№ 106, 12, 63	3	167	С октября по декабрь по 31 мая
Череповецкий ЗИП	№ 101	1	52	На все предприятие
Вязовский ЗИП	№ 94	1	85	" "
Новотроицкий ЗИП	Колхозники	1	25	" "
Горьковский	№ 85, 86	2	120	Передан на завод
Вязовский завод	№ 30, 92, 39, 75	4	170	На все предприятие
" "	№ 31, 32, 78, 8, 71, 10, 108	12	302	С октября по декабрь
Сарепинский завод	№ 32, 46, 14, 100, 100	5	241	На все предприятие
" "	№ 55, 13, 26, 41, 29	5	185	С 2/VI до конца ноября
" "	№ 35, 46, 73	3	75	На все предприятие
Вязовский завод	№ 26, 88	2	205	" "
Вязовский завод	№ 79, 47, 21, 57	4	334	С 2/VI до конца ноября
" "	№ 14, 15, 103, 106, 63, 81	6	97	На все предприятие
Вязовский завод	№ 11, 18, 100	3	254	С 2/VI до конца ноября
Вязовский завод	№ 24, 74, 56, 51, 54, 30	6	52	На все предприятие
" "	№ 52	1	125	С 5/VI до конца ноября
" "	№ 27, 48, 76	3	65	На все предприятие
" "	№ 108	1	324	С 5/VI до конца ноября
Вязовский завод	№ 25, 5, 89, 25, 107, 77	6	40	На все предприятие
" "	" "	1	147	С 5/VI до конца ноября
Вязовский завод	№ 9, 12, 12, 73, 30	5	101	С 5/VI до конца ноября
" "	№ 10, 71	2	100	С 20/VI до 30/VI
" "	" Правый спидер "	1		

Наименование предприятия	Наименование моторов с номером	К-во	Мощность	На какой период распределяется.
Вязовский завод	№ 13, 25, 91, 70	5	176	На все предприятие
Вязовский завод	№ 17, 54 " Циклоп "	3	85	" "
" "	" Кр. спидер "	1	100	С октября по декабрь по 31 мая
Вязовский завод	№ 3, 12, " Новинка "	4	306	На все предприятие
" "	" Вязовский " Кр. спидер "	2	200	С 10/VI до конца ноября
" "	Вязовский № 3	1	820	С 15/VI до конца ноября
Вязовский завод	№ 16	1	30	На все предприятие
Вязовский завод	№ 20, 100, Кр. спидер, Угрюм	6	232	" "
Вязовский завод	Вязовский	6	193	" "
Вязовский завод	№ 45, 14, 49, 49, 49, 49, 49	5	228	" "
Вязовский завод	Вязовский	5	125	" "

Генерал-майор Г.С. (подпись)

Верно: *Ген*

Рис. 4. Распределение флота на 1944 г. (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 96. Л. 58-58об.)

Лозовской конторе Кирлеса: передаются на баланс № 35, 56 (2 – 50 л.с.), еще три катера № 106, 15, 63 (3 – 167) передавались с открытия навигации до 31 мая.

Чердынский ЛПТ (Лесопромышленный техникум?): № 101 (52 л.с.).

Ганевский (?) ЛПТ: № 94 (25 л.с.).

Молотовский ЛПТ: «Колхозница» (25 л.с.).

Горлесосплаву передавались на баланс № 85 и 86 (2 – 120 л.с.). В данном случае, речь идет о передаче судов в другой трест. В 1946 г. Камлесосплав принял два новых катера, которым присвоили эти номера.

Верхнекамская контора: № Хо, 93, Х4, 75 (4 – 170 л.с.) на всю навигацию, № Х1, 82, 73, 8, 71, 10, 108, 32, 46, 14, 103, «Ижорец» (12 – 709 л.с.) с открытия навигации (по конец мая – начало июня). Первый номер «80» практически совпадает с «30». Аналогично по Иньвенскому рейду, там тоже эти цифры практически идентичны. Понятно, что катер с одним номером был в одном хозяйстве, а с другим – в другом. Проблема усугубляется тем, что в 1943 г. катер № 30 половину навигации отработал в одном хозяйстве, а потом в другом. Но, скорее всего, № 30 относится в Иньвенскому рейду, а № 80 к Верхнекамской конторе, поскольку далее эти катера работали именно в данных хозяйствах. Номер «84» практически совпадает с «34», но это именно № 84, который был у конторы в 1943 г., а кроме того, № 34 имеется на Иньвенском рейде. Из катеров, имеющих лишь в начале навигации, первая цифра снова идентифицируется как «31» или «81». Но катер № 31 имеется у Иньвенского рейда на всю навигацию, а вот № 81 на вторую половину навигации закреплен за Тюлькинским рейдом. Таким образом, это явно № 81.

Керчевский рейд: № 36, 18, 96, 41, 39 (5 – 241 л.с.) на всю навигацию, № 32, 46, 73 (3 – 185 л.с.) со 2 июня до конца навигации.

Вишерская контора: № 26, 33 (2 – 75 л.с.).

Тюлькинский рейд: № 79, 47, 21, 57 (4 – 205) на всю навигацию, № 14, 15, 103, 106, 63, 81 (6 – 334) со 2 июня до конца навигации.

Орлинский рейд: № 11, 13, 100 (3 – 97 л.с.).

Иньвинский рейд: № 24, 74, 68, 31, 34, 30 (6 – 254 л.с.) на всю навигацию, № Х2 (52 л.с.) со 2 июня до конца навигации. Номер катера со 2 июня до конца навигации похож на «82» и «32». Но № 32 уже имелся на Керчевском рейде, он же числился за этим рейдом в 1943 г. и в 1946 г. В то время, как № 82 и в 1943 г., и в 1946 г. связан с Иньвенским рейдом. Таким образом, наиболее вероятен № 82.

Обвинский рейд: № 27, 43, 76 (3 – 125 л.с.) на всю навигацию, № 108 (65 л.с.) с 5 июня до конца навигации.

Комбинат: № 29, 5, 89, 25, 107, 77 (6 – 324 л.с.) на всю навигацию, № Х (40 л.с.) с 5 июня до конца навигации. Цифра «8» не пропечаталась и очень напоминает «3». Однако, это не № 3, поскольку тот на всю навигацию закреплен за Такелажно-Транспортной конторой. А вот № 8, наоборот, на начало навигации (до конца мая – начала июня) закреплен за Верхнекамской конторой.

Новоильинский рейд: № 9, 19, 12, 72, 20 (5 – 147 л.с.) на всю навигацию, № 10, 71 (2 – 101 л.с.) с 5 июня до конца навигации, «Красный сплавщик» (100 л.с.) с 20 мая по 10 июня.

Осинский рейд: № 3Х, 83 (?), 91, 70 (4 – 176 л.с.). В первом номере четко пропечатались лишь цифра «3», а вторая цифра номера и идущий за ней второй номер попали под сгиб. Если учесть, что в 1943 г. на рейде имелся катер № 37, то первая цифра очень на него похожа. Аналогично, возможно, попавший под сгиб номер – 83.

Сарапульский рейд: № 17, 54, «Пионер» (3 – 86 л.с.) на всю навигацию, «Красный сплавщик» с открытия навигации до 20 мая.

Такелажно-транспортная контора: 3, Х, 28 (?), «Коломна» (4 – 306 л.с.) на всю навигацию, «Ижорец» и «Красный сплавщик» (2 – 200 л.с.) с 10 июня до конца навигации, «Вишхимз № 3» (320 л.с.) с 15 июля до конца навигации. Номер между «3» и «28» попал под сгиб листа. Но по расстоянию можно установить, что он состоял из одного символа, а, кроме того, сохранилась вертикальная линия, что позволяет достаточно уверенно идентифицировать ее как «4», тем более что судно с этим номером имеется в конторе ранее и позднее. Номер «28» также не пропечатан. Первая цифра напоминает как «3», так и «8», вторая – «3» или «8». Но это, скорее всего, «28», как в прошлом году.

Сокольское агентство: № 16 (30 л.с.).

Куйбышевское агентство: № 90, 1, 70 (2-й ?), «Кренкель», «Ураган», «Лермонтов» (6 – 232 л.с.). В агентстве от второго номера четко пропечатана лишь цифра «1». Скорее всего, за ним через небольшой пробел идет запятая, тем более что № 1 имеется в приказе 1943 г. Далее за ним еще один номер пропечатался плохо, но в нем вполне угадывается № 70. С одной стороны, такой номер уже имеется на Осинском рейде, но с другой – катер № 70 Осинского рейда есть и в 1943 г., и в 1947 г. и далее. Но имеется приказ о переименовании катера № 70 Куйбышевского агентства в № 22. Это позволяет предположить, что в тресте одновременно имелось два катера с этим номером.

Саратовское агентство: № 45, XX, 49, «Чепца», «Пограничник» (5 – 192 л.с.). В агентстве указаны № 45 и 49. Номер катера между ними не пропечатался. Но по аналогии с приказом 1943 г. можно предположить, что это был № 48.

Сталинградское агентство: «Дозор», X, 50, 59, 44, 5X (5 – 228 л.с.). Одна цифра между «Дозор» и № 50 полностью затерлась (попала на сгиб бумаги), но наличие места между ними позволяет утверждать, что она все-таки была. Скорее всего, утерянная цифра – это «2», тем более что судно с этим номером было в агентстве и до, и после. Перед цифрой «50» явно имеется пробел, так что, если учесть, что там же должна стоять запятая, один регистр в этом номере выглядит очень похожим. Последняя цифра одинаково походит и на «51» и на «52». Но это явно «51», поскольку в 1945 г. катер № 51 Сталинградского агентства был переименован в № 61.

Астраханское агентство: 66, 67, 55, 64, 65 (6 – 125 л.с.). Номер, выпадающий из серии «6X», скорее всего «55». По крайней мере, вторая цифра однозначно идентифицируется как «5». Первая цифра имеет следы «перебивки». Скорее всего, составитель изначально напечатал «65», но потом исправил первую цифру. Она также походит на «45», но № 45 однозначно идентифицируется в Саратовском агентстве, тем более что в впоследствии его перенумеровали в № 55, возможно, после списания № 55 Астраханского агентства, который упомянут в этом приказе (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 96. Л. 58–58 об).

Приказ 1943 г.

Приказ № 68 от 27 марта 1943 г. отпечатан типографским способом в виде брошюры формата А6. На страницах 22-23 дается План распределения паромотофлота и долгосрочно арендованных пароходов в навигацию 1943 года, представляющий собой приложение № 11 к приказу. Все номера судов в документе четко пропечатаны, за исключением катера Иньвенского рейда (Рисунок 5).

Список пароходов и паромов		Всего в отряде пароходов до 12 31		Всего в отряде паромов до 12 31		Всего в отряде пароходов и паромов до 12 31	
Наименование	Тоннаж	Наименование	Тоннаж	Наименование	Тоннаж	Наименование	Тоннаж
В-Катер	3,00, 67, 45	АМЗ	12, 40, 61, 16	120	120	120	120
В-Катер	36, 38	1219	12, 40, 61, 16	120	120	120	120
Катер	45, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100	1219	12, 40, 61, 16	120	120	120	120
Топовый	87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100	1219	12, 40, 61, 16	120	120	120	120
Средний	101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120	1219	12, 40, 61, 16	120	120	120	120
Маленький	121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140	1219	12, 40, 61, 16	120	120	120	120
Общий	141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160	1219	12, 40, 61, 16	120	120	120	120
Катер	161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180	1219	12, 40, 61, 16	120	120	120	120
Н-Катер	181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200	1219	12, 40, 61, 16	120	120	120	120
Общий	201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220	1219	12, 40, 61, 16	120	120	120	120

Рис. 5. Распределение судов в навигацию 1943 г. (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 83. Л. 101об.-102)

Верхнекамская контора: № 3, 80, 84, 75, 93 (5 – 221 л.с.), кроме того, до 15 июня за конторой закреплялись: № 32, 46, 41, 14, 15, 103, 104, 106, 81, 63, 11, 30, 31, 73, 108, 8, 9, 10, «Ижорец» (19 – 981 л.с.).

Вишерская контора: 26, 38 (2 – 75 л.с.).

Керчевский рейд: 46, 87, 18, 32, 92, 96, 41, 94, 39, 101, 7 (11 – 538 л.с.).

Тюлькинский рейд: 57, 36, 79, 47, 21, 15, 14, 63, 103, 104, 106, 81 (12 – 641 л.с.).

Орлинский рейд: 100, 11, 23, 85 (4 – 157 л.с.).

Иньвенский рейд: 108, 34, 82, 43, 55, 24, 30, 31, 74 (8 – 365 л.с.).

Обвинский рейд: 108, 83, 43, 55, 27, 76 (6 – 230 л.с.).

Камский комбинат: 22, 107, 54, 56, 8, 25, 77, 29, 5, 86, 89 (11 – 526 л.с.).

Ново-Ильинский рейд: 71, 12, 10, 20, 90, 13, 9, 72 (8 – 398 л.с.).

Осинский рейд: 37, 40, 70, 35, 91 (5 – 217). До 16 июня также закреплялся пароход «Красный сплавщик» (100 л.с.).

Такелажно-транспортная контора: «Красный сплавщик», «Кооператор», «Коломна», «Узола», «Ижорец», № 4, 28, 17 (8 – 646 л.с.).

Сарапульский рейд: «Пионер», «Колхозница», № 33 (3 – 95 л.с.), до 15 июня – «Кооператор» (115 л.с.).

Сокольское агентство: 16 (25 л.с.).

Куйбышевское агентство: 69, 88, «Горьлес», 42, 44, 1 (6 – 236 л.с.).

Саратовское агентство: 45, 49, 48 (3 – 120 л.с.).

Сталинградское агентство: 2, 59, «Спартак» (3 – 254 л.с.).

Астраханское агентство: 64, 65, 66, 67 (4 – 73 л.с.) (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 83. Л. 101 об.-102).

№ 43, 55 и 108 повторяются два раза в Иньвенском и Обвинском рейдах. Скорее всего, суда работали там по половине навигации, как это указано для ряда судов, что они используются, например, «до 15 июня». Но, возможно, в тресте имелись катера с двойной нумерацией. Цифра, напоминающая «108» в Иньвенском рейде не пропечатана, отсутствует средняя часть, но расстояние между цифрами похожими на «1» и «8» такое, как будто между ними есть дополнительная число. Поскольку катеров с номерами «11X» или «12X» в тресте в указанный период еще не было, можно сделать вывод, что отсутствующая цифра — это «0» (катер № 108). Но тогда получается, что судно с этим номером упоминается в приказе трижды. Однако обращает внимание, что катер № 73 закреплялся за Верхнекамской конторой лишь до 16 июня, после чего он пропадает. В связи с этим, вероятно, предположение, что в Иньвенском рейде под непропечатанной цифрой имелась в виду «73».

1940–1942 гг.

Приказом № 70 от 20 апреля 1942 г. из состава флота выводились в отстой для переоборудования в газогенераторные к 15 июля следующие катера. Керчевский рейд: № 46, 60, 61, 63, 36, 104, 103, 7, 21, 41, 98 (11 шт.). Орлинский рейд: № 17, 100, 105 (3 шт.). Иньвенский рейд: № 43 (1 шт.). Камский лесоперевалочный комбинат: № 107, 108, 2, 70, 102, «Колхозница», № 40, 88 (8 шт.). Ново-Ильинский рейд: № 71 (1 шт.). Такелажно-транспортная контора: «Горьлес», № 22, 3, 16, 33 (5 шт.). Осинский рейд: № 37 (1 шт.). Куйбышевское агентство: № 69 (1 шт.) (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 61. Л. 27).

Приказ отпечатан на листе А4, все символы четко пропечатаны.

Приказом № 165 от 31 июля 1942 г. приказывалось вывести в отстой для проведения реконструкции 31 катер суммарной мощностью 1408 л.с. Цель реконструкции состояла в переводе на газогенераторные установки. Приказ представляет собой лист формата А4 альбомной ориентации, все суда сведены в таблицу. Поскольку номера всех катеров в хозяйствах повторяются дважды (выведенный в отстой для реконструкции или остающийся в работе), идентификация их номеров довольно проста.

Верхнекамская контора: № 80, 84, 41, 93, 75 (5 – 205 л.с.), выводятся № 84 и 75 (2 – 80 л.с.).

Керчевский рейд: № 47, 21, 106, 81, 39, 57, 36, 103, 96, 46, 98, 94, 14, 15, 95, 92, 104, 18, 79, 63, 7, 32, 101 (23 – 1155 л.с.), выводятся № 106, 39, 101, 104, 94, 7, 96 (7 – 326 л.с.)

Вишерская сплавная контора: № 26, 38 (2 – 80 л.с.) – остаются.

Орлинский рейд: № 11, 23, 87, 100, 85, 17 (6 – 239 л.с.), выводятся № 100, 85, 17 (3 – 142 л.с.).

Иньвенский рейд: № 71 (или 73), 30, 31, 34, 24, 82, 68, 74 (8 – 386 л.с.), выводятся № 34, 24, 74 (3 – 132 л.с.). В списке допущена опечатка. Катер № 71 показан в общем списке судов, а № 73 – в списке судов, продолжающих работы. У Ново-Ильинского рейда наоборот: № 73 в общем списке судов, а № 71 в списке судов, продолжающих работу. Скорее всего, № 71 это катер Ново-Ильинского рейда, поскольку он далее закреплен за этим рейдом, а № 73 – Иньвенский, он далее каждый год передается новому хозяйству.

Обвинский рейд: № 27, 43, 55, 83, 99, 76, «Ижорец» (7 – 342 л.с.), выводятся № 43, 83, 76 (3 – 110 л.с.).

Камский перевалочный комбинат: № 22, 25, 29, 5, 102, 56, 54, 77, 8, 59, 90, 107, 89, 86, «Колхозница» (15 – 766 л.с.), выводятся № 56, 90, 107, 89, 86, «Колхозница» (6 – 284 л.с.).

Такелажно-транспортная контора: № 13, 4, 28, 3, 108, «Коломна», «Кооператор», «Красный сплавщик», «Узола» (9 – 681 л.с.), выводятся № 13, 3 (2 – 90 л.с.).

Ново-Ильинский рейд: № 9, 10, 19, 20, 73 (или 71), 97, 12, 72 (8 – 305 л.с.), выводятся: № 97, 12 (2 – 82 л.с.).

Осинский рейд: № 35, 37, 40, 91, 70 (5 – 244 л.с.), выводятся № 91, 70, 37 (3 – 162 л.с.).

Сарапульская контора: № 33 (52 л.с.) – остается.

Сокольское агентство: № 16 (30 л.с.) – остается (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 60. Л. 27).

Как видно, список генераторных катеров по обоим приказам частично дополняется. В частности, скорее всего, отсутствующие в приказе № 165 катера, на которые предполагалось поставить генераторы по приказу № 70, к августу 1942 г. находились на реконструкции. Катер № 16 к августу 1942 г. уже прошел переоборудование на Такелажно-транспортной конторе и убыл к месту своей постоянной работы в Сокольском агентстве. Аналогично № 22 убыл на Камский комбинат, а № 33 – на Сарапульский рейд.

Камский комбинат произвел переоборудование № 40, ушедший на Осинский рейд, а № 108 в Такелажно-транспортную контору. Керчевский рейд переоборудовал № 41, ушедший на Верхнекамскую контору. Новоильинский рейд переоборудовал № 71 для Иньвенского рейда. № 43 был предназначен к переоборудованию на Иньвенском рейде, где, скорее всего, не оказалось нужных мощностей и его пришлось для этих работ отправить на Обвинский рейд. Аналогично № 70, предназначенный к переоборудованию на Камском комбинате ушел на Осинский рейд.

Интересны также следующие приказы. Катера Керчевского рейда № 15, 14 и 36 переоборудовать, установить газогенераторные установки. Катера № 28 и 38 ввиду ветхости корпусов не ремонтировать, а оформить актом и списать с баланса Адищевского и Сокольского агентства. Двигатели отремонтировать и держать как резервные (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 10. Л. 87). 5 апреля 1940 г. катер № 36 в связи с невысылкой ЦНИИЛесосплавом газогенераторной установки Ш-6, приказано использовать на жидком топливе (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 18. Л. 33).

Приказ 1939 г.

План-график ремонта моторного и парового флота по предприятиям треста «Камлесосплав» в зиму 1939-1940 г. вышел как приложение к приказу № 403 от 22 декабря 1939 г. Документ представляет собой несколько страниц формата А4 альбомной ориентации, на которых приведена таблица (Рисунок 6). В ней дается планирование объема ремонта в процентах по декадам на пять месяцев (с ноября по март). Наибольший интерес имеют первая колонка, где приведены номера катеров, и третья, где указан характер ремонта (капитальный – КР, текущий – ТР, средний СР). Часть информации не пропечатана, особенно первый лист документа, посвященный Такелажно-транспортной конторе. Также, как и на ранее рассмотренных документах, на страницах имеются отиски в зеркальном отображении соседних листов из-за невысохшей краски.

89

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19		
№ 55	Осва	текущ	-	5	10	20	30	40	45	50	55	60	65	70	75	80	85	90	95	100
Средний % по рейду:	5	10	20	30	40	45	50	55	60	65	70	75	80	85	90	95	100			
Одесский район																				
№ 33	Осва	текущ	-	5	15	35	45	55	65	70	75	80	85	90	95	100	-			
Ново-Кавказский район																				
№ 12	В-Мильн	тек.	-	5	15	35	45	55	65	70	75	80	85	90	95	100	-			
Саратовская область																				
№ 37	Сарат.	текущ	-	5	15	35	45	55	65	70	75	80	85	90	95	100	-			
Средний % по рейду:	5	15	35	45	55	65	70	75	80	85	90	95	100							
Кубанское агентство																				
№ 42	Кубан.	текущ	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	75	80	90	95	100	-		
№ 44	"	"	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	75	80	90	95	100	-		
№ 46	"	"	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	75	80	90	95	100	-		
№ 48	"	"	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	75	80	90	95	100	-		
Средний % по рейду:	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	75	80	90	95	100			
Саратовское агентство																				
№ 45	Сарат.	текущ	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	75	80	90	95	100	-		
№ 47	"	"	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	75	80	90	95	100	-		
№ 49	"	"	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	75	80	90	95	100	-		
Средний % по рейду:	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	75	80	90	95	100			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Одесское агентство																	
м/к № 50	Одесс.	текущ	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
№ 51	"	"	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
№ 52	"	"	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
п/теплоход	"	"	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
№ 53	"	"	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
м/к № 58	Одесс.	капит.	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
Средний % по рейду:	-	-	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
Астраханское аг-во																	
м/к № 64	Астрах.	текущ	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
№ 65	"	"	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
№ 66	"	"	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
№ 67	"	"	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
Средний % по рейду:	-	-	-	-	-	-	-	-	10	20	30	40	50	60	70	80	90
Средний % по рейду:	5	10	20	30	40	45	50	55	60	65	70	75	80	85	90	95	100

Примечание: х) 5 % на опробование двигателя и механизмов на воде.
хх) По мотораме № 58 Одесского агентства срок окончания ремонта устанавливается 15 апреля 1940 г.

ПЕЧАТЬ ТРЕСТА (ОДНН)
ЗАЧ-К ГРУППЫ МЕ. АНТИАРИИ (СМЕРЛОВ)
№ 59 с/н Берто с/н. Д. Д. Д.

Рис. 6. Распределение флота в навигацию 1939 г. (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 10. Л. 89-90)

Номера судов на первом листе различаются с трудом, но их реконструкцию существенно упрощает расположение номеров в порядке возрастания. Для Такелажно-транспортной конторы это справедливо до катера № 59, после которого в скобках напечатано «Профинтерн», из чего можно понять, что это бывшее название, переданного тресту катера. Ниже идут номера, похожие на «33» и «4». Но № 33 уже был помещен ранее в той же конторе, поэтому в данном случае это явно «38». Кроме того, у номера «31» не пропечатана вторая цифра. Но поскольку номера идут в порядке возрастания, это явно «31», а не «32», т.к. не пропечатать вторую намного сложнее. Номер «4» явно однорегистровый, а не двух, т.к. он стоит строго под второй цифрой предыдущего номера. И, таким образом, реконструированный список получается следующий.

В Такелажно-транспортной конторе состояли суда, зимующие в Перми: № 1 (КР), № 8 (ТР), № 10 (КР), № 13 (ТР), № 25 (ТР), № 29 (ТР), № 30 (КР), № 31 (ТР), № 33 (ТР), № 34 (ТР), № 40 (КР), № 54 (КР), № 56 (КР), № 59 «Профинтерн» (СР), № 38 (СР), № 4 (ТР), ПХ «Коломна» (ТР).

Керчевский рейд (Керчево): № 14 (КР), № 15 (КР), № 17 (ТР), № 19 (СР), № 20 (ТР), № 21 (ТР), № 26 (ТР), № 32 (ТР), № 36 (ТР), № 41 (КР), № 43 (КР), № 46 (ТР).

Верхнекамская сплавная контора (Харино): № 6 (ТР), № 7 (ТР).

Орлинский рейд (Орел): № 11 (ТР), № 16 (СР), № 23 (СР).

Иньвинский рейд (Иньва): № 24 (ТР).

Обвинский рейд (Обва): № 22 (СР), № 27 (ТР), № 55 (ТР).

Осинский рейд (Оса): № 37 (ТР).

Новоильинский рейд (Новоильинское): № 12 (ТР).

Сарапульская сплавная контора (Сарапул): № 2 (ТР), № 3 (ТР), № 57 (ТР).

Куйбышевское агентство (Куйбышев): № 42 (ТР), № 44 (ТР), № 69 (ТР), № 70 (ТР).

Саратовское агентство (Саратов): № 45 (ТР), № 47 (ТР), № 48 (ТР), № 49 (ТР).

Сталинградское агентство (Сталинград): № 50 (ТР), № 51 (ТР), № 52 (ТР), № 53 (ТР), № 58 (КР).

Астраханское агентство (Астрахань): № 64 (ТР), № 65 (ТР), № 66 (ТР), № 67 (ТР). (СГА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 10. Л. 89-90).

Анализ получающегося списка распределения флота

Таким образом, произведено завершение реконструкции номеров катеров Камлесосплава в приказах, покрывающих период за десять лет с 1939 г. по 1948 г. Хотя за несколько лет приказы пропущены (1940, 1941, 1945 гг.), это не меняет сути реконструкции и дает вполне наглядную картину эволюции состава флота треста. Более подробно этот вопрос нами рассматривался ранее (Митюков, Ким, 2023).

Таблица 1. Состав флота треста «Камлесосплав» по структурным подразделениям в 1939–1948 гг.

Наименование	1939 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
№ 1	ТТК		КА	КА	Р	КА	ТК	
№ 2	СР	КК Г	СтА	СтА		СтА	ТК	ТК
№ 3	СР	ТТК Г	ВКК	ТТК	* № 60 СтА	ТТК	ТТК	ТТК
№ 4	ТТК	ТТК	ТТК	ТТК	Р	ТТК	ТТК	ТТК
№ 5		КК	КК	КК		КК	КК	КК
№ 6	ВКК				Р	П ТР	ТР	ТР
№ 7	ВКК	КР Г	КР		**	ТТК	ЛК	ЛК
№ 8	ТТК	КК	ВКК, КК	ВКК, КК		ЦРМ	ЦРМ	ЦРМ
№ 9		НР	ВКК, НР	НР		НР	НР	НР
№ 10	ТТК	НР	ВКК, НР	ВКК, НР	НР	НР	НР	НР
№ 11	ОрР	ОрР	ВКК, ОрР	ОрР		ОрР	ОрР	ОрР
№ 12	НР	НР Г	НР	НР	Р	НР	НР	
№ 13	ТТК	ТТК Г	НР	ОрР	б. Ижо- рец ТТК	ТТК	ТТК	ТТК
№ 14	КР Г	КР	ВКК, ТР	ВКК, ТР	ТР	ТР	ТР	ТР
№ 15	КР Г	КР	ВКК, ТР	ЛК, ТР	ТР	ТР	ТР	ТР
№ 16	ОрР	ТТК Г СоА	СоА	СоА	Р	СоА	ТК	ТК
№ 17	КР	ОрР Г	ТТК	СР	СР	СР	СР	СР
№ 18		КР	КР	КР		КР	КР	КР
№ 19	КР	НР		НР	Р	НР	НР	НР
№ 20	КР	НР	НР	НР	НР	НР	НР	НС
№ 21	КР	КР Г	ТР	ТР	Р	П ОрР	ОрР	ОрР
№ 22	ОбР	ТТК Г	КК		Р б. № 70	П НС	НС	ОсР

Наименование	1939 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
		КК			КА			
№ 23	ОрР	ОрР	ОрР			КК	КК	
№ 24	ИР	ИР Г	ИР	ИР	Р	ИР	ИР	ИР
№ 25	ТТК	КК	КК	КК		КК	КК	КК
№ 26	КР	ВК	ВК	ВК	Р	ВК	РР	РР
№ 27	ОБР	ОБР	ОБР	ОБР		ОБР		
№ 28	Сп.	ТТК	ТТК	ТТК	Р	СтА	ТК	ТК
№ 29	ТТК	КК	КК	КК		КК	КК	КК
№ 30	ТТК	ИР	ВКК, ИР	ИР		ИР	ИР	ИР
№ 31	ТТК	ИР	ВКК, ИР	ИР		ТТК	ИР	ИР
№ 32	КР	КР	ВКК, КР	ВКК, КР	КР	КР	КР	КР
№ 33	ТТК	ТТК Г СР	СР	ВК	Р СР	П КА	ТК	ТК
№ 34	ТТК	ИР Г	ИР	ИР		ИР	ИР	ИР
№ 35		ОсР	ОсР	ЛР	Р	ОсР	ОсР	ОсР
№ 36	КР	КР Г	ТР	КР		КР	КР	КР
№ 37	ОсР	ОсР Г	ОсР	ОсР	Сп. № 69 АА	ОсР	ОсР	ОсР
№ 38	ТТК, Сп.	ВК	ВК		Р	ВК	РР	
№ 39		КР Г	КР	КР	Сп. Р	КР	КР	КР
№ 40	ТТК	КК Г ОсР	ОсР			ВКК	ВКК	ВКК
№ 41	КР	КР Г ВКК	ВКК, КР	КР	Р	КР	КР	
№ 42	КА		КА		Р	П ВКК	ВКК	ВКК
№ 43	КР	ИР Г ОБР Г	ИР, ОБР	ОБР		ОБР	ОБР	ОБР
№ 44	КА		КА	СтА	Р	СР	СР	СР
№ 45	СаА		СаА	СаА	№ 55 СаА	АА	ТК	ТК
№ 46	КР	КР Г	ВКК, КР	ВКК, КР	КР	КР	КР	КР
№ 47	СаА	КР	ТР	ТР		ТР	ТР	ТР
№ 48	СаА		СаА	СаА	Р	П СтА	ЦРМ	ЦРМ
№ 49	СаА		СаА	СаА		СаА	ТК	ТК
№ 50	СтА			СтА		СтА	ТК	ТК
№ 51	СтА			СтА	№ 61 СтА Р		ТК	ТК
№ 52	СтА				Р	П ИР	ИР	ИР
№ 53	СтА					П ТР	ТР	ТР
№ 54	ТТК	КК	КК	СР	Сп.	П ТР, ВКК	ВКК	ВКК
№ 55	ОБР	ОБР	ИР, ОБР	АА		СаА	ТК	ТК
№ 56	ТТК	КК Г	КК	ЛК		П ТТК	НС	ТК
№ 57	СР	КР	ТР	ТР	Р	ТР	ТР	ТР
№ 58	СтА					П СР	СР	СР
№ 59 «Профинтерн»	ТТК	КК	СтА	СтА		СтА	ТК	ТК
№ 60		КР Г			б. №3 СтА	П ИР	ИР	ИР
№ 61		КР Г			б. 51 СтА	СтА		
№ 62					б. 429 АА	АА	ТК	ТК
№ 63		КР Г	ВКК, ТР	ЛК, ТР		ТР	ТР	ТР
№ 64	АА		АА	АА	Р	АА	ТК	
№ 65	АА		АА	АА		АА	ТК	ТК

Наименование	1939 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
№ 66	АА		АА	АА	Сп.		РР	РР
№ 67	АА		АА	АА	Р	АА	ТК	ТК
№ 68		ИР		ИР	ИР	ИР	ИР	ИР
№ 69	КА	КА Г	КА		б. № 37 АА		РР	РР
№ 70	КА	КК Г ОсР Г	ОсР	ОсР		ОсР	ОсР	ОсР
№ 70				КА	№ 22 КА Сп.			
№ 71		НР Г ИР	НР	ВКК, НР	НР	НР	НР	НР
№ 72		НР	НР	НР	Р ОБР	НР	НР	РР
№ 73		НР	ВКК, ?	ВКК, КР		КР	КР	КР
№ 74		ИР Г	ИР	ИР	Р	ИР	ИР	ИР
№ 75		ВКК Г	ВКК	ВКК	Р	ВКК	ВКК	ВКК
№ 76		ОБР Г	ОБР	ОБР	Р	ОБР	ОБР	ОБР
№ 77		КК	КК	КК	Р	КК	КК	КК
№ 78					Р	ТТК	ТТК	ТТК
№ 79		КР	ТР	ТР		ТР	ТР	ТР
№ 80		ВКК	ВКК	ВКК	ВКК	ВКК	ВКК	ВКК
№ 81		КР	ВКК, ТР	ВКК, ТР	ТР	ТР	ТР	ТР
№ 82		ИР	ИР	ВКК, ИР		ИР	ИР	ИР
№ 83		ОБР Г	ОБР	ОсР (?)	Р	ТР	КР	КР
№ 84		ВКК Г	ВКК	ВКК	Сп.	П НР	НР	НР
№ 85		ОрР Г	ОрР	Сп.		П ТТК	ТТК	КК
№ 86		КК Г	КК	Сп.		П ИР	ИР	ИР
№ 87		ОрР	КР			П ВК	РР	РР
№ 88		КК Г	КА			П ВК	РР	РР
№ 89		КК Г	КК	КК		П ВК	КК	КК
№ 90		КК Г	НР	КА		КА	ТК	ТК
№ 91		ОсР Г	ОсР	ОсР	Р ВКК	ОсР	ОсР	УЯР
№ 92		КР	КР			П ТР	ТР	ТР
№ 93		ВКК	ВКК	ВКК	Р ВКК	ВКК	ВКК	
№ 94		КР Г	КР	ЛПТ	Р ВКК	ВКК	ВКК	ВКК
№ 95		КР				П ТР	ТР	ТР
№ 96		КР Г	КР	КР	Р	КР	КР	
№ 97		НР Г					ТК	ТК
№ 98		КР Г				П ТР	ТР	ТР
№ 99		ОБР			б. № 16 ОрР	ОрР	ОрР	ОрР
№ 100		ОрР Г	ОрР	ОрР	ОрР	ОрР	ОрР	ОрР
№ 101		КР Г	КР	ЛПТ	Сп.	ИР	ИР	
№ 102		КК Г					РР	РР
№ 103		КР Г	ВКК, ТР	ВКК, ТР	ТР	ТР	ТР	ТР
№ 104		КР Г	ВКК, ТР				РР	
№ 105		ОрР Г					РР	
№ 106		КР Г	ВКК, ТР	ЛК, ТР	ТР	ТР	ТР	ТР
№ 107		КК Г	КК	КК	КК	КК	КК	КК
№ 108		КК Г ТТК	ВКК, ОБР	ВКК, ОБР	ОБР	ОБР	ОБР	ОБР
№ 109							РР	
№ 110							РР	РР
№ 111							РР	РР
№ 112							РР	РР

Наименование	1939 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
№ 113							ЛК	ЛК
№ 114					Р		ЛК	ЛК
№ 115					Р		ЛК	ЛК
№ 116					Р		ЛК	ЛК
№ 117								УЯР
№ 118					Р			УЯР
№ 119								ОрР
№ 120								ОбР
№ 121								ТТК
№ 122								РР
№ 123								РР
№ 124								УЯР
№ 125								УЯР
№ 126								ТК
№ 127								КР
№ 128								РР
№ 129								РР
№ 130								ИР
№ 131								УЯР
№ 132								ТК
№ 133							П ЛК	ТК
№ 134							П ВКК	ВКК
№ 135							П РР	РР
№ 136							П ТР	ТР
№ 137							П ТР	ТР
№ 138							П CaA	ЛК
№ 139								ЛК
№ 140								ЛК
№ 429					№ 62 AA			
ПХ «Коломна»	ТТК	ТТК	ТТК	ТТК		ТТК	ТТК	ТТК
ПХ «Красный сплавщик»		ТТК	ОсР, ТТК	СР, ТТК	ТТК	ТТК	ТТК	ТТК
«Колхозница»		КК Г	СР	ЛПТ		КК		
«Ижорец»		ОбР	ВКК, ТТК	ВКК, ТТК	№ 13			
ПХ «Кооператор»		ТТК	СР, ТТК					
«Узола»		ТТК	ТТК					
«Горьлес»		ТТК Г	КА					
«Пионер»			СР	СР	Р СР	СР	СР	СР
«Спартак»			СтА					
ПХ «Кама» (Вишхимз № 3)				?, ТТК	ТТК	ТТК	ТТК	ТТК
«Пограничник»				CaA	Р	CaA	ТК	ТК
«Дозор»				СтА	Р	СтА	ТК	ТК
«Ураган»				КА		КА	ТК	
«Кренкель»				КА	Сп.			
«Чепца»				CaA	Сп.			
«Лермонтов»				КА			НР	НР
«Комсомолец»						СР	СР	СР
«Сырка»								ТТК
ПХ «Киев»								ТК

Прмечания:

AA – Астраханское агентство

ВКК – Верхнекамская сплавная контора

ВК – Вишерская сплавная контора
 ИР – Иньвенский рейд
 КА – Куйбышевское агентство
 КК – Камский лесоперерабатывающий комбинат
 КР – Керчевский рейд
 ЛК – Лоинская сплавная контора
 ЛПТ – Лесопромышленный техникум
 НР – Ново-Ильинский рейд
 НС – Нытверская судоверфь
 ОБР – Обвинский рейд
 ОРР – Орлинский рейд
 ОСР – Осинский рейд
 РР – Рябининский рейд
 СаА – Саратовское агентство
 СоА – Сокольское агентство
 СР – Сарапульская сплавная контора, Сарапульский рейд
 Ста – Сталинградское агентство
 ТТК – Такелажно-транспортная контора
 ТК – Транзитная контора
 ТР – Тюлькинский рейд
 ЦРМ – Центральные ремонтные мастерские
 УЯР – Усть-Язьвинский рейд

Сп. – Списан

Г – переделан на газогенератор

Р – разъездной

П – принят из нового судостроения

* – сдан в аренду (№ 3) ** – реконструкция (№ 7)

Реконструированная [Таблица 1](#), составленная по текстам приказов о распределении флота, дает ценную информацию об участии треста в Великой Отечественной войне, до этого никогда не бывшим объектом исследования. Вкратце суть вопроса следующая. Во время войны было мобилизовано большое количество судов лесных хозяйств. Однако, если ориентироваться на справочник С.С. Бережного, это были в основном суда леспромхозов и сплавных хозяйств северных рек (Печоры, Северной Двины и т. п.) ([Бережной, 1988](#)). В этой связи отсутствие мобилизованных судов из треста «Камлесосплав» выглядит очень странным, ведь он как раз действовал в районе боевых действий, то есть на Нижней Волге. Анализ данных полученной таблицы дает возможность утверждать, что к решению боевых задач, скорее всего привлекались суда Астраханского, Сталинградского и Саратовского агентств, которые пропадают около 1942 г. Однако, с другой стороны, можно заметить количественный рост флота «Камлесосплава» в годы войны. Если в 1939 г. высшим номером среди судов треста был № 70, но в годы войны номера уверенно перешагнули отметку № 100, а в послевоенное время, когда шло восстановление разрушенного народного хозяйства, дошли до № 140.

Таким образом, флот треста почти не уменьшился из-за мобилизации. Можно даже утверждать обратное – он существенно возрос за счет передачи судов от военно-морского флота. В соответствии со справочником С.С. Бережного, это как минимум «Кренкель» (30 л.с., с 7.07.1943 г. Т-633, с 31.07.1943 г. КАТЩ-435), «Ураган» (60 л.с., с 7.07.1943 г. Т-634, с 31.07.1943 г. КАТЩ-436), «Пограничник» (30 л.с., с 7.07.1943 г. Т-635, с 31.07.1943 г. КАТЩ-437), «Дозор» (30 л.с., с 7.07.1943 г. Т-636, с 31.07.1943 г. КАТЩ-438) и «Чепца» (30 л.с., с 7.07.1943 г. Т-637, с 31.07.1943 г. КАТЩ-439) ([Бережной, 1988: 573](#)). Возможно, также тресту передали и бывший КАТЩ-429, ставший № 62 Астраханского агентства (бывший катер «Юрьевец», с 7.07.1943 г. Т-615) ([Бережной, 1988: 573](#)). В отличие от именных судов, разоруженных 5.10.1943 г., этот разоружили 29.04.1944 г., возможно поэтому он и вошел в состав флота треста как № 429, а не как «Юрьевец».

Реконструированные данные позволяют установить, что «Камлесосплав» в годы Великой Отечественной войны решал важную стратегическую задачу обеспечения лесом и

лесными материалами хозяйств нижней Волги, в том числе и нужды фронта. Из-за этого передача судов треста в другие хозяйства осуществлялась в крайне ограниченных объемах. И наоборот, «Камлесосплав» сам принимал в свой состав мобилизованные суда из других хозяйств. В результате, в годы войны флот треста увеличился почти в полтора раза, а после войны произведено его серьезное техническое перевооружение.

5. Заключение

Предлагаемый метод комплексного анализа всех записей приказов о распределении флота является эффективным средством реконструкции непропечатанных символов. Учитывая, что перемещение флота от одного структурного подразделения треста к другому – это довольно трудоемкая процедура, сопровождавшаяся приказами о перемещении личного состава, актами постановки и списания с баланса, можно предположить, что распределение флота обладает определенной долей инерциальности. Она явно составляет больше года, т. е. одно и то же судно вполне может повторяться в приказах за разные года. Принимая это допущение, а также учитывая особенности печати отдельных фрагментов цифровых символов, появилась возможность реконструкции приказов о распределении флота треста Камлесосплав в годы войны, что дало новое понимание об его значении для Победы.

Литература

СГА – Управление по делам архивов Администрации города Сарпула.

Бережной, 1988 – *Бережной С.С.* Корабли и суда ВМФ СССР. 1928–1945. М.: Воениздат, 1988. 710 с.

Ветров, 2024 – *Ветров А.А.* Распознавание символов с использованием метода наименьших квадратов // *Научный аспект.* 2024. Т. 44. № 6. С. 5572–5576.

Маслов, 2023 – *Маслов И.А.* Оптическое распознавание символов в информационных системах и проблемы внедрения // *E-Scio.* 2023. № 3 (78). С. 79–85.

Митюков, Ким, 2023 – *Митюков Н.В., Ким Ю.Л.* Флот треста «Камлесосплав» в 1939–1948 гг. // *Судостроение.* 2023. № 3. С. 70–78.

Пшеничкин и др., 2018 – *Пшеничкин Е.В., Цуканов М.В., Рыженков Д.В.* Распознавание рукописных символов с помощью нейронных сетей методом с обратным распространением ошибки // *Инновационная наука.* 2018. № 2. С. 14–16.

Юрьев, 2010 – *Юрьев Г.А.* Распознавание символов на базе цепи Маркова // *Психологическая наука и образование.* 2010. Т. 15. № 5. С. 119–123.

References

Berezhnoi, 1988 – *Berezhnoi, S.S.* (1988). Korabli i suda VMF SSSR. 1928–1945 [Ships and vessels of the USSR Navy. 1928–1945]. M., 710 p. [in Russian]

Maslov, 2023 – *Maslov, I.A.* (2023). Opticheskoe raspoznavanie simvolov v informatsionnykh sistemakh i problemy vnedreniya (Optical character recognition in information systems and implementation problems). *E-Scio.* 3(78): 79–85. [in Russian]

Mitiukov, Kim, 2023 – *Mitiukov, N.W., Kim, Yu.L.* (2023). Flot tresta “Kamlesosplav” v 1939–1948 gg. (Fleet of the “Kamlesosplav” trust in 1939–1948). *Sudostroenie.* 3: 70–78. [in Russian]

Pshenichkin i dr., 2018 – *Pshenichkin, E.V., Tsukanov, M.V., Ryzenkov, D.V.* (2018). Raspoznavanie rukopisnykh simvolov s pomoshch'yu neironnykh setei metodom s obratnym rasprostraneniem oshibki [Handwritten Character Recognition Using Neural Networks with Backpropagation Method]. *Innovatsionnaya nauka.* 2: 14–16. [in Russian]

SGA – Upravlenie po delam arhivov Administracii goroda Sarapula [Department of Archives of the Sarapul City Administration].

Vetrov, 2024 – *Vetrov, A.A.* (2024). Raspoznavanie simvolov s ispol'zovaniem metoda naimen'shikh kvadratov (Character recognition using least squares method). *Nauchnyi aspekt.* 44(6): 5572–5576. [in Russian]

Yur'ev, 2010 – *Yur'ev, G.A.* (2010) Raspoznavanie simvolov na baze tsepi Markova (Character recognition based on Markov chain). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie.* 15(5): 119–123. [in Russian]

Системный анализ при реконструкции ротапринтных изображений машинописного текста: на примере приказов о распределении флота треста «Камлесосплав» 1939–1948 гг.Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Юрий Леонидович Ким ^b^a Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация^b Удмуртский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В ротапринтных изображениях наибольшие проблемы связаны с идентификацией цифр. Нечетко напечатанные буквенные символы обычно идентифицируются по смыслу, что исключено для номеров. На примере анализа отпечатанных на ротапринте бюллетеней треста «Камлесосплав» периода 1939–1948 гг. предложена следующая методика идентификации. На первом этапе производится группировка имеющихся в документе номеров: во-первых, выделяются номера, в чтении которых не возникает сомнений, во-вторых, в чтении которых имеются несколько альтернативных вариантов, в-третьих, нечитаемые цифры. На втором этапе определяется присутствие каких-либо из альтернативных номеров далее в документе. Если он имеется, то вычеркивается из списка альтернатив. Наконец, на третьем этапе производится анализ более ранних или более поздних документов, в связи с тем, что отдельные катера работали в каком-то конкретном хозяйстве по несколько лет.

На основе этой методики проведена идентификация номеров катеров в приказах о распределении флота периода 1939–1948 гг., полученные номера сведены в таблицу. Анализ этих данных позволил утверждать, что, несмотря на достаточно серьезную мобилизацию судов лесосплавных хозяйств других регионов (прежде всего северных рек), мобилизация судового состава треста «Камлесосплав» проводилась крайне ограниченно. Вероятнее всего, к выполнению боевых задач привлекались суда Астраханского, Сталинградского и Саратовского агентств, как оказавшиеся непосредственно в районе боевых действий на Нижней Волге. С другой стороны, все военные годы наблюдается рост численности судового состава флота треста: по сравнению с 1939 г. в середине войны примерно в полтора раза, а при послевоенном восстановлении народного хозяйства более чем в два раза. В частности, судя по справочнику С.С. Бережного, в состав треста передали как минимум пять выведенных из состава флота и разоруженных катерных тральщиков.

Таким образом, реконструированные данные позволяют установить, что «Камлесосплав» в годы Великой Отечественной войны решал важную стратегическую задачу обеспечения лесом и лесными материалами хозяйств нижней Волги, в том числе и нужды фронта. Из-за этого передача судов треста в другие хозяйства осуществлялась в крайне ограниченных объемах. И наоборот, «Камлесосплав» сам принимал в свой состав бывшие мобилизованные суда из других хозяйств.

Ключевые слова: анализ источников, методика реконструкции символов текста, трест «Камлесосплав», водный транспорт, Великая Отечественная война.

* Корреспондирующий авторАдреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)